

Андрей В. Кудин

**КНИГА О ТОМ,
КАК ВЫЖИТЬ
В ТЮРЬМЕ**

~Киев~

*Маме,
подарившей мне жизнь
Маме,
спасшей мне жизнь
ценой собственной жизни*

ISBN 966 7028-13-5

© Андрей В. Кудин

Перепечатка и воспроизведение отдельных глав и книги в целом запрещаются.
Любое коммерческое использование текста, рисунков, материалов книги может осуществляться только с разрешения автора.

ВСТУПЛЕНИЕ

*“Сидеть будут все...”
(глубокое внутреннее убеждение
сотрудников правоохранительных органов)*

Ты перешагнул порог и остановился у входа в камеру, рассеянно оглядевшись вокруг. Чего стоять? Проходи, братуха, присаживайся. Здесь ты никому и ничем не обязан. Никто не вправе лезть в твою душу, выпытывая, кто ты и за что тебя кинули за тюремные стены. В местах “не столь отдаленных” чрезмерное любопытство справедливо рассматривается как проявление дурного тона, а посему тот, кто собирается жить долго, не страдает вышеупомянутым недостатком. Это там, наверху, мусора стремятся любыми правдами и неправдами нас раскатать и выудить побольше интересующей их информации, а здесь, в камере, вполне достаточно назвать статью, по которой тебя закрыли, да имя, чтобы мы знали, как к тебе обращаться. Всё остальное – сугубо личное дело. Хочешь молчать – молчи, хочешь общаться – общайся. Живи, как подобает свободному человеку, и поступай так, как считаешь нужным.

Не знаю, как ты, но я не вижу ничего странного в том, что мы встретились именно за решеткой, а не в ложе оперного театра. Это **абсолютно нормально** для данного государства. Трудно найти жителя Украины, который хотя бы раз в жизни не ночевал на казенных нарах. Впрочем, чему удивляться? Мы родились и выросли в стране, которая сама по себе является не чем иным, а местом “не столь отдаленным”. Тюрма – всего-навсего её копия в миниатюре.

Видно что-то мы не так сделали в предыдущей жизни, раз в этой тут родились. С какой стороны ни посмотри, а наша нынешняя Родина далеко не самый лучший обломок некогда могущественной Российской империи, где понятия не имеют, что такое Закон и какого... мировое сообщество ворчит и требует, чтобы на Украине начали возводить пусть что-то, пусть отдаленно, но всё-таки напоминающее правовое государство.

Однако Украина – не Америка, не Европа и даже не Россия. Надеяться на то, что завтра здесь что-либо изменится к лучшему, может только пациент больницы имени Павлова. Привычный для

жителя цивилизованной страны вопрос “Как дела?”, заданный “среднестатистическому украинцу”, звучит, по меньшей мере, глупо и в высшей степени бескультурно. Более идиотский вопрос трудно вообразить. Чего, собственно, спрашивать? Тебе что — повылазило? Не видишь что ли — человек пока ещё жив, а если человек жив, то у него всё хорошо и нечего с расспросами приставать. Всё равно правду никто не скажет.

На Украине залететь белым лебедем за решетку достаточно просто. Для этого не следует прикладывать каких-либо особых усилий и утруждать голову мыслительной деятельностью. У нас такая страна, что не успеешь опомниться, а ты уже там, то есть здесь, прямо как “здрасьте” среди ночи.

Что любопытно — стоящие у власти сажают соотечественников в тюрьмы с нескрываемым удовольствием, а выпускают из них с такой явной неохотой, да ещё морды кривят такие, словно, выходя на свободу, мы тем самым наносим оскорбление всему цивилизованному человечеству.

Кстати, по поводу освобождения. Это — не просто забываемое в жизни событие. Это целая эпопея, которая начинается с первых минут заключения и затягивается у кого на годы, а у кого на десятилетия. Мало того, что данный процесс во времени растянут до неприличия, так он к тому же достаточно дорогостоящий со всех точек зрения. Далеко не все, а правильнее будет сказать — никто не бывает готов к такому повороту событий, а посему, как поется в песне Владимира Высоцкого: “Тот, кто выжил в катаклизме — пребывает в пессимизме”.

Немало пассажиров, очутившись в тюремной камере, сразу же начинают биться головой о стену. Прямо как рыбки об лед. Не думаю, что удары головой о бетон особо способствуют улучшению мыслительной деятельности внутри черепной коробки. Как бы кто ни старался, а тюремные стены почему-то всегда оказываются чуть прочнее, чем буйные арестантские головы.

За время, проведенное в заключении, мне пришлось видеть разных людей в далеко не самые лучшие минуты их жизни. Заживо погребенные за тюремными стенами, лишённые элементарных человеческих прав, съедаемые друг другом, как пауки в банке, заключенные медленно, но уверенно превращались в затравленные комья человеческой глины. Им казалось, что жизнь закончена, что всё лучшее, что только может быть — свет, радость, любовь, абсолютно всё, что входит в понятие “счастье”, — далеко позади, а впереди только беспросветный мрак, безысходность и пусто-

та. В глазах подавляющего большинства сокамерников не было жизни — это были глаза мертвецов.

“Ого! — сказал я себе. — Здесь делать нечего. Пора выбираться на волю”. Это была первая мысль после того, как я переступил порог тюремной камеры и увидел, с кем мне придется сидеть. Публика мало чем отличалась от сборища бомжей, небрежно утрамбованных в обезьянник привокзального отделения милиции после очередной облавы.

Характерной чертой коллег по несчастью было тупое равнодушие как к своей дальнейшей судьбе, так и к собственному здоровью. Часть заключенных давным-давно перестала за собой следить (а зачем?), живя, пока живется, жизнью примитивных животных (съесть, что дадут, оправить естественные надобности, а в остальное время валяться на нарах, воткнув неподвижный взгляд в потолок). Другие арестанты, наоборот, проявляли недюжинную активность, носясь как угорелые из угла в угол, распутив пальцы веером, а сопли пузырями. По всей видимости, они еще не набегались на свободу, в их задницах продолжало пылать пламя пионерских костров. Им нравилось изображать из себя тюремных авторитетов и время от времени изрекать глубокомысленные фразы типа: “Наш дом — тюрьма” или “На свободе делать нечего”. Окружающие поддакивали, как попугаи, кивая в такт головами.

Вместе с тем, большинство арестантов прекрасно понимало, что делать нечего как раз в тюрьме. Они суетились, нервно грызли ногти и вечно куда-то спешили. Старались сделать как лучше, а получалось как обычно — всё хуже и хуже... Их энергия, не найдя выхода, выплескивалась на грязные тюремные стены, многократно усиливая и без того отрицательно заряженный фон мест “не столь отдаленных”.

Не проходило и дня, чтобы кто-то не попытался объявить голодовку в знак протеста против произвола властей, наивно полагая, будто бы на Украине можно кого-нибудь удивить голодовкой. Простодушные, доверчивые существа! В этой стране на взрывы ядерных реакторов возле столицы никто внимания не обращает, а тут голодовка какого-то ээка... Ну и что? Пускай себе голодает, раз хочется. Тем более, что интересоваться у голодающего, чего ему, собственно, не хватает для полного счастья, по меньшей мере, бесперспективно. Обычно не хватает именно того, что давать никто не собирается. Например, освободить из-под стражи или подарить на день рождения ящик с тротилом, чтобы было чем взрывать Министерство Внутренних Дел.

Периодически на тюремном горизонте появлялись радикально настроенные элементы, которые не разменивались на растянутые во времени голодовки, а настойчиво резали подручными средствами вены.

Я как-то задумался — а почему именно вены? Предположим, сделать по-людски хакари не совсем удобно в условиях тюремной антисанитарии, но зато перерезать себе глотку или воткнуть в нее заточенную ручку от ложки не менее, если не более, эффективно и эффективно.

Однако люди вскрывают себе именно вены. В их подсознании до последнего вздоха живет надежда на то, что их обязательно спасут, пожурят, словно в детстве, и пожалеют. В реальной жизни их и вправду чаще спасают, чем нет. Только вот жалеть никто не собирается. Без наркоза и нежных слов вгоняют в руки металлические скобы, добавляют для верности дубинкой по почкам и водворяют обратно в камеру. Тюремщики отчего-то свято верят, что чем больше боли причинить потенциальному самоубийце во время так называемого “спасения”, тем меньше желания повторить то же самое у него возникнет в будущем. Спасенные почему-то думают по-другому и продолжают угрюмо размышлять о том, какой путь на тот свет наиболее прост и комфортен.

Далеко не все спокойно воспринимают вид крови, особенно если эта кровь — их собственная. Как оказалось, для людей имеет немаловажное значение и то, как они умрут. Уходить из жизни, корчась в судорогах и захлебываясь в луже крови на грязном полу, согласитесь, не вполне эстетично. Очевидно, именно поэтому некоторые норвят зависнуть вместо лампочки под потолком, используя подручные средства в виде разорванных брюк и рубашек.

Думать о самоуничтожении и уничтожить себя — далеко не одно и то же. Среди моих тюремных знакомых только один, высокий, крепко сбитый парень лет двадцати пяти, каменщик по профессии, подошел к делу ответственно и довел его до конца. Все остальные потенциальные самоликвидаторы ограничились тошнотворным нытьем — вокруг, видите ли, полная безнадега, а посему нет ни малейшего желания жить.

Каменщик не ныл, да и вообще не вел гнилые разговоры на подобную тему. Он сутками лежал на спине, уставившись в одну и ту же точку.

— Юрок, на прогулку пойдешь? — спрашивали мы его, но парень так ни разу и не вышел в тюремный дворик.

Юра заехал на тюрьму по обвинению в убийстве жены на почве ревности. До того, как он прикончил благоверную, они вместе работали на одном предприятии. Она — в бухгалтерии, он — непосредственно на стройке, плюс подрабатывал халтурой. На еду и одежду денег хватало с головой. Детей заводить не спешили, особых претензий к жизни как будто бы не было. Юра выглядел как типичный представитель рабочего класса, живущий по принципу: “Главное, чтобы не хуже, чем все”.

Каждое утро, в одно и то же время, он вместе с женой шел на работу, а вечером они вместе возвращались домой. На праздники и выходные ходили в гости к родственникам или друзьям. С какой стороны ни посмотри — самая что ни есть заурядная пара, живущая стандартной жизнью в стандартной гостинке без перспектив на расширение.

— Знаешь, а мы ведь любили друг друга, — вырвалось однажды у Юры, когда мы сели пить чай после вечерней проверки. Юра тогда одел теплую вязаную безрукавку и как бы невзначай обронил:

— Это она мне её подарила на годовщину свадьбы.

Теперь трудно судить, где было больше любви, а где чего-то другого. Развод для Юры означал потерю не только любимой, но и квартиры вместе с машиной, так как все это было изначально её, а не его. По большому счету, у парня, приехавшего в Киев из глухого села, кроме привлекательной внешности и техникума за плечами, ничего-то и не было.

Они решили расстаться, отмечая очередную годовщину свадьбы, на третьем году совместной жизни.

— Пойми, Юрка, нам необходимо какое-то время пожить отдельно, чтобы разобраться друг в друге, в себе...

Супруга сидела в кресле напротив и пила шампанское. Он пил кофе и молча курил, тупо уставившись в телевизор. Не думаю, что для Юры это было большой неожиданностью. Он прекрасно знал, что последние года полтора его красавица жена значительную часть свободного времени проводит в постели у шефа, который был на пятнадцать лет старше её. Юра всё знал, однако делал вид, что ему ничего не известно.

Ближе к полуночи жена, как обычно, поцеловала его — невесомо и нежно, прикоснувшись губами к губам. Тихо сказала перед тем, как отправиться спать:

— Спасибо за то, что понял меня.

Юре, в отличие от жены, спать не хотелось. Он равнодушно проводил глазами супругу и, воткнув ноги в домашние тапочки, побрел на кухню в поисках бутерброда. С бутербродами не повезло — хлеб закончился. Зато в холодильнике нашлась начатая бутылка водки, содержимое которой благополучно перекечевало в Юркин желудок. Как после этого у Юры в руках оказался топор, хранившийся на балконе в ящике для инструментов, он точно не помнит, но в спальню парень вошел уже вместе с ним.

Супруга спала, положив голову на зеленого пушистого слоника, подаренного ей крестным на Новый год. Юра на цыпочках подошел к кровати и остановился у изголовья. От природы парень был настолько физически силен, что ему не составило бы большого труда перерубить одним ударом кровать, но в последний момент силы изменили ему.

— Ты веришь? Я почти остановился...

Топор вошел в череп, но не убил. Юра испуганно отпрянул, широко раскрыв глаза, глядя на то, как задыхается девушка, захлебываясь собственной кровью, как багровая пена и слизь заливают диван. Его вдруг охватил животный страх, он больше не мог этого видеть, но и оторвать глаз не мог. Механически, словно в тумане, накрыл супругу шерстяным пледом и присел на краешек стула.

В течение нескольких часов тело содрогалось в конвульсиях, словно сквозь него пропускали электрический ток. О чем думал в эти часы Юра — одному Богу известно. Утром он пошел сдаваться в милицию.

В Печерском райотделе внутренних дел города Киева, куда пришел Юра, дежурный мент радостно заулыбался, похлопав каменщика по плечу:

— Не переживай, девок у тебя будет много — вся жизнь впереди, а то, что сам пришел, — эх, все бы так!..

Слегка пожурился парня, дежурный посоветовал ему зайти попозже, после того, как они сдадут смену. По-человечески его можно было понять: ну кому хочется в конце рабочего дня исписывать горы бумаги, выезжать на место происшествия, допрашивать, разбираться?.. Юра так и сделал, как ему посоветовали. Съездил на пару дней в село, а по возвращении в Киев, не заходя домой, пошел в милицию, предусмотрительно прихватив с собой теплые вещи. Вот так Юра и очутился в нашей камере, с удивлением обнаружив, что тюрьма вовсе не такая, как её показывают по телевизору.

Внешне поведение Юры мало чем отличалось от поведения остальных арестантов. Он охотно рассказывал, как ездил на заработки в Подмоскowie, шутил... Не скулил, как другие. Только вот иногда задавал странные вопросы, обращенные то ли к сокамерникам, то ли к самому себе. Однажды утром он спросил у соседа по нарам:

— Как ты думаешь, она там меня ждет?

Усыпанный с головы до ног ярко-рыжими веснушками, не в меру подвижный Жора, предпочитающий ходить в гости через форточку, когда хозяев нет дома, вытащил зубную щетку изо рта:

— Да ты гонишь, братуха. Она в земной жизни гуляла налево-направо, а ты хочешь, чтобы такая на том свете берегла себя для тебя?

— Я не гоню. Гонят дерьмо по трубам, — оскорбился каменщик, поджав упрямые губы. — Нет, ждет. Мы сегодня с ней всю ночь говорили.

Жорик прополоскал рот и аккуратно упрятал зубную щетку обратно в пенал:

— Юрок, как развестись с женой в земной жизни ты придумал, а вот как вы будете разводиться на небесах, когда сойдется по-новой? На облаках-то топора нет. Хе-хе...

В десять утра Жорика заказали без вещей, и он ушел на следственную знакомиться с делом. Около одиннадцати Юра полез вешать веревку, как мы думали, для сушки белья, а в результате завис на ней сам. До сих пор удивляюсь, как самодельная веревка выдержала такой большой вес, тем более, что Юра сиганул в петлю с верхней нары, к тому же с разбега. Я обернулся, услышав едва различимый, странный и неприятный звук, словно кто-то сломал карандаш, зажав его между пальцами. Оказалось, это хрустнули Юркины позвонки.

Больше всех расстроился, как всегда, Жора, вернувшийся в камеру, когда Юру уже унесли и всех заказали с вещами.

— Вот так — ни с того, ни с сего, не попрощавшись... — Жора задыхался от возмущения. — Почему мне так не везет? Как сидеть, так мне, а как что-то интересное происходит, так всегда без меня!..

Камеру разбросали. В некотором смысле мне повезло — я переехал в другую хату вместе с Григорием Степановичем, известным финансистом лет шестидесяти, чье материальное благополу-

чие многим не давало спокойно спать. Дядя Гриша оказался на редкость проникательным человеком. Он словно прочитал мои мысли:

– У каждого своя дорога домой. Он сделал свой выбор, мы сделали свой. Нужно держаться.

Я это и так понимал. Выйти на свободу с наименьшими потерями, со здоровой психикой и в отменной физической форме – вот задача, которая стояла передо мной. Юре тюрьма не понравилась, и он своего добился – покинул тюремную территорию. Как бы там ни было, а он уже на свободе.

Я сидел на нарах, медленно перебирая четки, сделанные из тюремного хлеба, и напряженно думал, всматриваясь в лица сокамерников. Неужели всем нам суждено вот так, как Юра, покинуть тюремные стены?

Слова дяди Гриши вывели меня из оцепенения. Я четко осознал – мой путь другой. Суицид – удел людей со сломленной волей или просто больных. Мой путь – это путь жизни вне зависимости от того, что и кто будет меня окружать.

Да, неприятно видеть мертвым того, с кем разговаривал за несколько минут до того, как все случилось. Особенно, когда превращение живого человека в мертвеца происходит у тебя на глазах. Смерть любого живого существа всегда неприятна, и привыкнуть к ней невозможно. Смерть – всегда боль, острая, пронзительная, разрывающая в клочья безмолвным криком барабанные перепонки. Абстрактные размышления о том, что смерть является неотъемлемой частью жизни, в реальности оказываются совершенно бесполезны, когда видишь её перед собой.

За тюремной решеткой нервы натянуты до предела. Любое неосторожное слово или действие может привести к взрыву среди заключенных. Что уж говорить, когда кто-либо из пассажиров, пусть добровольно, но уходит из жизни... Я видел это и понимал, что не имею права терять контроль над собой, что любая суета выматывает и ослабляет, что нельзя делать непродуманные шаги, а мозг обязан работать четко и ясно. Мне была жизненно необходима хорошо продуманная и, главное, применимая на практике программа выживания в экстремальных условиях тюремного заключения. Как оказалось, ни в тюрьме, ни, тем более, на свободе её не существовало. Каждый действовал интуитивно, периодически разбивая лоб об одни и те же стены, хотя, обладая элементарным пониманием происходящего, этого можно было бы без труда избежать.

Выход напрашивался сам собой – раз такой программы нет, значит, нужно её создать самому.

Я рылся в прошлом, восстанавливая в памяти и анализируя любую информацию, связанную с выживанием в экстремальных ситуациях, вспоминая, как поступали известные мне люди, попав в переделку. Здорово пригодился собственный армейский опыт, опыт заключенных со стажем и тех, кто успел побывать на фронте и в сталинских концлагерях. Что говорить – среди местной публики хотя и редко, но всё-таки встречались яркие и интересные люди.

Постепенно, разрабатывая программу выживания в столь специфичных условиях, я решил отклониться от первоначального плана и описать тюремную жизнь такой, какой я увидел её. Кое-где мне пришлось сознательно изменить факты и, конечно же, поменять имена, дабы невзначай не навредить тем, кто отбывает свой срок или продолжает творить чудеса на свободе.

Я часто думал, не отложить ли написание книги до выхода на свободу. Наверняка работа получилась бы значительно лучше и была бы написана более ровно и объективно. Однако это была бы уже совсем другая книга. К тому же, я не уверен, захочу ли после освобождения, пусть даже мысленно, возвращаться сюда.

Те, кто упрятали меня за решетку, приложили немало усилий, чтобы убить в сердце малейшую надежду на возвращение. Мне приходится писать, находясь в условиях глухой изоляции от внешнего мира, где переписка запрещена, любые книги (за исключением Библии) запрещены, а провокации, лжесвидетели и подтасовка фактов – неотъемлемые атрибуты тюремных будней. Это трудно понять тем, кто не побывал за решеткой. Далеко не случайно бывалые заключенные не любят рассказывать о жизни в застенках, отбиваясь от назойливых вопросов желторотых юнцов избитой фразой: “Попадешь – сам узнаешь”. В этом ответе есть свой смысл. Разве существуют в мире такие слова, которые смогли бы передать, что в действительности испытывает сидящий в тюремной камере человек, когда слышит поворот ключа в замке и удар металла о металл в тиши тюремного коридора?

“...На Украине человек не имеет никаких, даже самых элементарных прав на защиту. Его могут держать в райотделе столько, сколько посчитают нужным, без еды и без теплых вещей...”

“...Ежедневно сотрудники милиции безнаказанно калечат, пытаются и убивают людей. Без суда и следствия. Им глубоко наплевать — виновен “объект” или нет. Им сказали выбить показания и заставить человека признаться — вот они и стараются. Если “объект” женщина — могут и изнасиловать... А чего церемониться? По их логике — раз баба, то наверняка проститутка...”

*“Робити я не хочу, а красти я боюся.
Поїду краще в Київ — в міліцію наймуся”
(устное народное творчество)*

Если поздно ночью в твою дверь настойчиво постучали и на твой удивленный вопрос: “Кто там?” — незнакомый голос прогнусавил в замочную скважину слово: “Милиция”, — не рассчитывай увидеть у себя на пороге высокоинтеллектуальные лица из категории тех, какие показывают рабочему классу в сериале “Следствие ведут знатоки”. Если бы не казенная форма и не конторские ксивы, трудно поверить, что именно эти homo sapiens по идее должны обеспечивать законность и порядок на территории украинского государства. Незваные гости почему-то невероятно похожи на тех, чьи описания красуются на страницах газет в разделе криминальной хроники.

Скорее всего, гостей будет человек пять в штатском и один, как положено, в милицеейской форме, чтобы у окружающих не возникало сомнений в том, что именно они являются представителями законной власти. Обычно тот, кто в форме, — самый младший по званию. Его прихватили с собой, так сказать, для декорации. Он понятия не имеет, что происходит, в чью квартиру он вломился и для чего. Ему сказали: “Поехали”, и он послушно побрел. Такое впечатление, что для него “все равно куда идти — лишь бы с вами по пути”. Старший группы, из тех кто в штатском, одет получше, чем остальные, и всем своим видом показывает, “кто в доме хозяин”, но и он чаще всего не понимает, что происходит на самом деле. Как правило, это также чистой воды исполнитель, которому поставлена конкретная задача, и он обязан её отработать.

Внешний облик представителей власти вызывает зависть и восхищение. Откормленные и не искалеченные мыслительной деятельностью физиономии пышут здоровьем и верой в завтрашний день. Глаза воровато бегают по сторонам, а наглый, самоуверенный тон собьет с толку любого интеллектуала. Обычно они изъясняются односложными предложениями на так называемом

суржике, представляющем собой любопытную смесь недоученного русского и плохо выученного украинского языка. Скопировать их речь нормальному человеку не представляется возможным. Звезды эстрады, всемирно известные мастера разговорного жанра, и те теряются, когда нужно изобразить гуманоидов в милицейских мундирах. Чтобы разговаривать, как менты, нужно самому быть ментом. Другого выхода нет.

Одеваются украинские милиционеры достаточно своеобразно. Даже в тех случаях, когда появляется возможность натянуть на себя дорогие шмотки, они умудряются их носить настолько безвкусно, что просто диву даешься. Обрати внимание: менты никогда не чистят обувь, всегда ходят с папкой под мышкой, редко меняют носки и по праздникам выливают на себя по полведра самого дешевого одеколona. Те, кто помоложе, но уже успели проработать несколько лет в органах внутренних дел, обожают, как петухи, обвешиваться конфискованной бижутерией, всевозможными золотыми побрякушками и цепями толщиной в два пальца. Наверное, у них в райотделе так модно.

Когда мусора начнут ломиться в дверь, прежде всего посмотри на часы. С одиннадцати вечера до шести утра можешь смело посылать их подальше, не обращая внимания на истеричные вопли и настойчивый стук. После шести дверь открывать также вовсе не обязательно. Если им надо — пусть тащат сварочный аппарат и штурмуют бронированные двери. (Если дверь в твою квартиру сделана не из металла, а из дерева и открывается вовнутрь, а не наружу — прими мои соболезнования).

Пока непрошеные гости будут возиться с входной дверью, подумай, что их может заинтересовать, и это самое что-то спрячь в труднодоступное место. На худой конец, забрось за шкаф в коридоре. Менты — существа до безобразия ленивые, тяжести таскать не станут. Что касается логики, то она в их действиях отсутствует напрочь. Например, у меня дома во время и первого, и второго обысков они не стали открывать вмурованный в стену сейф, потому что не нашли к нему ключ. Однако поотрывали вагонку, которой был обшит балкон, и поломали мебель. То ли от злости, то ли у них такое служебное рвение...

Предположим, менты таки вломились в твою квартиру, и ты имеешь счастье созерцать, как они, размахивая ордером на обыск, рыскают по квартире. Обычно, первое, что говорит старший группы, звучит примерно так:

— Документы, деньги, ценности, а также оружие и наркотики — на стол.

Внимательно запомни, что им нужно, и именно это ни в коем случае не отдавай.

Найденные деньги они наверняка раздеребанят между собой и пропьют. Пусть тебя и твоих родственников не вводит в заблуждение тот факт, что ваши кровные один из незванных гостей вписал в какой-то там бланк. Никто возвращать обратно деньги и ценности не собирается. Не для этого их отбирали. Что касается документов, то они имеют шанс потеряться “где-то в дороге”. Сделать это не составит для блюстителей правопорядка никакого труда. Во время обыска все бумаги сваливаются в ящики, которые помечают цифрами “1”, “2” и так далее. Никто не фиксирует в протоколе изъятия содержимое ящиков с описанием, какие именно документы находятся в них и где конкретно. Впоследствии то, что будет нужно для фабрикация дела, сохраняют и подтасуют, а что покажется лишним — уничтожат. Пойди потом докажи, что к чему.

Для большинства украинских граждан скитания по вонючим тюремным камерам начинаются с задержания в собственном доме, сопровождаемого унижительным обыском. Мусора беспардонно переворачивают вещи вверх дном и топчутся по ним грязной обувью, изображая поиск вещественных доказательств по какому-то никому не понятному делу. Не беда, если таковых у тебя нет и в помине. Во время обыска царят такие хаос и суета, что вкатить в гостиную бронетранспортер не составит большого труда. Что уж там говорить о несчастных гранатометах, сваленных вперемешку с обувью возле входной двери, или ящиках с ржавыми боеприпасами на кухонном балконе?

Родственники, наблюдая за происходящим, пребывают в глубоком шоке и находятся на грани обморока. Понятые приглашены, скорее, для мебели. От них ни холодно, ни жарко. Нередко понятых нет и в помине — данные случайных людей для порядка вписывают в протокол обыска задним числом. Если же таковых и находят, то это, как правило, разбуженные и перепуганные насмерть соседи, робко жмущиеся друг к дружке и желающие исключительно одного — дабы их оставили как можно быстрее в покое. Ставшие волею судьбы очевидцами бездарно сыгранной пьесы, они совершенно ничего не понимают, кроме того, что их милый и добродушный сосед, оказывается, особо опасный преступник. В их сознании, если арестован — значит виновен. Люди

никак не могут врубиться, что **только суд определяет степень виновности человека**. До суда никому не позволено вешать ярлык преступника на шею другого. Даже если очень хочется.

Обыск заканчивается коротким диалогом типа:

- Поедете с нами. Руководство хочет побеседовать с Вами.
- О чем?

Действительно, о чем можно говорить с “руководством” в два часа ночи?

- Нам не докладывают. Собирайтесь.
- Мне нужно брать с собой какие-то вещи?
- Нет, только паспорт и записную книжку. Вы сегодня же вернетесь домой.

Снова ложь, и вовсе не потому, что это нужно для дела. Они лгут по привычке, потому как не лгать лакеи Фемиды уже не умеют. Единственная логика, которая смутно просматривается в их лжи, – не спугнуть “объект” и избежать проблем с задержанием. Не так-то легко схватить того, кто этого по-настоящему не желает. Тем более – с хваленой мусорской подготовкой.

В реальной жизни “объект” обычно не сопротивляется и добровольно едет вместе с незваными гостями, чтобы побыстрее уладить возникшие неприятности и спокойно вернуться домой. Ему и невдомек, **как** с ним собираются разговаривать за решеткой.

Если на небе звезды сошлись так, что именно ты оказался этим самым “объектом” и деваться некуда, не вздумай брать с собой записную книжку. В противном случае ты имеешь шанс испортить настроение всем тем, кто упоминается в ней. Лично я свои записи успел уничтожить, благополучно спустив их в унитаз, а для того, чтобы менты не заподозрили неладное, прихватил с собой порванный старый блокнот с ненужными телефонами. В Московском РОВД города Киева, куда меня привезли, только один гуманоид из старших чинов понял, что ему принесли совершенно не то, что он хотел. Посинев от злости, он долго орал, брызгая слюной на подчиненных, а на следующее утро направил ещё одну группу обыскивать по-новой мою квартиру.

Эти оказались не менее любознательными, чем предыдущие. Они героически разобрали на запчасти кухонный стол, вытащили дверцы из шкафа и заглянули под паркет. Если вечерние гости не стали открывать вмурованный в стену сейф из-за лени, то утрен-

ние его просто-напросто не заметили. Их больше интересовало содержимое мусорного ведра, чем содержимое ящиков письменного стола у меня в кабинете.

В наручниках (или без таковых) задержанного заталкивают в машину и увозят в сторону ближайшего райотдела, где он теряется, словно в бермудском треугольнике, на долгие месяцы, а то и на годы. Иногда – навсегда.

Полное отсутствие какой-либо информации о близком человеке, так внезапно вырванном из семьи, угнетает похлеще, чем следы от чужих ног на ковре и вещи, разбросанные в беспорядке. После обыска постепенно выясняется, что, помимо изъятых и зафиксированных в протоколе вещей, из квартиры пропало немало других предметов, причем не обязательно ценных. Оно и понятно – менты не брезгают заурядным воровством, поспешно хватая и рассовывая по карманам всё, что попадает на глаза. Боясь быть уличенными в столь неблагоприятном деле, они прячут за пазуху всё подряд, действуя по принципу: “Потом разберемся. Ценное оставим, ненужное выбросим.” Что любопытно: воруя, доблестные милиционеры боятся сослуживцев несравнимо больше, чем свидетелей из числа гражданских лиц, случайно оказавшихся в квартире. Какими бы тупыми ни были мусора, они прекрасно понимают, что понятие “дружба” в их ведомстве не существует, и живут они, словно крысы в клетке, ненавидя друг друга и завидуя более удачливым сослуживцам. Свидетелей-то, при желании, можно без труда запугать, а вот с коллегами по работе так не получится. Те мигом наступчат куда надо. Опомнись не успеешь.

С момента задержания жизнь переходит в совершенно иное измерение времени. Что такое для свободы три дня? Ничто. Миг. Не успел оглянуться, а их уже нет. Это на воле, а за решеткой первые три дня покажутся длиннее нескольких лет. Всё время хочется пробить головой бетонную стену, совершить что-то несравнимо важное, передать суперценную информацию на свободу.

Надеяться на некое подобие объективности со стороны следствия – величайшая глупость. В материалах уголовного дела осядет только то, что характеризует тебя как антисоциального элемента, по ком плачет тюрьма и чьим именем пугают непослушных детей. Да что говорить? Потом, во время знакомства с делом, ты, прочитав о себе, и сам прослезись.

В свое время, когда я листал на нарах уголовно-процессуальный кодекс, мне врезалась в память мысль, проходящая красной

нитью через всё законодательство Украины. Оказывается, в нашей горячо любимой стране **любого** человека можно упрятать за решетку как минимум на полтора года на основании, цитирую: “**глубокого внутреннего убеждения**” органов, ведущих дознание. Не веришь? Открой юридическую литературу и посмотри сам.

Несмотря ни на что, некоторые наивные простаки всё ещё надеются на справедливость и снисхождение со стороны следствия. Думаю, с таким же успехом можно просить многомиллионный кредит у бездомного нищего, живущего под забором. Задача карательных органов – упрятать (а не выпустить!), как они говорят, “объект” поглубже за решетку и чем на дольше – тем лучше. О справедливости, как о широко распространенном заблуждении, лучше позабыть навсегда – разговоры на данную тему только мешают, отвлекая от реального положения дел. Даже если невиновность человека очевидна и подтверждается неоспоримыми доказательствами – это вовсе не повод выпустить его из-под стражи.

Освобождение арестанта автоматически означает признание чьей-то ошибки, в результате которой побывал за решеткой и пострадал невиновный человек, а так как отвечать за содеянное не хочет никто, то в конечном счете человек как сидел в тюрьме, так и продолжает сидеть. Чем дольше тянется следствие – тем больше шансов у органов, ведущих дознание, накопать что-нибудь новенькое.

Иногда о человеке просто-напросто забывают. К примеру, в одной из камер Лукьяновской тюрьмы судьба свела меня с Андреем Ш., бухгалтером по профессии. Максимальный срок, который ему светил в том случае, если вина будет полностью доказана, – четыре года усиленного режима. Между тем, Ш. находился в тюрьме уже шестой год, терпеливо ожидая, когда дело в конце концов попадет в суд. Однако ни следователи, ни работники прокуратуры выпустать парня на волю не торопились.

Случай с Андреем Ш. не исключение. За решеткой таких как он – тысячи. В тюрьме никто не удивится, узнав, что сосед по камере уже далеко не первый год ждет суда. Это обычная, самая что ни есть заурядная ситуация, к которой все как будто привыкли.

Интересно, какой дегенерат первым сказал, будто бы в любой (ты только вдумайся!) профессии есть как хорошие, так и плохие люди? Только дебил не понимает, что каждый вид деятельности накладывает неизгладимый отпечаток на психику человека, формирует специфическое, присущее только людям данной профес-

сии восприятие мира. Дырка в черепе глазами наемника и глазами врача – это совершенно разные вещи. Для представителей различных профессий трава пахнет по-разному, а цвет неба имеет разный оттенок.

“Хорошие”, “честные” и им подобные люди в правоохранительных органах работать не могут. Это невозможно в силу специфики их нынешней деятельности. Те, кто еще не деградировал и не потерял человеческий облик, либо добровольно уволились с работы, либо вынуждены были уйти. На сегодняшний день правоохранительные органы – это самая криминализованная и опасная часть общества. Не заметить этого может разве что слепой, чье восприятие правоохранительных органов формировалось слащавыми басенками о несгибаемом Феликсе, художественным фильмом “Рожденная революцией” да парочкой детективов, написанных кем-нибудь из бывших работников прокуратуры.

Впрочем, ты человек свободный. Хочешь верить в мифы – верь. Паровоз тебе навстречу. Только вот полицей во все времена полицей, как бы там его ни называли. Проводя большую часть жизни в тюремных подвалах, он, хочет того или нет, превращается в самого что ни на есть заурядного цепного пса в помятом казенном мундире.

Во всем мире собак, охраняющих дом, держат на цепи – только в таком случае от них может быть толк. В развитых странах такой цепью является Закон, строго регламентирующий каждый шаг гуманоида с дубинкой в руке. Только безответственные глупцы спускают диких и далеко не декоративных собачек с цепи, позволяя им свободно бегать по приусадебному участку и забегать в дом, где играют дети, а потом сокрушаются, когда опьяненные безнаказанностью твари вдруг возьмут да и загрызут кого-либо из членов семьи или покусают друзей. Неудивительно, что к таким вот хозяевам гости не часто заглядывают на огонек.

На Украине у псов нет цепи. Сотрудники правоохранительных органов трактуют Закон так, как им заблагорассудится, исходя из соображений личной выгоды. Их любимое занятие – поиск подходящих кандидатур, на кого можно было бы наехать и снять немножечко денег. От самих мусоров, как принято называть псов в народе (кстати, слово “мусор” как нельзя более точно и ёмко характеризует их внутреннюю сущность) исходит волна преступности, захлестнувшая Украину. Рыба всегда начинает гнить с головы...

Первое, что бросается в глаза при более-менее близком знакомстве с работниками правоохранительных органов — это патологическая жадность, многократно умноженная на элементарное невежество. Наблюдая за украинской милицией, в который раз убеждаешься, что голова дана человеку для того, чтобы есть, пить и материться, а вовсе не для того, чтобы думать. Когда местные шерлоки холмсы в поисках преступников рубят лес, щепки летят в разные стороны с такой силой, что за ними не видно того самого леса. (Кстати, сам Конан Дойль и его Шерлок Холмс терпеть не могли полицейских и постоянно насмехались над их тупоумием).

В заключении всегда нелегко, но самое трудное — это период с момента задержания до окончания предварительного следствия. Обычно, если человек выдерживает первые три дня “бесед” и допросов, то высока вероятность того, что он выдержит всё. На практике люди очень часто ломаются сразу, как только сталкиваются с реальной опасностью, поэтому сотрудники правоохранительных органов всегда пытаются выбить из “объекта” нужные им показания в первые часы и дни, пока задержанный находится в шоке и плохо контролирует свои действия. От того, как ты будешь себя вести в первые три дня заключения, порой зависит значительно больше, чем от всего последующего пребывания за решеткой. Если брать по большому счету, то именно в эти дни решается твоя судьба.

Потом, после того как закончится предварительное следствие и в уголовном деле наступит полная ясность, ты уже нужен не будешь. Тебя, словно отработанный и пропущенный сквозь мясорубку материал, равнодушно бросят на конвейер, именуемый скамьей подсудимых, для вынесения приговора.

Это будет (или не будет) потом, а сейчас ты вынужден вести изнурительную борьбу, в которой награда — твоя жизнь и свобода. На тебя давят со всех сторон, стремясь превратить в затравленное, запуганное животное. На твою семью со всех сторон льются потоки немислимой грязи, газеты и телевидение истерично называют тебя преступником, и это всё только лишь для того, чтобы сломить твою волю.

Воля — основа основ, стержень личности человека. Всё остальное — как пороки, так и достоинства — уже потом нанизывается на нее. Тот, кто стремится к успеху, тренирует прежде всего именно волю. Не столь важно как — главное результат. Испытания

всегда внезапно врываются в привычное течение жизни. Тот, чья воля сломлена, не способен бороться и потому обречен.

Метания изнуряют. Узнику тяжело собраться и беспристрастно оценить ситуацию. В такие минуты и совершаются роковые ошибки. Если почувствуешь, что теряешь контроль над собой, — остановись на какое-то время. Не ошибается тот, кто **ничего** не делает. Попытайся лечь на пол и забыться, полностью отрешившись от происходящего. Расслабь кисти рук и глаза. Это поможет сохранить здоровье и восстановить утраченные силы. Вспомни, о чем ты думал и что ощущал, когда в одиночестве смотрел на горные вершины или на бескрайние просторы бушующего океана. Образ неприступных гор и океанской бездны помогут вытеснить из сознания неприятные и опасные для жизни эмоции, накопленные за время общения с двуногими псами.

Не ты первый оказался за решеткой. Не ты последний. На начальном этапе твоя задача чрезвычайно проста: не сломаться, не поддаться на провокации, не намолоть чепухи. Умей молчать, если хочешь жить долго. Любой звук, вылетающий изо рта, будет использован против тебя.

На Украине человек не имеет никаких, даже самых элементарных прав на защиту. Его могут держать в райотделе столько, сколько мусора посчитают нужным, без еды и без теплых вещей. Лишь изредка, примерно раз в сутки, когда дежурный выведет его в туалет, задержанный сможет попить воды из-под крана. “Объекту” придется на время позабыть о матрасе, научиться спать на голом полу и привыкнуть жить без таких простых, незаметных и необходимых мелочей, как кусок туалетной бумаги, к примеру.

Некий Суворов в книге “Аквариум” пишет о том, что спецназовцы отрабатывают удары по жизненно важным органам человека на приговоренных к смерти, именуемых “куклами”. Я более чем уверен, что это ложь. Во-первых, смертники после длительного нахождения в тюремных камерах ослаблены настолько, что не представляют для профессионалов ни малейшего интереса как спарринг-партнеры. Во-вторых, зачем так усложнять? Ежедневно сотрудники милиции безнаказанно калечат, пытаются и убивают людей. Без суда и следствия. Им глубоко наплевать — виновен “объект” или нет. Им сказали выбить показания и заставить человека признаться — вот они и стараются. Если “объект” женщина — могут и изнасиловать (что нередко и происходит). А чего церемониться? По их логике — раз баба, то наверняка проститутка.

Пока “объект” не созрел и продолжает упрямо молчать, следователь не показывается, а дежурный по райотделу рассеянно чешет затылок и на вопросы обеспокоенных родственников никак не может внятно ответить — есть такой-то среди задержанных или нет. Это выяснится несколько позже, после того, как с объектом поработают “как надо”.

Черновая и по сути наиболее грязная работа ложится на плечи оперативников, гордо именующих себя органами дознания. Сами по себе они невероятно трусливы. Им нравится корчить из себя героев, когда они толпой измываются над безоружным и к тому же закованным в наручники арестантом. По лицу стараются не бить, предпочитают наносить удары по мягким частям тела, чтобы не оставлять следов. Такое общение с “объектом” они называют “беседой”.

Непременным атрибутом “бесед” является резиновая дубинка, которая выглядит совершенно безобидно рядом с деревянными битами для бейсбола. В бейсбол на Украине не играет никто, но сотрудников правоохранительных органов это отнюдь не смущает. Деревянной битой чрезвычайно удобно наносить удары по позвоночнику, в область сердца и по почкам, к которым мусорята питают особую слабость. Удары по голове наносят достаточно аккуратно, целясь по темечку и затылку, предварительно положив на голову толстую книгу, дабы случайно не раскроить череп “объекту” и не испачкать преступной кровью благородный милицейский мундир. Для этой цели как нельзя лучше подходит уголовно-процессуальный кодекс с комментариями — книга толстая, в твердом переплете. У ментов она всегда под рукой. Складывается впечатление, что УПК издали специально для того, чтобы гуманоидам было легче “беседовать” с заключенными.

Как показывает практика, менты не отличаются оригинальностью и изобретательностью. В разных городах Украины во время “бесед” применяются одни и те же методы убеждения, среди которых наибольшей популярностью по-прежнему пользуются подвешивание “объекта” на лом и “ласточка”.

Подвешивание подкупает простотой и эффективностью. “Объект” с закованными за спиной руками подвешивают на торчащий из стены лом. В результате, под собственным весом выворачиваются плечевые суставы. Время от времени стражи правопорядка проверяют дубинками — на месте ли почки, печень и селезенка. Обычно человек висит в таком положении несколько часов, иногда — около суток.

Упражнение под названием “ласточка” представляет собой слабое подобие известного йоговского упражнения. Руки и ноги “объекта” выворачивают назад и сковывают наручниками. В простом варианте “объект” неподвижно лежит на полу, в более сложном — болтается, подвешенный под потолком, с проломленной грудной клеткой. Что касается пальцев, то их ломают крайне редко, а если и ломают, предварительно зажав в дверной проем, то только на левой руке, потому что правой “объекту” ещё нужно будет подписать протокол допроса. Так что о почерке можешь не беспокоиться.

Номо sapiens никогда не отличались терпением, особенно в тех случаях, когда нужно терпеть боль. Большинство заключенных мгновенно во всем признаются и подписывают **любые** бумаги, лишь бы от них отвязались. Их логика такова: “Сейчас признаюсь, а потом откажусь. В суде во всем разберутся и меня выпустят на свободу”.

Наивные глупцы! Неужели непонятно, что потом будет поздно? В суде никто разбираться не будет. Суды завалены делами, а судебные заседатели работают в таких условиях, что физически не в состоянии ознакомиться с написанным в бесчисленных томах уголовного дела. Председатель суда, как правило, смотрит на первые показания, данные во время предварительного следствия, и отталкиваясь от них, выносит приговор. На изменение показаний судьи смотрят исподлобья и воспринимают их не иначе как “попытку арестованного уклониться от заслуженного наказания”.

Кстати, по поводу признаний. Чем больше “объект” будет признаваться — тем больше его будут бить и калечить, потому что, подписывая всё подряд, он тем самым оправдывает преступные действия гуманоидов в форме по отношению к самому себе. Ведь одно дело изуродовать преступника, который во всем признается и раскаивается в содеянном, и совершенно другое — невиновного человека.

Любители чистосердечных признаний, сами того не понимая, обрекают себя на новые мучения и новые пытки. Мусора рассуждают примерно так: раз они нажали на “объект” и он начал колотиться, то если поднажать сильнее, он расколется ещё больше. Вот и продолжают свистеть над чьей-то не в меру хитрой головой дубинки и кто-то сопливым голосом визжит, словно недо-резанная свинья: “За что? Я ваш! Я всё рассказал!”.

Слава Богу, ты не из тех. Ты продолжаешь молчать и не спешишь подписывать что попало. Естественно, оперативники торопят тебя. У них есть свои совершенно конкретные сроки, и если они не уложатся в отведенный им промежуток времени, то начальство по головке их не погладит. Вот менты и бесятся, делая всё для того, чтобы ты наконец-то заговорил, не опомнился, не стал думать. Как только человек начинает анализировать происходящее — прессовать его становится намного труднее.

Если вдуматься, то признаться ты успеешь всегда, но зачем? Чего ты этим добьешься? Во-первых, как мы уже только что говорили, от тебя не отцепятся, а навалятся с удвоенной силой. Во-вторых, чистосердечное признание смягчает вину, но удлиняет срок содержания под стражей. Надеюсь, тебе не надоела свобода? Или ты хочешь узнать, что такое тюрьма? Так закройся вместе с бомжами в ближайшем подвале и сиди, как дурак, на голодном пайке!

Шучу. Не злись. Я смотрю, тебе уже не до смеха. Видно, ты таки здорово влип, если слуги вечно пьяной Фемиды решили сравнить, что прочнее — деревянная бита или твоя голова. К сожалению, бита будет чуточку крепче. Поэтому нечего ждать, когда тебя сделают похожим на порубленного саблями красноармейца, с которым Павка Корчагин бегал по бараку в кинофильме “Как закалялась сталь”. Хватайся за сердце, пускай слезу, теряй сознание — делай что угодно, но убеди гуманоидов, что:

— они перестарались, забив тебя до смерти, пока они на самом деле не сделали этого;

— ты в таком состоянии, что давать показания физически не можешь, даже если бы и хотел;

— калечить тебя бессмысленно и в будущем чревато неприятными последствиями для палачей.

Ещё раз подчеркиваю: у тебя задача одна — не сломаться. Ничего страшного не произойдет, если в твой адрес прозвучит краткое содержание словаря нецензурных слов. Слушай гуманоидов как радио. Ты ведь не споришь с динамиком до хрипоты и не кидаешь в телевизор вазон с цветами, когда видишь на экране физиономию всеми любимого президента.

Что поделаешь — жизнь и впрямь похожа на шахматную доску. Одно неосторожное движение — и ты в черной клетке. Помнишь, как писал Омар Хайям?

*“Мир я сравнил бы с шахматной доской:
То день, то ночь... А пешки? — мы с тобой.
Подвигают, притиснут — и побили.
И в темный ящик сунут на покой.”*

М-да... Не сильно изменился мир за последнюю тысячу лет. Думаю, что в перерывах между допросами у тебя будет время подумать на данную тему.

ИЗОЛЯТОР ВРЕМЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ на Подоле (г. Киев)

“...Вода была жизненно необходима — чтобы утолить жажду, смыть после себя нечистоты, помыться и постирать нательные вещи. И всё это на крохотном пятачке внутри камеры размером в два с половиной шага в ширину и три в длину...”

... в такой клетке можно было держать одновременно не более трех человек. Нас же было пятеро, а в отдельные дни количество заключенных доходило до восьми. В то время когда одни спали, другие вынуждены были стоять возле двери...”

Глава вторая

КАК ВЕСТИ СЕБЯ ВО ВРЕМЯ ДОПРОСА

*“Что говорить?
Правду или как на самом деле было?”
(раздумья)*

Прежде чем перейти ко второй главе, обратимся к культурному наследию предков. Открой тетрадь и на самом видном месте напиши общеизвестные истины. Желательно, крупными буквами:

1. Чистосердечное признание — прямой путь на скамью подсудимых.
2. Каждая новая подпись уменьшает срок пребывания на свободе.
3. Собак любят за то, что они виляют хвостом, а не языком.

И т. д.

Продолжать можно до бесконечности. Об этом говорили везде и во все времена. Дурак со справкой — и тот понимает, что чем дальше за зубами он держит язык, тем быстрее выберется на свободу. Однако лишний раз поразмыслить о том, что молчание — золото, не повредит.

Отвлекись от чтения и выполни упражнение на развитие сообразительности: упираясь кулаком в подбородок, посчитай, на сколько квадратиков делит решетка заваренное металлом окно. Посчитал? Вот столько дополнительных лет заключения можно получить за одно-единственное неосторожное слово!

Итак, ты на допросе. Оперативники беспрерывно вбегают и выбегают из комнаты, словно их только что трахнули в темном подъезде. Как бы ты от них не отмахивался, они почему-то ну никак не желают уgomониться. В дверях появляются всё новые и новые физиономии — то ли из любопытства, то ли для того, чтобы ошарашить тебя общим количеством ментовских рыл.

— По тебе только следователей задействовано свыше трехсот человек! Сознавайся! — кричит в ухо “злой” оперативник, в то время когда “добрый”, сочувственно кивая, подсовывает подгнивший помидор и кусок колбасы. Ты в уме прикидываешь, сколько всего

в природе существует следователей и кто остался бороться с преступностью на свободе.

Всех оперативников отличает ослиное упрямство, завидное тугодумие и одни и те же фразы. Как проститутки из брюссельских борделей, дознаватели игриво распахивают кожаные куртки, приговаривая:

— Поговорим? У меня диктофона нет. Можешь пощупать, — и заискивающе заглядывают в глаза. — Мы не допрашиваем. Мы только беседуем.

Щупать их действительно нет ни малейшего смысла. Разве что ради прикола от скуки. Диктофонов там нет. Да и зачем они им? Ты находишься в сереньком кабинете, обставленном дешевой, облезлой мебелью. Однако аудио- и видеозаписывающей аппаратурой комната утыкана настолько плотно, что даже мухи, ползающие по потолку, и те чувствуют себя неуютно. Не стоит также забывать и о том, что основная задача дознавателей не записать, а выудить из тебя как можно больше интересующей их информации. Обращать же её под нужным углом зрения и закреплять будут ведущие дело следователи.

Больше всего от таких “бесед”, длящихся по десять-пятнадцать часов без перерыва, кидает в дрожь оставшихся на свободе соратников по оружию, если таковые у тебя имеются. Они никак не могут понять — ты их сдал или нет?

— Ну как там? — как страусы, вытягивают шеи временно гуляющие на свободе сподвижники. Лазутчик, вынырнувший из дверей райотдела, смахивает капельки пота со лба:

— Уже восемь часов беседует с оперативниками в кабинете начальника.

Наступает мертвая тишина, граничащая с паникой. “Что он уже успел за восемь часов наговорить?” — крутится мысль в головах.

— Нужно что-то делать...

— Нужно, — соглашаются все и вновь умолкают.

Перебрав в уме тысячи возможных и невозможных вариантов твоего спасения, почему-то выбирается наиболее кардинальный:

— Может, его цианистым калием травануть? — предлагает кто-то из числа лучших друзей.

— А как сделать так, чтобы он в пищу попал? — задумчиво вторит другой.

Почему-то никому из них не приходит в голову довольно-таки простая мысль, что ты, как бронзовый Тарас Шевченко, стоящий напротив красного корпуса университета, угрюмо молчишь и ждешь помощи, давным-давно решив про себя, что лучше смерть, чем жизнь Иуды. Это потом друзья будут восхищенно жать тебе руки и говорить: “Молодец, что не сдал. Никто из нас ни на минуту не сомневался в тебе.”.

Это будет потом, а сейчас они думают, где достать цианистый калий.

Со мной в тюрьме одно время сидела милейшая компашка, промышлявшая разбоем и воровством. Работали чисто, следов не оставляли. Всё шло хорошо, пока кому-то из них не привиделась утечка информации. Не мудрствуя лукаво, они начали тупо валить друг друга, да так, что похоронный оркестр играл одну и ту же мелодию сутками, без перерыва. Никто не подумал над тем, что надо бы хоть как-то подстраховаться от вечно сующей нос не в свои дела милиции. В результате, оставшиеся в живых благополучно заехали на тюрьму, где и помирились, словно этого нельзя было сделать, разгуливая на свободе.

Глядя на них, я в который раз сделал для себя вывод: людям для мирной жизни и тесной дружбы чаще всего не хватает общего врага. Если таковой имеется — всё джаз, если нет — мысли нехорошие появляются и начинается активное выискивание недостатков друг в друге.

Вообще-то всех подельничков, вне зависимости от конкретного уголовного дела, можно без труда условно разделить на две группы. Первая при слове “арест” со скоростью света перемещается на другой конец планеты, несмотря на то, что как раз они-то и должны тушить возникший пожар. Вторая группа наоборот, вместо того, чтобы уехать подальше, выстраивается хоровой капеллой под зданием УВД, где проходит допрос, и орет что есть силы сквозь открытую форточку: “Вася, молчи!”. (Непонятно, правда, чего орать. Если человек понимает — он и так будет держать язык за зубами, а если нет — ори — не ори — всё равно всех сдаст). Если их что-то и спасает от неминуемого ареста, так это замедленная мыслительная реакция мусоров.

Когда подельнички чересчур расшумятся, дознаватель раздраженно хлопнет окно и, недобро сверля глазами твой лоб, грозно спросит:

– Так кто ещё с вами орудовал в банде?..

Ты продолжаешь упорствовать, требуя встречи со следователем в присутствии адвоката. Кстати, по закону ты имеешь полное право не разговаривать с оперативниками, а тупо послать всю эту безмозглую свору на три весьма популярные буквы. И будешь абсолютно прав. В такой ситуации это единственное разумное решение. Запомни – **ничего** и ни при каких обстоятельствах не рассказывай мусорам. Даже какого цвета у тебя носки и рубашка. Потому что если не получается вырвать признание прямо, его стараются выудить при помощи косвенных вопросов. Все разговоры на отвлеченные темы (например, о пользе сыроедения и в какую церковь лучше всего ходить по воскресеньям) нужны исключительно для того, чтобы разговорить “объект” (то есть – тебя) и плавно подвести к интересующей гуманоидов теме.

Внезапно открывается дверь, и на пороге появляется следователь по особо важным делам, который, конечно же, впервые слышит о том, что в милиции бьют, не кормят и сутками не выводят в туалет. Он округляет глаза, пытаясь изобразить удивление, и восклицает:

– Да Вы что? У нас? Такое? Обязательно разберемся!

От такой наглости нижняя челюсть арестанта висит в воздухе как минимум минут на пятнадцать. Придя в себя, “объект” по-прежнему настаивает на адвокате (причем, на своем, а не на том, которого мусора пытаются навязать). Следователь хитро щурит глазки, вытаскивая пухлые тома из дипломата, и аккуратно разложив на столе бумажки, говорит:

– А мы Вас допросим как свидетеля. Согласно существующему законодательству свидетеля я могу допрашивать и без присутствия адвоката, а за отказ давать показания мы можем и к уголовной ответственности привлечь. Хе-хе...

Ты чувствуешь, как над головой снова начинают сгущаться тучи. Не дрейфь. Пусть допрашивают. Не забывай, что без адвоката тебя имеют право допросить в качестве свидетеля только первый раз, все последующие допросы должны проходить только в присутствии адвоката.

Назови им в течение трех-четырёх часов установочные данные – как тебя зовут, где прописан, когда родился, собственно говоря, всё то, что они и так уже знают. Можешь что-то добавить по поводу твоего социального статуса и семейного положения (только

не перестарайся!). Пусть запишут в протокол допроса выражение: “Требую адвоката с момента моего задержания”. Всё. Больше из твоего рта не должно вылететь ни звука.

Говори о чем угодно, но только не о том, что может заинтересовать следствие, потому как интерес органов, ведущих дознание, приводит к длительному тюремному сроку и крупным финансовым убыткам. Имей в виду: если следователь доволен и побежал в гастроном покупать тебе пиво – значит, ты сморозил что-то не то. Если хмурится и психует – всё идет как надо. Чем дольше затянешь время – тем легче будет свести на нет первый допрос, оборвав его потому, что ты “устал”, “болит голова”, “хочешь спать” и “нуждаешься в медосмотре”. Попросись в туалет и посиди в кабинке часа полтора. Конечно, это не самое лучшее место для отдыха, но всё же более приятное, чем в одной комнате с мусорами. Можешь пообещать, что, быть может, что-нибудь скажешь завтра. Как говорят: “Пацан сказал – пацан сделал. Не сделал – ещё раз сказал”.

С одним из особо надоедливых следователей мы как-то угробили полдня, обсуждая, как лучше записать в протокол допроса фразу: “Вину полностью отрицаю”.

– Ну хоть чуточку ты её признаешь? – риторически спрашивал следователь, подсовывая фотографию, где я сижу за одним столом с, по мнению следствия, отпетыми рецидивистами, большую часть жизни проездившими по тюрьмам и лагерям, а, помимо, с законченными дегенератами, не читая подписавшими всё, что им подсунули, испугавшись, как бы злые дяди милиционеры не начали зажимать их нежные пальчики дверцей письменного стола.

– Как ты их можешь не знать, если вы сидите за одним столом? Что ты с ними, – следователь брезгливо поморщился, – мог обсуждать?

Как объяснить этому идиоту, что я там оказался случайно?

– Кто Вам сказал, что я отрицаю факт знакомства?

– Вот-вот... – радостно заулыбались с той стороны стола, снимая колпачок с ручки.

– Я **ничего** не отрицаю, но я **ничего** и не признаю. По закону я имею право молчать и не обязан доказывать свою невиновность. Если будет необходимо – я готов всё объяснить и рассказать в зале суда в присутствии средств массовой информации.

– Ну смотри!

Собеседник раздраженно прячет фотографию в нагрудный карман, где обычно носят фото любимой женщины, и грозно машет указательным пальцем:

– Хуже будет!!!

Куда ещё хуже? Они засадили меня так глубоко, как только могли. Глубже уже, кажется, не бывает. Я провожаю следователя взглядом, думая над тем, что любое доказательство есть отрицание, а любое отрицание есть доказательство.

До сих пор не пойму, какая может быть польза следствию от **ничего не значащей** фотографии двухлетней давности, найденной у одного из ранее судимых во время обыска. М-да... Лишь бы что-то. Раз вам так понравилась эта фотография – так повесьте её у себя над головой, а ещё лучше – опубликуйте на первых страницах газет, покажите по телевизору. Порадуйте страну собственным идиотизмом.

В целом, если сравнивать следователей прокуратуры с ментами из следственного управления МВД, то общение с прокурорскими более приятно – у них интеллекта побольше. Однако ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что по этой же причине они намного коварнее коллег из соседнего ведомства и постоянно готовят какую-то новую пакость. Никогда не стоит надеяться на то, что разговор с ними будет коротким. Скорее, наоборот – он затянется как минимум на неполные сутки. Тебя наверняка попытаются взять измором, тупо спрашивая об одном и том же по многу раз. Могут не дать поспать несколько суток, чтобы подследственный стал плохо соображать и сдуру что-то таки да ляпнул. Что бы ни произошло – относись ко всему, если сможешь, спокойно. Помни, что лишнего не говорит только тот, кто вообще ничего не говорит.

Наблюдая за тем, как проходит допрос, нельзя не сказать несколько теплых слов о сотрудниках уголовного розыска. Я бы их условно разделил на три подгруппы.

Первая – **новички**. Чувствуют себя крайне неудобно, постоянно крутят головой в разные стороны, присматриваются. Они ещё до конца не определились, будут ли работать в органах внутренних дел или поменяют работу. Большинство из них, посмотрев на милицию изнутри, уходят и редко когда признаются, что (пусть даже короткое время) работали в органах.

Вторая подгруппа – **среднее звено**. Натуральные шестерки, готовые в любой момент стать раком, лишь бы выслужиться перед начальством. Говоря армейским языком, уже не солдаты, но ещё не сержанты. Для них милиция – единственная возможность продемонстрировать собственную значимость и хоть как-то утвердиться в окружающем мире.

Третья подгруппа – так называемое **начальство и их приспешники**. Слегка постаревшее среднее звено, временами озабоченное думами о том, чем бы таким прибыльным заняться после увольнения. Так, один из них, оставшись со мной наедине, вдруг ни с того ни с сего стал рассказывать, как ему тяжело живется, и попросился ко мне на работу. Другой чуть не расплакался:

– Ну признайся! Чего тебе стоит? Если бы ты только слышал, как меня из-за тебя на пятиминутках ругают! Я ночами не сплю – пью валерьянку. Ты парень молодой – вся жизнь впереди. Посидишь лет пятнадцать и выйдешь. А?..

Я чуть не упал с табурета от такой просьбы.

Общий интеллектуальный и моральный уровень украинской милиции настолько низкий, что говорить о нем нет ни малейшего смысла. Впрочем, чему удивляться, когда, к примеру, уголовным розыском города Киева руководит всемирно известный взяточник, которого в цивилизованной стране уже давным-давно засадили бы за решетку? Уличные проститутки называют его “Валю”, а гомосексуалисты – нежно и ласково – “Валюша”. Коллеги по работе и вышестоящее начальство о “шалостях” сослуживца прекрасно осведомлены, однако такой коллега и подчиненный их вполне устраивает. Очевидно, потому что чем больше человек запачкан – тем легче им управлять.

Во время допросов зам. Валюши, родом из-под Донецка, при посторонних орал на меня громче всех. Однако события порой развиваются настолько непредсказуемо, что просто диву даешься. Временами в тюрьме помощь приходит оттуда, откуда её совершенно не ждешь. Оставшись со мной один на один, вышеназванный зам вдруг наклонился и, передав привет от друзей по спорту, прошептал прямо в ухо: “Держись и молчи. Против тебя ничего нет”. Через минуту, когда в кабинет ввалился Валюша в сопровождении дознавателей, он с утроенной силой буйствовал, размахивая руками:

– У-у!.. Против тебя неопровержимые доказательства! Пойдешь под расстрел!

Погудел, погудел и убежал допрашивать кого-то ещё.

Я и так понимал, что против меня ничего нет и быть не может, но... Всё равно – спасибо. Дышать стало легче.

Для того, чтобы лучше ориентироваться в происходящем во время допросов, остановимся на некоторых, наиболее часто применяемых приемах, которые используются для выбивания показаний.

Запугивание. Сюда входят как грубый шантаж, так и всевозможные угрозы физического и психологического воздействия. Менты стремятся максимально, насколько это возможно, дискредитировать “объект” в глазах родственников и сослуживцев, чтобы ослабить помощь извне.

Прием достаточно эффективен против интеллигентных и слабых людей. Тот, кто раскалывается, потом говорит: “Я умышленно во всем признался, чтобы спасти от репрессий семью”. Дешевая отговорка, чтобы хоть как-то оправдать собственную трусость.

Пытка. Запугивание, как правило, подкрепляют физическим воздействием, дабы подследственный понял, что с ним не шутят. Много ума для воплощения пыток в жизнь не требуется, и мусора применяют их с нескрываемым удовольствием. Цель заключается в том, чтобы сломить волю и заставить “объект” беспрекословно выполнять все требования дознавателей.

Подавляющее большинство граждан планеты Земля панически боится боли. Стоит только засунуть пальцы в дверной проем или проверить на прочность электроток – как тут же homo sapiens начинает болтать. Чем меньше человек боится боли как таковой – тем тяжелее из него что-либо выбить.

Один из наиболее известных методов преодоления боли состоит в том, чтобы на период пытки мысленно трансформировать себя в мазохиста, получающего наслаждение от боли.

Различные медитативные упражнения также помогают отключиться от происходящего. Мне приходилось сталкиваться с людьми, которые научились выходить из собственного тела, словно из одежды, и уходили погулять куда-нибудь на природу, пока над их телом свистели деревянные биты и резиновые дубинки.

Следует подчеркнуть, что когда дело доходит до настоящих неприятностей, у “объекта” совершенно нет времени на раздумья о том, как легче перенести пытку. Поэтому об этом лучше заранее

позаботиться. У профессионалов, как правило, заранее приготовлен для такого случая контрприем, а обычным людям здорово помогают сильные чувства. Такие, как ненависть или любовь, способные заблокировать ощущение боли.

Исходя из собственного опыта, замечу – труднее всего переносить пытки, растянутые во времени. Я очень хорошо помню, как в ночь ареста меня привезли в полуподвальное помещение и бросили на пол лежать неполные сутки, предварительно стянув за спиной наручниками руки и ноги.

Первые сорок минут было невыносимо. Нестерпимая, горячая боль, пульсируя раскаленным свинцом, разливалась по телу, заполняя каждую клетку, каждую каплю крови... Мне всё время казалось, что не хватает воздуха, что ещё немного и я задохнусь.

И вдруг, когда я приблизился к грани, и отчаянье мертвой хваткой сдавило мне горло, боль схлынула, словно волна. Я вначале не понял, что произошло, – ведь ничего не изменилось. Потом осознал – тело онемело настолько, что потеряло чувствительность.

Я удивленно и легко посмотрел на себя как бы со стороны, паря над землей. Это было удивительное ощущение невесомости и безграничной свободы. Мое сознание было невероятно ясным и чистым. Я слышал ровные гулкие удары сердца. Оно стучало настолько громко, что удары были слышны за сотни, за тысячи километров...

Спустя какое-то время в камеру вошли гуманоиды и стали избивать моё тело дубинками и сапогами. Мне стало смешно, и совершенно произвольно я улыбнулся.

– Он ещё смеется над нами! – вспыхнул старший по званию. – Посмотрим, что ты сейчас запоешь!

Украина, в натуре, – удивительная страна. В этом государстве слуги закона даже пытать толком-то не научились, несмотря на то, что именно в этом и состоят их прямые служебные обязанности. Впрочем, чему удивляться? Для пыток тоже нужны мозги и хоть какое-то подобие интеллекта.

Мусора устали и, разочарованно хмыкнув что-то насчет моей силы воли, ушли на перекур. Им и невдомек было, что воля здесь ни при чем. Я действительно ровным счетом ничего не ощущал, как не ощущал бы любой другой человек на моем месте. С таким же успехом они могли молотить по стенам или по полу – эффект от их усилий был бы такой же.

Утром следующего дня, перед тем, как везти на допрос, мусора распеленали меня, оставив только наручники на запястьях скрученных за спиной рук. Я снова вернулся на землю. Забыть, как жизнь медленно возвращается в онемевшее за шестнадцать часов неподвижности тело, с невыносимой болью отвоевывая каждую клетку, — невозможно. Какое терпение? Какая воля? Я до сих пор до конца не понимаю, как мне удалось все это вынести. Вот когда нужно было задавать вопросы: “Где был?” и “Что делал?”! Хорошо, что в те минуты никого не было рядом. Когда пришло время идти на допрос, я уже мог передвигаться и полностью взял себя в руки.

Стравливание. Нет ничего хуже, чем несогласованность действий среди поделщиков. Одно из неписанных тюремных правил гласит: ни в коем случае никого не топи. Несмотря на звериную злость к тем, кто вешает на тебя всех собак, кто лжет, трусливо пряча глаза, кто, стремясь спасти свою шкуру, уничтожает тебя и твоих близких. Сцепи крепче зубы. Придет время, и каждая падаль заплатит по счету.

Правило “не топить” не так сильно связано с нравственностью, как может показаться на первый взгляд. Это прежде всего вопрос расчета. Слишком часто приходится видеть, как поделщики, выгораживая себя, перекалывают ответственность на плечи бывших друзей. В конечном итоге все оказываются по горло в дерьме. Потом те, у кого хватит ума, героически отказываются от данных ранее показаний и ходят, высоко задрав хвост, мол: “Мы в отказе!”. Сначала всех сдать, а потом “в отказ” — типичная тюремная ситуация.

Дознаватели старательно стравливают поделщиков между собой, рассказывая каждому, что “все уже во всем попризнавались, кроме тебя. Будешь молчать — будешь крайним”, пытаются втереться в доверие: “Тебя бывшие друзья топят, валят всё на тебя, а мы видим, что ты человек хороший, здесь оказался случайно. Хотим тебе помочь, так что ты зря нам не веришь. Расскажи нам о них, и мы отпустим тебя”. Звучит, по меньшей мере, наивно, но попадают и идиоты, которые этому верят.

Достаточно часто следователи подстраивают ситуацию таким образом, чтобы арестант добровольно всё рассказал, стремясь отомстить и нанести вред тем, кто его топил. Затем всё сказанное передается тем, о ком идет речь и ситуация повторяется в обратном порядке — обозленные поделщики топят старого друга, также не понимая, что тем самым они топят себя.

Блеф. Во время допроса следователь часто делает вид, что ему абсолютно всё известно, и что-либо скрывать нет ни малейшего смысла:

— Для твоего же блага советую чистосердечно во всем признаться и оформить, пока не поздно, явку с повинной.

К чему приводит чистосердечное признание, мы уже говорили в начале главы. Запомни — ничего они не знают, а только догадываются, что само по себе не является доказательством по делу. Лакеи Фемиды любят подтасовывать факты, мешать ложь с правдой, а собственные догадки выдавать за проверенные и закрепленные факты.

Чтобы “объект” побыстрее раскололся, мусора стараются ошарашить его всем тем, что у них против него есть, а есть у них, обычно, не так уж и много. К тому же они всё время спешат. Их давят сроки и вполне обоснованные опасения, что более проворные соратники по оружию за определенную мзду продадут “объекту” или его друзьям имеющийся у следствия компромат.

Крайне редко попадают дознаватели с зачатками интеллекта, выкладывающие факты, как карты, по мере их нарастания. Такая манера ведения допроса достаточно действенна, но для её реализации необходимо, чтобы “объект” был контактен и активно участвовал в следственных действиях. Если же арестант тупо молчит, равнодушно уставившись в стену, то любые приемы теряют смысл.

Никогда не следует забывать простейшую, как забор, истину: человека сдают не поделщики и враги, а он сам. Помни: за твоими реакциями внимательно наблюдают. Стоит на мгновение ослабиться и хоть как-то проявить себя, как тут же начинается прессинг. Чем хуже “объект” скрывает мысли — тем жестче его будут щемить.

“Родина для тебя столько хорошего сделала — дала образование, воспитала, лечила, а ты упорствуешь в разговоре с её представителями и не хочешь следствию помогать! Ай-я-яй!” Говорят, подобные разговоры, построенные на обращении к порядочности и гражданскому долгу, действуют на умы определенной категории заключенных, хотя мне трудно представить себе того идиота, который поведется на столь примитивный прием.

“Давай договоримся”. Мол, мы тебя выпустим, если ты сдашь “дядю Васю”. Имей в виду: “дяде Васе” предлагают то же самое.

Надеяться таким образом купить свободу — глупо и бесперспективно.

Допрос с применением наркотических препаратов.

Прими мои соболезнования, если твой подельничек балуется наркотой. Не знаю, быть может, наркоманы действительно “такие же граждане общества, как и мы с вами, только больные и нуждающиеся в лечении”, как любят писать сердобольные и не шибко умные журналисты, однако наркоши приносят в жизнь столько вреда, что их не то что людьми — назвать животными язык не поворачивается.

Во время ломки наркоманы в обмен на дозу рассказывают абсолютно всё, что знают и не знают, охотно идут на сотрудничество со всеми, кому не лень и, не мудрствуя лукаво, берут на себя любые преступления, какие попросят (даже когда слепому видно, что они не имеют к ним ни малейшего отношения). Наличие наркомана среди задержанных — приятный сюрприз для опер. работников, так как из них получаются чудесные лжесвидетели и добросовестные доносчики. Менты с радостным визгом бегают по кабинетам в поисках нужной жидкости или порошка, а те, кто находятся по другую сторону баррикад, угрюмо выслушивают рассказы уколотого подельничка, засыпая и просыпаясь с устойчивой головной болью.

Обращение к возвышенным наркоманским чувствам, всевозможные разговоры о чести, долге и о том, что лучше бы держать язык за зубами, подкрепленные разумными и логическими доводами, — занятие со всех точек зрения совершенно бесполезное. Обычно наркоманы начинают правильно понимать человеческую речь только после того, как девять грамм свинца застрянет у них между глаз.

Мусора с удовольствием применяют наркотические препараты во время “бесед” и допросов, но если подследственный не наркоман и впервые попал за решетку, насильно посадить его на иглу решится далеко не каждый слуга Закона — побоится брать на себя такую ответственность. Скорее всего тебя вначале попытаются прощупать, чтобы узнать, каково твое отношение к наркоте.

Как правило, это происходит примерно так: у одного из сокамерников как бы случайно оказывается наркота, и он любезно соглашается (для видимости — после некоторых колебаний) поделиться ею, так сказать, для снятия стресса. В зависимости от того,

соглашается “объект” или отказывается (а если отказывается, то как?), в отношении арестованного применяются или не применяются наркотические препараты.

На целесообразность их применения также влияют такие факторы, как:

— принимал ли (или пробовал) арестованный наркотики раньше. Если да, то когда, как долго и что именно;

— был ли арестованный ранее судим или нет (мусора почему-то уверены, что все, кто побывал в заключении, обязательно баловались наркотой). К тому же за ранее судимых ответственности меньше (если вдруг кто-то из ментов по глупости перегнет палку, и заключенный не выдержит полученной дозы) — они уже дискредитированы в глазах общества, и заступаться за них вряд ли кто станет;

— каков социальный и общественный статус “объекта”.

Качели. Чтобы выудить из “объекта” необходимую информацию, его обязательно попытаются “раскачать” разговорами на отвлеченные темы, например, о семье, о друзьях, могут как бы невзначай попросить проконсультировать по какому-то вопросу, в котором “объект” разбирается профессионально. Основная задача — вызвать симпатию, войти в доверие, постараться сделать уступчивым и разговорчивым. Обычно это делает “хороший” следователь, в то время как “плохой” всячески унижает, угрожает, оскорбляет и делает больно. Старый, как мир, прием кнута и пряника.

Практика показывает, что люди сами себе создают проблемы и сами сажают себя за решетку. **В девяносто пяти случаях из ста люди сами во всем сознаются, признавая полностью или частично свою вину** (запомни: для судей, выносящих обвинительный приговор, совершенно нет никакой разницы между словом “частично” и словом “полностью”), **и только в пяти случаях причастность к тому или иному уголовному делу доказывают следственным путем.** Ни один человек, который молчал, категорически отрицал вину и был неконтактен для следствия, не находился долго под стражей, даже в тех случаях, когда против него были прямые улики.

Ещё раз повторяю: может быть, с точки зрения грамматики, и существует разница между фразами “полностью признаю”, “частично признаю” или “отрицаю частично”, но когда речь заходит о вынесении приговора — это одно и то же. Нельзя быть немножко беременной. Вина или признается, или не признается вообще.

Всякие там “частично” — чистойшей воды словоблудие, придуманное для того, чтобы постепенно, шаг за шагом, заставить “объект” полностью сознаться во всем. Будь внимателен и не поддавайся на провокации. Да и вообще — прекрати дергаться, глотать валидол и ковыряться в носу при виде следователя и работников прокуратуры. Они боятся тебя значительно больше. Жаль, что ты не можешь посмотреть на ваше общение со стороны. Голимый цирк. Единственное, что мешает от души посмеяться над происходящим, — так это перспектива быть расстрелянным после суда. Что поделаешь — издержки производства.

Интересно, почему фраза: “Я не виновен,” — воспринимается мусорами как оскорбление? Что в ней такого? Я понимаю: для гуманоидов в погонах все вокруг, естественно, окромя их самих, — закоренелые преступники, но зачем кидаться на окружающих, как бык на красное знамя?

Рано или поздно, на день пятый или седьмой, к тебе таки проврут нанятые родственниками адвокаты. Ты с удивлением узнаешь, что планета Земля как жила, так и живет, совершенно не заметив твоего внезапного исчезновения. Апокалипсис не наступил, и солнце по-прежнему начинает свой путь по небу с востока. Как всегда, дети, взявшись за руки, бегут по утрам в школу, а хлебный магазин возле твоего дома, как всегда, открывается ровно в восемь. Пока ты будешь грызть самое что ни есть обычное яблоко, показавшееся вдруг невероятно вкусным, адвокаты растолкуют твои права.

Ты не поверишь — оказывается в стране есть конституция, и согласно ей ни одно свиное рыло не имеет права безнаказанно врываться в твой дом, а на все вопросы, касающиеся личной жизни, любой гражданин Украины согласно Закона имеет право не отвечать. Кстати, ты слышал что-нибудь о презумпции невиновности? Не спорю — эта скромная девушка редко когда проходит мимо здания суда, но, тем не менее, она существует, и каждый спорный вопрос должен трактоваться в пользу обвиняемого, то есть тебя!

Не зря всё-таки в школьном коридоре висел лозунг: “Знание — сила”. Чем больше ты будешь знать — тем сильнее тебя будут остерегаться, потому что больше всего на свете доблестная милиция и иже с нею боятся того самого Закона, который они теоретически обязаны защищать. Сотрудники правоохранительных органов чувствуют себя намного спокойнее с юридически безгра-

мотными арестантами. Так им легче совершать преступления, прикрываясь разговорами о законности и правопорядке.

Адвокаты пришли и ушли. Мы остались. В вонючих, пропитанных гарью и человеческими испарениями бетонных гробах. Один на один со сворой облеченных властью ухмыляющихся ублюдков. Ну ничего... Всему свое время.

Я смотрю, ты после общения с операми совсем приуныл. Имей в виду — чем меньше будешь слушать мусоров — тем лучше будешь спать, что бы там они ни говорили. Ты ведь знаешь: ментам поверить — себя обмануть.

Чего? Говоришь, всех родственников и друзей повязали? Ты сам-то их в наручниках видел? Нет? Значит, всё джаз. Мусора ещё не сказали, что из-за тебя всё население Украины арестовано? Завтра скажут. Им только дай волю — всех пересажают, а газету “Правда Украины” переименуют в “Тюремный вестник”. Лучше подумай о чем-нибудь светлом. Например, о том, что конец света ещё не наступил, и прямо сейчас тебя вряд ли расстреляют якобы при попытке к бегству.

Да прекрати в конце концов дуться, а то, глядя на твою кислую рожу, в натуре настроения никакого. Лучше отгадай загадку, пока не доехали до КПЗ на Подоле:

— Во время переправы перевернулась лодка с десятью милиционерами. Сколько их утонуло?

— Такое не тонет.

— Ответ неточный. Двадцать! Ещё десять утонули во время следственного эксперимента.

КАМЕРА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

*“Ну пробьешь ты головой стену. И что ты будешь делать в соседней камере?”
Станислав Ежи Лец*

Давненько у меня не было такой первоклассной охраны. Всё-таки зря я грешил на милицию, утверждая, что она отвратительно нас охраняет. Ещё как охраняет! Меня впихнули в переполненный автоматчиками узик. Впереди машина с мигалкой, позади ещё две. В общей сложности я насчитал около двадцати омовцев с автоматами плюс в штатском человек семь. По всей видимости, кое-кто из “руководства” всерьез побеспокоился о том, чтобы нам в дороге не было скучно.

В узик меня запихнули с невероятным трудом. Во-первых, я был закован в наручники. Во-вторых, второй парой наручников ко мне пристегнули грузного омовца, которому толстый живот и автомат мешали втиснуться в дверцу. Сложность задачи заключалась в том, что, в силу указанных обстоятельств, мы могли влезть в машину только одновременно, а не друг за другом. Омовец обильно потел, кричал и грязно ругался. Я всё ждал, когда он догадается передать кому-то свой автомат, но нет! Наша милиция просто так не сдается! Героически преодолевая трудности, возникающие на каждом шагу, мы таки влезли в уз.

Охрану, перед тем как выйти из райотдела и усесться в машины, тщательно проинструктировали. Помню, перепуганных насмерть мальчишек лет двадцати-двадцати пяти пугал страшилками об особо опасном преступнике пожилой офицер с раскрасневшейся физиономией и фуражкой на вспотевшем затылке. “Особо опасный”, то есть я, стоял возле двери и никак не мог понять – он говорит серьезно или прикалывается. Из инструктажа я понял, что мои сподвижники собираются атаковать нас в пути ракетами “земля-воздух”, а лично министр внутренних дел будет наблюдать в бинокль за нашими передвижениями с телевышки. Когда они в очередной раз склонились над картой Киева, изучая маршрут следования, я вдруг заметил, что на меня никто не

обращает внимания, а так как мне изрядно надоела прокуренная комната, то я тихо, чтобы не мешать составлению важного для Родины плана, вышел из комнаты.

В коридоре было пустынно и одиноко. Я неторопливо спустился в вестибюль и лицом к лицу столкнулся с вооруженным нарядом, дежурившим у входа в райотдел.

– Ты здесь чего?

Их явно смутил тот факт, что мои руки закованы в наручники за спиной.

– Мне сказали возле вас подождать.

– Да?.. – недоверчиво протянул оловянный солдатик. В дежурную часть всё время заходили вооруженные гуманоиды, громко хлопая дверью и переговариваясь между собой.

– Жди, раз сказали.

Пока я думал, как двигаться дальше, за спиной послышался топот ног и радостный крик:

– Вот он!

Словно детвора на “Зарнице”, они уцепились мне в спину и принялись спорить, к кому бы меня приковать второй парой наручников. После непродолжительных дебатов выбрали самого тяжелого и явно не самого умного милиционера, который, оказавшись рядом со мной, заметно сник и погрузнел.

От Московского РОВД города Киева до Подола, где находится КПЗ, по ночному пустынному городу ехать от силы минут пятнадцать, максимум – двадцать. Наша автоколонна двигалась часа три. Время от времени глох мотор, а под конец маршрута закончился в баке бензин. Меня вместе с прикованным омовцем несколько раз переключивали с места на место, автоматы падали на пол, вываливаясь из машины, кому-то отдалило ногу. В общем, все были недовольны.

Обстановка ещё больше накалилась, когда мы таки добрались до намеченной цели. Дежурный по КПЗ посмотрел на меня скупающим взглядом и прожевал:

– Везите его в больницу. В таком виде он нам не нужен, – и развернулся, чтобы уйти.

Прикованный омовец ещё больше сник и засопел. В некотором смысле, мне его стало чисто по-человечески жаль. Старший группы взорвался:

– Ты шо?! Куда везти? Звони начальству!

Минут сорок они созванивались “с начальством”. Ещё часа полтора спорили с кем-то по телефону. Наконец-то для омовца наступила долгожданная минута. Его отцепили, а меня повели в КПЗ.

Дежурный мент смачно зевнул. Разлив на меня, а заодно и на себя примерно полбанки черной вонючей краски, гуманоид героически снял отпечатки пальцев. Заставил несколько раз присесть, а затем, прищурив правый глаз, долго принюхивался, уставившись в анальное отверстие. Так как ни пистолета Стечкина, ни пластиковой взрывчатки там не было, мусоренок не на шутку распахивался и успокоился только после того, как выкрутил, словно тряпку, мои итальянские туфли. Естественно, после сей процедуры туфли навеки утратили первоначальный вид. С чувством выполненного долга гуманоид позвал надзирателей, которые, зевая и сморкаясь, затолкали меня в камеру на втором этаже.

О чем всегда нужно помнить, когда впервые попадаешь в клетку — так это о неписанном правиле: ранее несудимые всегда сидят с теми, кто по первому разу. Если рядом с тобой в камере как бы случайно оказался ранее судимый, можешь не сомневаться: это наверняка подсадная курица — внутрикамерные глаза и уши оперативников. В тюрьме случайно никто и ни с кем ни при каких обстоятельствах не окажется рядом, да и вообще — в этом мире ничего не происходит случайно. Аксиома невероятно проста, но почему-то большинство заключенных вспоминает о ней задним числом. Вот и получается, что вновь прибывший, слушая, разинув рот, наставления “бывалого” зека, потихоньку раскрывает рот и начинает раскачивать языком слева-направо. Ему и невдомек, что у “опытного” и “уважаемого” столько боков, что он панически боится вернуться в камеру к действительно бывалым арестантам, потому как ему сразу же укажут место возле параша. Новичок этого, конечно же, не знает и продолжает слушать, как там на зоне и кем лучше жить. Хорошо, если он только слушает. Не приведи Господи ему начать говорить — это равносильно чистосердечной исповеди лакеям Фемиды.

Из всех провокаторов, которых мне подсаживали в КПЗ, запомнились двое (остальные были слишком уж серенькие, чтобы о них писать). Один называл себя Леней и сидел он на КПЗ уже около года (несмотря на то, что на Подоле держат не более двух месяцев), у него была пышная рыжая борода и, что характерно, —

на правой кисти не было большого пальца, который ему якобы оторвало во время предыдущей отсидки в Коми АССР (хотя я уверен, что это чистой воды выдумка). Леня ходил по КПЗ со стопкой книг, уголовным и уголовно-процессуальным кодексами, косил под опытного экономиста и угощал сокамерников апельсинами (которые покупали ему мусора), дабы завоевать расположение арестантов, находящихся в разработке.

Думаю, у Лени были серьезные проблемы в тюремной среде, раз ему так хотелось выслужиться перед ментами. Опера, в свою очередь, смотрели на него презрительно-свысока и особо не скрывали, что он их агент.

О второй курице остались, на удивление, самые приятные воспоминания. Он сразу же, прямо в лоб, спросил то, что ему поручили разузнать у меня. Я поначалу даже растерялся от такой прямоты. Услышав, что я не при делах, он угомонился и на протяжении всего времени совместного пребывания в одной камере всячески старался меня приободрить, чтобы я, не дай Бог, не приуныл, когда меня рвало желудочным соком после “бесед”.

– Братуха, пойми, — говорил он, нарезая колбасу ложкой, заточенной о дверной косяк. — Россия без революций — не Россия. Мы не штурмовали в семнадцатом Эрмитаж, не отсиживались в окопах в сорок втором. Должны же мы хотя бы в тюрьме посидеть! — И, довольный собственным красноречием, широко улыбнулся беззубым ртом. — Мы что — не славяне?!

– Угу, — вторили сокамерники, набивая желудки недоваренной перловкой.

Я смотрел на них и почему-то думал о том, что Украину постигло историческое недоразумение. Пока здесь жили скифы, всё шло как надо, а как поползли татаро-монголы — всё встало с ног на голову. Рубль за сто был прав Андрей Кончаловский, когда говорил, что мы внешне белые, а внутри азиаты.

...Когдаходишь в камеру, первое, что бросается в глаза, так это полнейшее отсутствие какого-либо пространства, отсутствие не то чтобы чистого, а вообще — воздуха, и глухая, неопишная антисанитария. Маленькие смешные клопики, учуяв свежую пищу, радостно подпрыгивая, бегут по деревянным доскам встречать вновь прибывшего арестанта.

“М-да, — рикошетом пронеслось в голове. — Это далеко не Гонконг и даже не Китай. В армейских казармах на территории

Астраханской области было почище, а в лагерях для беженцев во Вьетнаме и на юге Ливана значительно уютней, чем здесь. Ну ничего. Прорвемся!”.

Так сложилось, что мне и раньше приходилось попадать во всевозможные переделки. К примеру, 19 февраля 1984 года, в упор, с расстояния не более трех метров, один умник разрядил в меня полрожка из автомата Калашникова. Пули просвистели настолько близко, что я почувствовал, как они срезали волосы на голове.

Убить подобного себе только в книгах легко. В реальной жизни отправить человека в небытие оказывается не так-то просто. Далеко не каждый способен нажать на курок. Особенно в том случае, когда он делает это впервые.

Стрелявший сильно нервничал и отчего-то панически меня боялся. Он никак не мог прицелиться и сосредоточиться на стрельбе. Инстинктивно я рванулся вперед и, схватив автомат за дуло, вырвал из рук оружие. Сделать это было нетрудно, учитывая расстояние, которое нас разделяло. В тот момент я не думал о том, что могло бы произойти, если бы он таки попал, куда собирался. Меня больше беспокоило, сколько гильз валяется на земле, и почему у стрелявшего дрожат руки и такой опущенный вид. Осознание происшедшего пришло значительно позже, после того, как ситуация помимо моей воли несколько сот раз прокрутилась в памяти, и когда полгода спустя на том же месте моего товарища застрелили выстрелом в шею. Убитый был на год моложе меня.

В горах Кавказа, куда понесла нас нелегкая, я умудрился сорваться с ледника в пропасть и около часа болтался на веревке, словно елочная игрушка.

В водах Индийского Океана, на глубине двадцати пяти метров, у меня закончился кислород. Ощущение, признаюсь, не из самых приятных. Делаешь вдох, а воздуха нет. (Значительно позже, в Карибском море, эта ситуация повторилась в точности, но только наоборот – у моего французского напарника закончился воздух, и уже мне пришлось вытаскивать его из-под воды).

Примерно в тех же широтах я познакомился с крокодилом, так сказать, в естественных для него условиях обитания.

Дело было в Юго-Восточной Азии. В сопровождении местных аборигенов мы поплыли на катере полюбоваться красотами джунглей.

Мы плыли мимо удивительных мест. Это был совершенно другой мир, иное измерение времени и пространства. Мой това-

рищ-фотограф крутил камерой в разные стороны и визжал от восторга. Не успели мы причалить к берегу, чтобы размяться и перекусить, как он помчался к пальмам щелкнуть какую-то птичку.

Пока аборигены готовили обед, а друзья раскладывали вещи на берегу, я сбросил шлепанцы и нырнул в воду. Не помню, когда я ещё получал такое наслаждение, купаясь и ныряя в изумительно чистой воде под палящим тропическим солнцем. Я неторопливо плыл вдоль берега, любясь могуществом первозданной природы. Откуда-то сверху, из-под крон гигантских растений, доносились крики дивных птиц и животных. В те минуты, опьяненный окружающей красотой, я думал о том, что нахожусь в преддверии Рая.

Вода была чрезвычайно спокойной. Слабое, едва ощутимое течение не нарушало покой водной глади. Думаю, я пробыл в воде достаточно долго, потому что, выйдя на берег, почувствовал, как приятная усталость разливается по всему телу, и, расстелив на песке полотенце, лег загорать.

Я уже засыпал, когда сквозь полудрему услышал щелканье фотоаппарата и лениво открыв глаза, посмотрел направо, откуда доносились знакомые звуки. Фотограф стоял, широко расставив ноги, и увлеченно снимал. Тогда я повернул голову налево, посмотреть, что именно он на сей раз снимает.

Когда я увидел объект фотосъемки – спать почему-то перехотелось. Один из наших приятелей, стоя на безопасном расстоянии, бросал печенья, целясь в пасть очень даже не маленькому крокодилу, который наполовину высунулся из воды как раз в том месте, откуда я вышел на берег после купания.

На мой недоуменный вопрос: “Почему не предупредили?” – аборигены удивленно пожали плечами. Никому из них даже не пришло в голову, что мы можем чего-то не знать и что это может быть немножко опасно. По их мнению, раз ты полез купаться – значит, так надо. Тебе виднее. А как по-другому? Да и невежливо запрещать белому человеку делать то, что он хочет.

Ещё более глупая ситуация произошла в апреле 1992 года в благополучном Нью-Йорке. В аэропорту им. Кеннеди во время взлета маленького пассажирского самолета загорелся двигатель. Взлет превратился в посадку. Дурацкое состояние, когда беспомощно сидишь, пристегнутый, как подопытный кролик, к пассажирскому креслу и наблюдаешь сквозь иллюминатор, как снаружи тушат твой самолет.

О всевозможных мелочах и автокатастрофах я уже и не говорю. Машины, вне зависимости от марок и стоимости, бились, как консервные банки, и почему-то находился в них не кто-то другой, а именно я.

В связи с машинами вспоминается забавный случай. Я вез по вечернему Киеву пастора из Миннесоты. Улица (кстати, в районе Подола) резко поворачивала налево. В то время я ещё только учился водить и перед поворотом перепутал педали, нажав на газ вместо тормоза. Автомобиль выскочил на тротуар, огибая столб и группу прохожих, слегка оцарапал правым крылом угол здания и, спрыгнув с бровки, громко плюхнулся на проезжую часть.

Американец долго молчал, а потом осторожно спросил:

– А Вы всегда так поворачиваете в этом месте?

– Ну да, – ответил я равнодушным тоном, с трудом оторвав взмокнувшую от пота рубашку от спинки кресла.

Когда я приехал в Соединенные Штаты, первое, что при встрече сделал мой пассажир, – так это молча вручил мне ключи от “Бьюика”, чтобы было на чем ездить по дорогам Америки. Я начал было отнекиваться – мол, не знаю местных законов и правил дорожного движения. На что американец ответил:

– Я помню, как Вы поворачивали на Украине. Поверьте – на наших дорогах Вам ничего не грозит.

Обрывки воспоминаний яркими красками вспыхнули на холсте памяти, пока я неторопливо устраивался на холодном, деревянном помосте, напоминавшем по внешнему виду миниатюрную сцену размером два метра на три (при общих размерах тюремной камеры два с половиной на три и высотой около трех).

Теоретически в такой клетке должны были содержать не более трех человек. Нас же было пятеро, а в отдельные дни количество заключенных доходило до восьми. В то время, когда одни спали – другие вынуждены были стоять возле двери. Вода в трубе включалась из коридора. Там был расположен кран, который надзиратель поворачивал, устав от криков из камер:

– Два. Восемь.¹ Воду включи.

– Два. Три. Сделай больше напор.

¹ Номер тюремной камеры. В тюрьме принято говорить, к примеру, не “Двадцать восемь”, а “Два. Восемь”. (Восьмая камера на втором этаже). В тюрьме как тюремщики, так и заключенные изъясняются преимущественно односложными предложениями.

– Два. Девять...

И так целый день. Вода была жизненно необходима – чтобы утолить жажду, смыть после себя нечистоты, помыться и постирать нательные вещи. И всё это на крохотном пятачке внутри камеры возле рыжевато-черной дырки в полу, выполнявшей функции унитаза.

В тюрьме часов нет. Они относятся к разряду запрещенных предметов, за которые, если найдут, можно спокойно остаться без почек. Однако заключенные всегда с точностью до получаса знают, который час.

После десяти вечера воду перестают включать, и надзиратели отправляются смотреть телевизор. Включают её только утром, когда тюремщики выспятся и соблаговолят повернуть краник возле двери.

В шесть утра камеру переворачивают вверх дном, и всех арестованных обыскивают в коридоре. Ещё несколько обысков в течение дня, а вечером – очередной пересчет заключенных, но только уже без шмона. Людей тасуют, как карты в колоде, перебрасывая из камеры в камеру по несколько раз на день.

Дважды в сутки приносят кружку сырой, слегка подкрашенной заваркой воды под громким названием “чай” как дополнение к тюремному пойлу, весьма отдаленно напоминающему еду. Да и его не дают толком поесть – на допросы принято забирать до утреннего приема пищи, а возвращать обратно в камеру – после вечернего. Чему удивляться? В КПЗ всё построено так, чтобы человек сник и сломался.

Как оказалось, привыкнуть к отсутствию воздуха намного труднее, чем к отсутствию продуктов питания. Камеру переполняли запахи пота и человеческих испарений плюс курение сокамерников, совершенно не заботящихся о собственном здоровье. Так как сигареты с фильтром на КПЗ запрещены, то публика курила либо дешевую “Приму”, либо крутила самокрутки из обрывков газет, набивая их табаком, собранным из найденных окурков. Всё это, многократно умноженное на отсутствие вентиляции да маленькое окно, наглухо заваренное листами металла, создавало нестерпимую вонь.

Ещё одно неизбежное зло – полное отсутствие естественного света. Солнце над головой заменяла тусклая лампочка, круглые сутки горящая в зарешеченной кобуре под потолком, от которой очень быстро падало зрение.

Со вшами Бог миловал, а с клопами мы договорились. Они меня не кусают, я их не давлю. Довольно-таки забавные, но злобные существа. Кто сказал, что клопы безмозглые твари? Плюнь ему в морду. У них мозгов побольше, чем у некоторых сокамерников.

Клопы рассматривают человека как пищу и оценивают его исключительно с этой точки зрения. (Собственно говоря, и люди рассматривают друг друга похожим образом). У них своя стратегия и своя тактика поедания человека. В одном месте они выпивают кровь на завтрак, в другом — на обед.

Бороться с клопами бессмысленно — это всё равно, что воевать с дождем. Об их живучести ходят легенды. Согласно одной из них со дна затонувшего четыреста лет тому назад судна подняли сундук с драгоценностями. Среди вещей, поеденных ржавчиной и затянутых плесенью, оказались клопы, которые на свежем воздухе потихоньку оклемались и с не меньшим аппетитом, чем четыре века назад, принялись за людей. Такие себе маленькие монстрики.

Кого клопы не любят — так это тараканов. Я их тоже, честно говоря, терпеть не могу — мало того, что эти твари неперменные спутники антисанитарии, так они ещё и крайне неприятно кусаются. Да, да, не удивляйся — самые обычные тараканы. На воле, даже в коммунальных квартирах, они бродят не в том количестве и не такие озверевшие, как в тюрьме, поэтому мало кто знает, что эти усатые существа умеют кусаться.

В КПЗ значительно тяжелей, чем в тюрьме. Не очень-то приятно сушить постиранное в холодной воде белье, одев его на голое тело и спать на деревянных досках, так как ни матраса, ни одеяла в КПЗ отродясь не было. Однако в психологическом плане в КПЗ несколько легче, чем на Лукьяновке. Всё время мелькают новые лица, все свеженькие — только что со свободы, большинство лелеет надежду вырваться на волю если не сегодня, то обязательно завтра. Да и само КПЗ воспринимается как временная, а не как постоянная величина.

Человек человеку — волк, товарищ и брат. За решеткой сие ощущаешь достаточно остро. С одной стороны, любой готов переступить через кого угодно, лишь бы выйти на волю, с другой — ты брат по несчастью, и отношения внутри клетки исходят из данного постулата. Как ни крути, а тюремное братство таки существует в природе, но нормы морали в экстремальных условиях (и тюрьма здесь не исключение) несколько иные, чем в сытой жизни.

Очень занятная штука: наблюдать за поведением людей в далеко не самое лучшее для них время, а если есть возможность сравнить с тем временем, когда у них было всё хорошо, — это сказочно интересно. Такое чудят эти самые homo sapiens, что невольно задумываешься — какой дурак их так обозвал?

Больше всего меня развеселили добродушные толстячки — бизнесмены. Они имели неосторожность подкармливать мусоров, наивно полагая, что если грянет гром, то “свои” если не помогут, то хотя бы топить не будут. Не тут-то было! “Свои” их и посадили, а теперь добросовестно дербанили то, что осталось от спонсоров. “Чужие” не знали, сколько денег у толстячков, а вот “свои” давным-давно все подсчитали, предварительно умножив на два.

Что любопытно — те из бизнесменов, кому вдобавок вменили ещё и чисто уголовные статьи (например, убийство), помимо родных экономических, вели себя намного раскованней и смотрели на мир более здравомысляще, чем их миролюбивые братья по разуму. Невольно начинаешь задумываться, какая зависимость существует между конкретной статьёй уголовного кодекса и человеком, плавающим под ней. Почему, скажем, за наркоту сидят тощие дегенераты, не умеющие ни читать, ни писать, а за вымогательство — широкоплечие бугаи?

Во время пребывания в КПЗ неумные оперативники взяли за привычку уводить меня на допросы рано утром, а возвращать обратно в камеру поздно вечером, естественно, после ужина. Злобно ухмылялись, интересуясь:

— Как тебе там?

Скажешь: “Хорошо, а как иначе?” — злятся, топают ногами. Ответишь: “Плохо, дышать нечем,” — радуются, такие довольные:

— Вот видишь — мы тебе говорили!.. Предупреждали!.. Ещё не то будет!..

И по новой... После их “бесед” к концу первого месяца заключения я похудел на пятнадцать килограмм и стал выглядеть, по мнению сотрудников милиции, значительно лучше.

Ментов хлебом не корми — дай покричать: “Расстреляем!”. Интересно, у себя дома мусора кричат то же самое или ещё хуже? Наверняка корчат перед женами героев, грудью лежащих на амбразуры вражеских дотов, а детям рассказывают басни о том, какие они смелые и отважные. Лично меня уже тошнит от их крика:

— Молчишь? Молчи! Мы всё равно всех поймаем!

Так идите и ловите, раз хочется. Много вы тут наловите, сидя напротив меня...

– Отведите обратно в камеру.

– Ишь, заторопился. Тебе лучше общаться с нами, с нормальными людьми, а не с теми, – брезгливо поморщились, – кто в камере.

Честно говоря, с “теми” я чувствовал себя значительно комфортнее. Самые что ни есть обычные люди, ещё вчера стоявшие рядом в троллейбусе или в вагоне метро. Каждый с какой-то, присутствующей только ему, изюминкой, с неповторимым взглядом на окружающий мир.

Для того, чтобы мне без привычных земных благ не было грустно, а заодно, как я понимаю, для дополнительного психологического давления, в камеру на пару недель накидали тех, у кого перед глазами маячил расстрел.

...Унылый Гоша тяжело вздыхал и сокрушался по поводу того, что это его последний полосатый рейс. Ранее он уже успел сделать четыре ходки, а на сей раз Гошу арестовали за подражание Шекспиру. Возмущенные родственники задушенной Дездемоны вызвали милицию, и новоявленного украинского Отелло уволокли за решетку.

– Я к ним со всей душой. А они меня мусорам!.. У-у!..

Волна негодования всякий раз переполняла Гошу, когда он вспоминал, как слуги Фемиды тащили его по ступенькам.

...Аслан, в отличие от Гоши, женщин не душил. Он попал в тюрьму за рядовую бытовуху. По пьянке ограбил пенсионера, а затем вместе с земляком утопил потерпевшего в Днепре на глазах у многочисленных прохожих.

– Откуда я знал, что он плавать не умеет?

Действительно, откуда? Впрочем, далеко не каждый пловец поплывет после удара обрезком трубы по затылку.

Я учил его играть в шахматы. Аслан запоминал плохо, вечно путал слона с ладьей, периодически впадая в депрессию.

– Могут вышку вменить, – задумчиво говорил он, двигая пешкой.

Ранее я нигде не слышал, чтобы тема смертной казни так живо и заинтересовано обсуждалась, как в КПЗ. Будет введен мораторий или не будет? Примут Украину в ЕС или не примут? Каждый раз, когда в камере появлялось новое лицо с яркими эпизодами в биографии, дискуссия вспыхивала с новой силой.

Несколько позже, когда у оперативников интерес ко мне поутих, в хате стала появляться более безобидная публика типа карманных воров, незадачливых торговцев оружием, бизнесменов и заурядных уличных грабителей, чьим офисом служила темная подворотня. Их рассказы в ответ на вопрос: “Как там на свободе?” – больше смахивали на прифронтовые сводки, чем на мирные будни столицы европейского государства.

Большинство сокамерников как пришли, так и ушли – бесцветные лица, пустые, как мыльный пузырь, оболочки человеческих тел, которые, в силу их пустоты, и запомнить-то вряд ли возможно.

Когда в камере появился Юстас, я сначала был удивлен – такой персонаж совершенно не вписывался в тюремную пьесу. К тому же у Юстаса, как ни странно, всегда было хорошее настроение. “Мудрец спокоен даже в тюрьме”, – повторял он всякий раз, заканчивая делать гимнастику для глаз в позе лотоса.

Однажды, когда меня вели на допрос, я столкнулся в коридоре с Юстасом, возвращавшимся после встречи с адвокатами. Юстас шел с большой кипой газет и огромным кулком яблок (которые мы вечером с удовольствием съели). У меня вид был похуже. Накануне я разорвал наручники, чем ввел охрану КПЗ в состояние легкого шока. Они и так были почему-то уверены, что у меня за спиной какая-то спец. подготовка, а тут ещё эти наручники... На самом деле, я и сам не знаю, как это у меня получилось. Во время очередной “беседы” я чисто механически крутил кистями, скованными за спиной, и вдруг почувствовал, что руки свободны. То ли наручники были бракованными, то ли ещё Бог знает что...

Бравые оперативники, корчившие из себя смелых и отважных, вдруг умолкли и гурьбой выбежали из комнаты. Я ещё удивился – куда это они так быстро вчетвером ломанулись? Не прошло и пяти минут, как взвод вооруженных автоматами гуманоидов, одетых в бронежилеты, ворвался с криками и воплями в комнату, таща за собой на поводке ленивую и, по всей видимости, только что разбуженную овчарку. Решив с перепугу, что наручники порваны мной умышленно “при попытке к бегству”, менты подняли невообразимый шум и суету. Из них самой умной оказалась собака. Мы посмотрели друг другу в глаза, пес понимающе зевнул и прилег подремать.

На следующее утро моих адвокатов предупредили, что если я ещё раз испорчу казенное имущество, то меня отправят в карцер.

– Да что вы такое говорите? – всплеснули адвокаты руками.
– Это хороший мальчик. Кандидат философских наук.

– Знаем, какой он хороший – газеты читаем, – проворчал прапорщик. – Чтобы такое больше не повторилось!

Так вот, когда “хорошего мальчика” вели по коридорам, руки за спиной были закованы в две пары наручников, а сзади и по бокам шло несколько милиционеров.

– Ну ты даешь! – сказал мне потом в камере Юстас. – Я думал ты шутишь, а они и вправду тебя так охраняют!.. Какие всё-таки менты идиоты!

На воле Юстас был владельцем нескольких предприятий, а в тюрьме оказался за умышленное убийство при отягощающих обстоятельствах.

В начале августа в офис к Юстасу пришли незваные гости. Юстас никак не мог взять в толк, почему и за что нужно кому-то платить, если он никому ничего не должен. Так как собственной охраны у него не было: “Я не такой ценный экземпляр, чтобы меня охранять”, – то разговаривать с непрошеными визитерами пришлось самому. Те, в свою очередь, проявили настойчивость, втолковывая, где, что, почему, умело подводя научную базу под то, что платить всё-таки надо. Юстас попытался культурно выпроводить их за дверь, но так как говорили они на совершенно разных диалектах русского языка, конструктивного диалога не получилось. Визитерам офис понравился, и они чувствовали себя в нем, как дома. Когда один из гостей решил подчеркнуть серьезность намерений и вытащил ствол, Юстасу пришлось подкрепить свои аргументы бронзовой статуэткой, стоявшей у него на столе. В результате один из визитеров скончался на месте (как оказалось, родственник милицейского генерала), а второго отвезли в реанимацию.

– А остальные? Ты говорил, их целая толпа привалила.

Юстас пожал плечами:

– Понятия не имею, куда все подевались. Как-то внимания не обратил.

Однажды я спросил у Юстаса: “Почему у тебя **всегда** хорошее настроение? Как это тебе удается?”. Какой бы сильной нервной системой человек не обладал, но при такой статье... Да и вообще – существует элементарное беспокойство, если не за себя, то за род-

ных, за семью. В условиях изолятора временного содержания его внутреннее состояние было чем-то из ряда вон выходящим. Ответ Юстаса меня поразил. Я долго думал над ним, меряя шагами расстояние между тюремными стенами.

– Я **знаю** свою судьбу, – сказал он. Затем тихо, с мягкой улыбкой добавил:

– Каждый знает. Если умеет слышать себя.

Это были не просто слова. Это было нечто значительно большее.

Время пребывания в КПЗ подходило к концу. Поздней осенью меня заказали с вещами и перевели в Лукьяновскую тюрьму, где условия содержания были несколько лучше. Пожалуй, подошло время сказать парочку слов о том, как выглядит русский язык за тюремными стенами.

ВВЕДЕНИЕ В ТЮРЕМНУЮ ЛЕКСИКУ

“- Ы-ы!.. О-о!.. У-у!..
- Ты шо?!.. Жара!..”
(из разговора)

Элла Шукина у Ильфа-Петрова обходилась тридцатью словами. В тюрьме, как выяснилось, можно довольствоваться значительно меньшим запасом слов, и тебя прекрасно будут все понимать — от сокамерника-психопата до следователя по особо важным делам. Общеобразовательный уровень окружающих не требует, чтобы ты перед сном заучивал наизусть словарь Даля. Тебя поймут и в том случае, если ты будешь тупо молчать. Для тюрьмы это нормально. К тому же, чем больше человек молчит — тем умнее он выглядит, не взирая на полное отсутствие интеллекта и физиономию Швейка.

В каждой тюрьме свой, характерный исключительно для нее, лексикон. Почему тот или иной предмет или явление называется именно так, а не иначе, никто толком не знает. Многие словосочетания непереводимы на нормальный язык и не имеют логического обоснования.

Почему, например, на свободе телевизор называют *ящиком*, а в тюрьме ящик называют *телевизором*? Голову можно сломать, разгадывая подобные ребусы. Впрочем, арестанты редко когда задаются подобными вопросами — у них помимо этого хватает проблем. Вновь прибывшие заключенные принимают местное наречие как данное, не задумываясь, откуда и почему оно возникло.

После обыска, помывки, мед. осмотра и длительного сидения в тюремном подвале заключенного отводят в камеру. По дороге он делает короткую остановку возле каптерки, где ему торжественно вручают *скатку*. В *скатку* входят: *вата* (в переводе — матрас), принадлежавшая, судя по внешнему виду, больному энурезом, вонючее, никогда не стиранное короткое одеяло, впитавшее в себя многовековую пыль, и нечто по форме отдаленно напоминающее подушку. Пока ты с неподдельным интересом будешь рассматривать это, принесут *весло*, *тромбон*, *шлёмку* (она же *нифель*), обяза-

тельно одну короткую простынь и, язык не поворачивается сказать, наволочку.

— А-а... — невольно вырывается у тебя.

— Всё, что осталось. Отрываю от сердца, — перебивает, читая мысли, каптер. — Как будет на что — сразу же поменяю.

Чтобы каптерщик по своей воле что-нибудь поменял — такого ещё не бывало. Лучшее почему-то никогда не появляется само по себе. В тюрьме всё, вплоть до мелочей, приходится доставать.

Отчего ложку назвали *веслом*, ещё можно как-то понять. Допустим, равномерные движения ложки в затвердевшем гороховом супе смутно напоминают тренировку гребца накануне соревнований, но почему тарелка называется *шлёмкой*?

— Как почему? — удивился, затягиваясь травкой, Петюня Фастовский. — *Шлёмка* от слова “*шлем*”, потому как она, в натуре, похожа на каску времен Великой Отечественной. Теперь по поводу *тромбона*. Когда тюремную кружку прикладываешь доньшком к кирпичной кладке, чтобы через стену перебазарить с братвой из соседней хаты, — она становится похожей на музыкальный инструмент, в какой дуют лохи из симфонического оркестра.

Не могу сказать, что Петюня отличался компетентностью в тюремной терминологии — он всего-навсего изложил собственную точку зрения, но какая-то логика в его пробитых мозгах, как ни странно, была.

После того, как ты переступишь порог камеры, *смотрящий* (если таковой имеется) или кто-то из старожиллов укажет тебе, на какую нару кинуть скатку и в какой *телевизор* (ниша под столом для посуды) положить шлёмку, тромбон и весло. Можешь себе представить ту голову, чье незаурядное воображение увидело схожесть между вышеупомянутой нишей и телеэкраном! Долго же кто-то смотрел в эту дыру...

Если ты человек для тюрьмы новый и не спешишь раскрываться перед сокамерниками — тебе укажут нейтральное место, после чего за каждым твоим жестом, шагом, поступком будут наблюдать в течение двадцати четырех часов. Обычно, кто есть кто становится ясно спустя три-четыре дня. Затем придется съехать на более или на менее почетное по тюремным понятиям место.

Как на свободе, так и в тюрьме человек выдает себя в мелочах, в неосторожном взгляде и слове. Особенно ярко это проявляется в тех случаях, когда вновь прибывший *шифруется* (ведет себя

скрытно), а затем срывается, не выдержав внутреннего напряжения. В тюрьме значительно тяжелее, нежели на воле, скрыть свои мысли — ты все время, круглые сутки, находишься под пристальным вниманием сокамерников и оперов.

Камера и тюремная нара после изолятора на Подоле кажутся невероятно удобными и просторными. (Невольно проносится мысль, что не зря ты ходатайствовал о скорейшем переводе из КПЗ в СИЗО). В тюрьме верхнюю нару принято называть *пальмой*. В Днепропетровске, для сравнения, — *грушей*. По всей видимости, киевские зеки, в отличие от днепропетровских, чаще ездят открываться в жаркие страны.

По затхлому тюремному коридору *нарезает тасы* (или — *выпал на тасы* — то есть ходит туда и обратно) *попкарь* (контролер), который *пасет* (следит) арестантов. Сущность работы контролера наиболее точно отражает его прежнее название — надзиратель. Четко и ясно. Однако, на Украине решили, что “надзиратель” режет слух и потому переименовали данную должность в “контролер”.

Я как-то подсчитал, сколько времени проводит попкарь в тюремном коридоре в течение всей трудовой жизни. Получилось ни много ни мало — десять-двенадцать лет тюремного заключения, на которые они сами себя обрекают, имея равные с заключенными шансы заболеть туберкулезом.

В обязанности попкаря входит *висеть на ушном* (подслушивать разговоры в камерах) и *на глазном* (подсматривать) через *сечку* (специальное отверстие в стене и в двери).

Само по себе слово *висеть* оказалось достаточно универсальным. В тюрьме его можно пристроить к чему угодно и как угодно. К примеру, выражение “лежать на верхней наре” в переводе на местный диалект будет звучать как “висеть на пальме”.

Попкарь всё время ворчит и сквозь закрытую дверь грозит всевозможными неприятностями. Особенно если замечает *причал* (по-умному — устройство для налаживания межкамерной связи, а по-простому — обычная палка с крючком на конце, сделанная из обломков веника или из плотно свернутых газет), при помощи которого *гоняют коней по дороге*.

По большому счету, *дорога* — это любой вид связи. В данном случае, дорогой может служить обычная веревка, натянутая между камерами по внешней стене здания. По дороге отправляется *накован* (специально сделанный пакет, в который пакуют чай и сига-

реты) или *ксиву* (она же *малява*), по-старому — документ, ныне — записка. Ксивы бывают нескольких видов — например, *поисковая*, когда ищут человека, или *прогон* (инструкция для всех арестантов). Ксива всегда пишется по определенному образцу и может выглядеть примерно так:

“Ночи доброй, братва!

Мир и уют вам в доме нашем! Братва! Дело такого рода!

Нет ли у вас в хате.....? Если есть — пусть отпишет.

К нам вчера заехал от вас....., отпишите, что за человек.

Загоните по возможности чая и курехи, а то совсем голяки.

На этом STOP. Здоровья вам, фарту, удачи, скорейшей свободы, всех благ.

С искренним арестантским уважением, братва хаты.....”

Обычно в больших камерах имеются арестанты, которые целыми днями только тем и занимаются, что гоняют коней, поэтому их и называют *конегонями*.

Наивно думать, что все эти малявы и ксивы проходят мимо глаз и ушей опер. части. Неконтролируемых мусорами дорог в тюрьме нет. Нередко опера сами провоцируют и поощряют создание подобных дорог, чтобы в процессе переписки интересующие их арестанты проявили себя. Нередки случаи, когда камера по соседству на самом деле пустует (о чем арестанты и не догадываются), и из нее мусора под видом заключенных ведут переписку. Иногда они это делают от имени вымышленных лиц, иногда — прикрываясь именами реально существующих заключенных. Пока арестанты разберутся, что к чему (да и разберутся ли вообще?), пройдет не один день, а за это время опера успеют отработать поставленную перед ними задачу.

За нарушение режима арестанта могут кинуть в карцер или лишить *кабана* (продуктовой и вещевой передачи), что происходит чаще всего, так как карцер переполнен, и провинившийся ждет своей очереди две-три недели. Кабан разрешают передавать один раз в две недели. (Если арестованный не знает, от кого пришла передача — у него могут возникнуть трудности с её получением). Кабан передают через *кормушку* (прямоугольное отверстие в двери), через него же подается и *баланда* — некое подобие пищи.

Баланду готовят на комбижире из залежалых и полугнилых продуктов. Собаки — и те её не едят. У человека после такой, с позволения сказать, “еды” печень и желудок выходят из строя достаточно быстро. Так как у заключенных зачастую выбора нет, а

что-то есть всё же надо — вот они её и едят, предварительно многократно промыв под водой, закусывая хлебом, замешанным на мусоре и осколках стекла. Говорят, его пекут в местной пекарне.

Заключенных, разносящих баланду, называют *баландерами*. Отношение к ним со стороны других заключенных — полупрезрительное: их недолюбливают за заискивание перед тюремным начальством и называют козлами. Все те, кто остаются досиживать срок в тюрьме, рассчитывают выйти на свободу досрочно. Кому-то везет, кому-то — нет.

По коридору время от времени прохаживается *лепило* (фельдшер), у которого из медикаментов нет ничего: “ На воле у людей нет денег на лекарства, а вы хотите, чтобы в тюремной аптеке что-то было?”. Всё лечение сводится к добродушному пожеланию:

— Ты, главное, не болей. Что? Уже заболел? Тогда выздоравливай!

Для психологической поддержки можно проглотить таблетку. Любую. Какая найдется.

Вслед за лепилой в коридоре появляется *левитанша* — дама, разносящая почту и приносящая плохие новости значительно чаще хороших. Что, скажем, может быть приятного в продлении санкции прокурора или в обвинительном заключении?

Время от времени, кряхтя и дыша перегаром, в камеру врываются *шмонщики* (от слова *шмон* — обыск), переворачивая вещи и отбирая всё, что им понравится. Могут поднять крик из-за любой мелочи, например, из-за *мойки* (обычного лезвия) и устроить настоящий скандал, если найдут *кобуру* (дырку между камерами). Наблюдая за поведением шмонщиков, получающих воистину сексуальное удовлетворение от рытья в чужих и далеко не самых чистых вещах, отчетливо осознаешь, что тюрьма не просто “место не столь отдаленное”, — это совершенно иной мир, где происходит массовое отупение и нет места здравому смыслу.

Гитлер и Сталин не додумались заварить окна металлом. В “независимой” Украине додумались. Крохотный клочок неба закрывает решетка, на которую снаружи наварен *намордник* — ящик, полностью закрывающий доступ свету и воздуху (ещё его называют *баян* или *забрало*).

Вместо слова “понять” используют выражение “дать дупля”, а слово “прозреть” означает быть шокированным тем, что понял. Правда, интересно? Идем дальше.

В тюрьме не принято употреблять слово “Спасибо”, говорят “Благодарю” и жестоко наказывают тех, кто влазит в чужой разговор.

Выражение *развести рамсы* означает разобраться, кто прав, а кто нет. Чаще всего это происходит где-нибудь в углу камеры за кружкой чифира. Кое-кто во время разговора *путаёт рамсы*, то есть неправильно себя ведет и недопонимает сложившуюся ситуацию, а фраза *убитый рамс* обозначает ситуацию, которая давным-давно закрыта, и нечего к ней возвращаться.

Довольно-таки часто можно увидеть, как арестанты рисуют шариковой ручкой на *марочке* (носовом платке) цветы, колючую проволоку, нечто на религиозную тему, чтобы потом передать на волю в подарок близким. На разрисовывание платка уходит несколько дней, а то и неделя. Впрочем, куда торопиться? Срок идет с момента задержания.

Слово “обиделся” стараются не употреблять, так как *обиженными* называют опущенных насильственным путем. Ну, а что такое *петух* — объяснять не надо: это и на воле знают — мужчина с нестандартной сексуальной ориентацией. Что же касается *куриц*, то они, в отличие от петухов, к сексу отношения не имеют. Зато имеют к опер. части. Вися на глазном и на ушном, курица собирает интересующую *кума* (опер. работника) информацию и передает её по назначению. Таким образом некоторые пытаются облегчить свою участь.

Куриц не любят сокамерники и презирают оперативники. Сами стукачи не задумываются над тем, что их “постукивание” не сокращает срок, а наоборот — удлиняет. Курицы выгодны операм. Так зачем же их выпускать на свободу? Стукачей прикармливают мелкими поблажками и постепенно всё глубже и глубже загоняют в торбу, чтобы они не пищали и послушно выполняли всё то, что им говорят.

Мало кто стучит со злобы. Для большинства людей — это нормальный стиль жизни, который имел место и на свободе, а в тюрьме проявился наиболее остро. Что поделаешь — в школе нас призывали равняться на Павлика Морозова, мало кому родители пересказывали перед сном содержание произведений Марио Пьюзо.

Время от времени куриц выламывают из хаты. Кое-кто воспринимает это чуть ли не как подвиг — некую борьбу за нравственную чистоту арестантов. На самом же деле сие совершенно бес-

полезное занятие, которое, кроме вреда, ещё никому ничего не приносило. Как показывает практика, очень часто выламывают совершенно не того, кого нужно, а если и того — что толку? Один выехал — другой заехал. Умные люди используют куриц в своих интересах. К примеру, забрасывая через них дезинформацию.

В тюрьме у куриц нет необходимости что-либо выпытывать. Сокамерники, изнывающие от скуки и долгого сидения в бетонных гробах, сами всё рассказывают друг дружке. Что сделал. Когда. С кем. Почему. Люди — странные существа. Они забывают о том, что опер. часть работает без выходных.

Лично я сделал вывод, что **молчать не умеет никто**, за исключением незаурядных личностей, рождающихся один раз в сто лет, и очень сильных людей, прошедших специальную подготовку, как вести себя во время допроса. (Одно из наиболее распространенных заблуждений гласит, будто бы ранее судимые умеют молчать, потому как они уже были под следствием, сидели и знают, что к чему. Полная чушь!!! Как раз у ранее судимых и развязываются языки быстрее всего!). Многие из тех, кто считает, что молчит, на самом деле своим “молчанием” говорит значительно больше, чем некоторые, оформившие явку с повинной прямо в дверях райотдела. Однажды сокамерник дал мне почитать свое уголовное дело, переснятое на ксероксе. Умный, казалось бы, парень, но на очной ставке он **так** отказывался от вины, что лучше бы он её сразу признал — толку было бы больше.

Я как-то задумался — а почему же на воле многие друзья умеют хранить тайны, и на них можно как будто бы положиться? А потом вдруг понял — они молчат только лишь потому, что никто их об этом не спрашивает, а вовсе не оттого, что рот на замке. Как только им заламают за спину руки и начнут задавать вопросы с пристрастием — быстренько во всем сознаются и подписывают, не читая, любые бумаги. Затем, в преддверии суда, начинают стонать: “Я не виноват! Меня заставили! Помогите! Я от всего откажусь!”. Ясное дело: “не хотел”, но зачем топить, лгать и подписывать то, что на голову не налазит? Молчат подельнички...

Человеческая речь является материальным воплощением его мыслительной деятельности. Нередко то, **как** человек говорит, играет решающую роль в том, какое именно место он займет (или занимает) в обществе.

В подавляющем большинстве заключенные — это достаточно примитивные существа, однако если сравнивать их речь с речью

работников правоохранительных органов, то сравнение будет явно не в пользу последних. Мат-перемат, умноженный на чисто мусорское произношение знакомых, казалось бы, слов. От заключенных такого никогда не услышишь. Более того, чем серьезнее человек — тем культурнее его речь и тем более тщательно он выверяет каждое слово. Вежливость и корректность в поведении удлиняют жизнь, а грубость наоборот — сокращает.

Одно время со мной в камере сидел семидесятидвухлетний дедушка Боря, милейший, смею заметить, старичок. Перед тем, как переехать в тюрьму, он жил на седьмом этаже шестнадцатиэтажного панельного дома. Сосед дедули — здоровый, ранее судимый за хулиганство бугай — на девятом. Периодически они встречались возле дома и в лифте.

Борин сосед в школе учился скверно, вырос в неблагополучной семье, о вежливости и культуре общения понятия не имел, поэтому и заходил в лифт всегда первым, грубо расталкивая локтями других пассажиров. В конце концов, такое хамство по отношению к окружающим дедушке Боре основательно поднадоело, и он, достав из хозяйственной сумки армейский штык времен Первой мировой войны, без лишних слов посадил на него соседа. Тот упал на пол лифта и вовсе не от удивления там остался лежать. Дедуля неторопливо вытащил штык, вытер его об кожаную куртку лежащего у ног парня и вышел, как всегда, на седьмом этаже.

Крови было настолько много, что медики не могли поверить, как после такого удара можно было выжить, но некультурный сосед выкарабкался и, очнувшись в реанимации, дал показания. Так дедушка Боря, доселе остававшийся вне подозрений, оказался в тюрьме. Единственное, о чем он жалел, так это о том, что сосед всё-таки выжил: “Всю жизнь страдаю от незаконченных дел. После первой отсидки теща мне все уши прожужжала: “Боренька, если ты ещё раз сядешь, то исключительно по халатности”. И на тебе — как в воду глядела, царство ей небесное!”.

Ранее дедушка Боря сидел на Лукьяновке лет сорок назад и вышел на свободу во времена Лаврентия Берии:

— Вот это действительно была амнистия так амнистия! Несколько часов тюрьма пустовала!

Дедуля мечтательно закатывал глаза, предаваясь воспоминаниям о золотых пятидесятых. К слову, Боря не отличался слабым здоровьем, да и внешне был ничего — под метр девяносто. Несмотря на более чем пролетарское происхождение и далеко не про-

стую жизнь, он никогда не матерился и думал, прежде чем говорил.

Речь — не просто визитная карточка человека. За каждое слово принято в жизни платить. Сколько проблем зачастую возникает из-за обрывка фразы или из-за неверно истолкованных слов! Примеров сколько угодно. Крайне глупо использовать в разговоре нецензурную речь, а посылать кого-то на три буквы — непростительная глупость, и словом “Извини” здесь не отделаешься. Да и вообще — думай, прежде чем что-то сказать. Мало ли кого по ночам мучают нераскрытые эпизоды? Тебе-то до этого что? У тебя своя беда, и дай Бог тебе с ней разобраться.

КОЕ-ЧТО ИЗ ТЮРЕМНОГО БЫТА

*“Моется тот, кому лень чесаться”
(мнение)*

Немецкий летчик Руст, скандально известный перелетом через границу и приземлением на Красной площади, как-то сказал в интервью: “Я всё понимаю, но почему меня четыре года в туалете держали?”.

Точнее не скажешь. Тюремные камеры, действительно, если на что-то и похожи, то на общественный туалет, где ночуют бездомные. Та же грязь, та же невообразимая антисанитария, ввевшаяся настолько глубоко, что стала неотъемлемой частью тюремного быта.

Собственно говоря, нам ещё повезло. В пятидесятых арестантов под конвоем выводили оправиться два раза в день — по полчаса утром и вечером. Бегом, под ударами конвоиров, под лай овчарок. Позже, где-то в семидесятых, появились выносные параша. Затем канализацию провели во все камеры.

Когда оглядываешься на тюремную жизнь, то видишь в прошлом отравленную пустоту, спрессованную в закоулках памяти в несколько ярких мгновений. Это как смерть наяву, где глубоко внутри тлеет и вспыхивает время от времени пламя. Интересно, как там на воле? Наверняка всё бурлит, и каждое мгновение наполнено движением, а значит, жизнью.

Мир изменяется, тюрьма — неизменна, подобно гниющему, затхлому болоту, невесть откуда взявшемуся в цветущем лесу. Кому-то приходит на ум сравнение с безлюдным островом, мне же — с бетонным гробом, переполненным пауками, жадно пожирающими друг друга. И отношение к нам со стороны свободных среднестатистических граждан такое же, как к заживо погребенным отбросам общества, застрявшим на полдороге между жизнью и смертью.

М-да... Угораздило влипнуть.

1997 год оказался на редкость бурным и колоритным со всех точек зрения. Ни один другой год не врезался в мою память настолько остро и ярко.

Я стоял у египетских пирамид и бродил по извилистым улочкам ночного Каира.

У моих ног о прибрежные камни Кипра разбивались волны Средиземного моря, там, где, по преданию, родилась Афродита.

Я молил Бога дать счастье всем тем, кого люблю и кем любим, в храме Гроба Господа, сидел в тени Гефсиманского сада, наблюдая, как раскаленные лучи-стрелы падают на город Давида из глубин бездонных Небес.

Я поднимался по камням величественного Акрополя, парящего над размеренной жизнью Эллады, и развалинам храма Солнца в Дельфах, возле которого проповедовал Пифагор.

Страны и города, насыщенные событиями и людьми, сменяли друг друга, как в сказочном калейдоскопе. И в завершение года — тюремная камера и глухая изоляция от внешнего мира. Не для того ли, чтобы осмыслить пройденный путь, задуматься, взвесить?..

В некотором смысле, мне и здесь повезло. Меня поместили в одну из тех камер, с которых начиналась тюрьма, в корпусе, построенном во второй половине девятнадцатого века. Так что сижу я не где-нибудь, а в памятнике архитектуры.

Немногое здесь изменилось за последние сто с лишним лет. Пробоили дырку в полу, подвели холодную воду и вкрутили розетку — вот и все перемены. Подумать только — сколько страданий, боли и крови впитали в себя эти стены, построенные на века! Сколько здесь растоптано судеб! Я закрываю глаза и вижу, как кровь течет по полу, густея возле стола.

Когда в начале войны советские войска отступали, не могло быть и речи об эвакуации арестантов. (Мирное население, и то вывезти не успели). Солдаты заходили в камеры и расстреливали всех подряд, не разбирая, кто есть кто, за что сидит и когда (может быть, завтра?) ему на свободу. Виновен — невиновен — значения не имело. Был приказ — и его выполнили. (Хочешь — не хочешь, а вспоминаешь ответ папы римского на вопрос, как отличить своих от чужих: “Убивайте всех. Бог своих отберет”).

В нашу камеру также когда-то зашли. Как раз на том самом месте возле двери, где сейчас смеются и пьют чифир пацаны, лежали сваленные вперемешку тела, а старший смены торопливо пересчитывал трупы, чтобы никто не спрятался и не прикинулся мертвым.

Война закончилась более полувека назад, а что изменилось с тех пор? В обстановке, в людях, в окружающем мире? Невольно смотришь по сторонам, анализируешь, сопоставляешь...

Декорации меняются, актеры остаются на сцене. Во все времена карликов и великанов можно было по пальцам пересчитать. Все остальные — люди среднего роста. Всегда и везде отпетых негодяев и подобных богам — единицы. Большинство — заурядные середнячки, разноцветные комья человеческой глины, думающие трафаретами, вбитыми в их тупые мозги. С какой стати ты, чистюля-читатель в выглаженной рубашечке, думаешь, что не для тебя, не для членов твоей семьи строились тюрьмы и концлагеря? Что? Ты ничего такого не сделал? Ты невиновен? Я сейчас лопну от смеха. Ну ты и сострил! Ты либо шутник, либо придурок. В следственном изоляторе все невиновны. Разуй глаза, подними голову. В стране, где между словами “закон” и “проститутка” спокойно ставится знак равенства, над **каждым** висит Дамоклов меч. Не для тебя ли освободили нару возле меня?

...За решеткой странные мысли лезут в голову. Например, что делать, если пожар? Камеру не откроют — инструкцией запрещено. Организовывать переброску арестантов в другие тюрьмы также никто не станет — слишком много на это понадобится времени и сил. Наверняка будут лениво тушить, пока тушится, а ты в это время будешь задыхаться в дыму, гадая, где лучше подохнуть — лежа на наре или сидя под столом с укутанным мокрым полотенцем лицом.

Собственное бессилие бесит. Хочется рвать голыми руками прутья, что-то делать, а не бродить бесцельно по камере и не ждать неделями, когда откроется кормушка, и тебя закажут с вещами на выход.

Тот, кто не был в тюрьме, иногда спрашивает: “Где легче — в камере на четыре человека или на сорок?”. Я бы ответил так: если ты человек, а не дерьмо, — тебе будет хорошо в любой камере и при любом количестве арестантов. Живи спокойно, другим не мешай. Не щемь слабых, не наживайся на чужом горе и не позволяй никому сесть на шею. (Даже мысли такой ни у кого не долж-

но возникать). Никогда не бери без спроса чужие вещи, не присаживайся на чужую нару, а вещи, предназначенные для общего пользования, всегда клади туда, откуда взял. Как видишь, всё очень просто.

Это, во-первых. Теперь, во-вторых. Давай рассудим вместе, где лучше. Бесспорно, для общения и в плане накопления “бесценного жизненного опыта” тридцать девять потенциальных преступников лучше, чем три. Пока пройдешь из одного конца камеры в другой, пообщаешься с одним, вторым, третьим — вот уже и день заканчивается.

В камере на четыре человека, в так называемом “тройнике”, особо общаться не с кем. (Да и зачем, если и так есть, чем занять мозги?). Сказать, что в “тройнике” нет пространства — всё равно, что не сказать ничего. В ширину — два метра, в длину — четыре. Теперь поместим в этот прямоугольник сваренные в два яруса четыре железные нары, стол, скамейку, ржавый умывальник, пробьем дырку в полу — и что же останется из свободного места? Когда один из арестантов выпадает на тасы, остальным не остается ничего другого, как находиться на нарах.

В этом отношении в больших камерах, казалось бы, места побольше. Но это только на первый взгляд. Разделив общую площадь на количество человек, получаем в итоге пространство размером в 1,6 кв. метра на человека. В “тройнике” получается 1,9.

Немаловажно и то, сколько человек ходит на одну парашу — сорок или четыре. В “тройниках” намного спокойней и больше порядка. Кто бы там ни сидел, а найти общий язык с тремя легче, чем с тридцатью девятью. Кроме того, в “тройниках” есть ещё и то преимущество, что если вас там сидит четыре человека, то вы и будете сидеть вчетвером. Большие хаты всегда переполнены. Арестантов значительно больше, чем нар. Приходится спать в две смены, что также не прибавляет удобств.

Когда попадаешь в тюрьму, понимаешь — ты здесь надолго. Ждать суда приходится по несколько лет. Кто-то не выдерживает и тихо, как бы сам по себе, умирает. Другой пытается покончить с собой. Третий, махнув на всё рукой, опускается и уже ничем не отличается от вонючей бродячей собаки.

То, что стало привычным потом, в первый день вызвало состояние шока, в чем-то более сильного, чем сам арест. Я шел сквозь обыски, снятие отпечатков пальцев и прокуренные бетонные боксы, в которых люди от недостатка кислорода теряли созна-

ние, балансируя на лопастях сатанинской мясорубки, перемалывающей человеческую глину в однородную кроваво-серую массу. Под насмешки надзирателей. Под лай собак. На пороге двадцать первого века.

Я понял, что выжить можно лишь в том случае, когда твердо знаешь зачем и во имя чего, когда есть четкая цель, а слова **любить** и **ненавидеть** уже не просто слова, а смысл оставшейся жизни.

Не так-то легко оставаться внешне спокойным, когда исполтинская волна глухой злобы и желание мстить переполняют всё естество, наполняют терпким ядом **каждую** клетку. Нервы не выдерживают, ты переступаешь черту, за которой все тормоза убраны, и ты готов абсолютно на всё, не задумываясь о возможных последствиях. И в этот неотвратимый и роковой миг приходит на помощь Его Величество Смех, спасающий тебя от неминуемого расстрела, а кого-то из оловянных солдатиков от бесславной гибели в середине рабочего дня.

Поверь: в тюрьме есть над чем посмеяться. Посмотри на себя в зеркало, на то, кем ты был и кем стал. Посмотри на сокамерников, на их быт, на всё, что тебя окружает, как бы со стороны. Не правда ли, похоже на комнату смеха? Только шизофреник, упорно не понимающий, почему дважды два будет четыре, способен придумать такую веселую пьесу.

Одно фотографирование чего стоит!

Насколько я помню из книги Ю. Торвальда “Сто лет криминалистики”, смысл фотографирования состоит в том, чтобы идентифицировать личность и в случае чего при помощи фотографии разыскать для скамьи подсудимых недостающего пассажира. По логике, фотография должна быть максимально приближена к оригиналу. Это по логике, но где в нашем обществе, а тем более в тюрьме, ты эту самую логику видел? Менты не ищут легких путей. Сначала человека помещают в КПЗ, где он не бреется, не стрижется, не моется и т. д. и т. п., с каждым днем становясь всё меньше похожим на того, кем он был на свободе. По прошествии двух месяцев его перевозят в тюрьму и фотографируют. Затем отправляют в камеру, где арестант уже имеет возможность побриться, постричься, более-менее сносно помыться. В результате человек на фотографии прилично отличается не только от того парня, который когда-то разгуливал на свободе, но и от того, кто уже отдыхает, развалившись на нарах.

Я как-то наблюдал за тем, как проходит опознание по фотографии. Следователь подсовывает свидетелю **одну-единственную**

фотографию, закрывает левой рукой лоб и прическу, а правой всё, что ниже переносицы. На малюсенькой фотографии три на четыре остаются видны только глаза.

– Он?! – то ли спрашивает, то ли утверждает представитель законности и порядка.

Свидетель нервно поглядывает на часы – он явно хочет домой и мычит нечто невразумительное.

Следователь расплывается в довольной улыбке:

– Я так и думал. Значит, он. Расписывайтесь. Вот тут!

Свидетель снова мычит, покрываясь каплями пота. Следователь смотрит исподлобья и повышает тон:

– Расписывайтесь и идите. Мы вас вызовем!

Звучит как ультиматум. Не распишешься – посадят, а по дороге домой ещё нужно зайти в химчистку, продукты купить, ребенка забрать из детского садика. Свидетель расписывается и спешит распрощаться.

Я незаметно подошел к столу и глянул через плечо на фотографию: натуральный фоторобот среднестатистического гражданина. Укажи на любого – не ошибешься.

В тюрьме человек постепенно привыкает к замкнутому пространству, к отсутствию света, к придурковатым сокамерникам. Однако есть вещи, к которым невозможно привыкнуть.

То, что собаками травят арестантов, суший пустяк в сравнении с жизнью в камере, примыкающей к псарне. Постоянная вонь, нескончаемый лай днем и пронзительный вой по ночам. В шесть утра и в восемь вечера псиный винегрет из запахов и звуков увеличивается десятикратно. Собачек кормят. Если уши ещё есть чем заткнуть, то об армейском противогазе вспоминаешь с глубоким чувством признательности и теплотой.

Не пойму – почему на Западе такие чистые тюрьмы? Куда они девают мусор и грязь? Почему там, за бугром, в еде не плавает мусор и нет проблем с водой и электричеством? В каких инкубаторах выращивают полицейских без явных признаков болезни Дауна на лице? Для меня сие остается загадкой.

Как-то попала на глаза книга Д. Мерфи, отсидевшего неполные двадцать лет в самых строгих тюрьмах США. Читаешь как фантастику. Сидят же люди! Чем не пятизвездочный Хилтон?

Когда я был маленьким, Мама часто мне говорила: “Зайди в троллейбус и прочти самое главное правило в жизни: “Не высовы-

вайся!». Я пытался, но жить, не привлекая к себе внимание окружающих, почему-то не получается.

В тюрьме из-за плохого освещения очень быстро падает зрение. Для того, чтобы окончательно не угробить глаза, я попросил достать мне настольную лампу. Оказывается, до меня такая идея никому не приходила в голову. Никогда не думал, что появление столь привычного в быту предмета вызовет такой неподдельный интерес у окружающих.

Вначале понадобилось вмешательство отдельных руководителей государства, чтобы лампа попала в камеру. Затем две(!) комиссии с перерывом в полторы недели тщательно раскручивали её до последнего винтика и с удивлением хлопали глазами, словно это была вовсе не лампа, а обломок космического корабля. Все были убеждены, что внутри спрятан радиопередатчик, с помощью которого я общаюсь с внешним миром и даю ценные указания сподвижникам на свободе. Чем больше я настаивал на том, что это самая обычная лампа, которая продается в любом магазине, тем меньше мне верили. Понадобилось специальное заключение экспертизы и личное указание зам. министра внутренних дел, чтобы лампу перестали разбирать и собирать, словно детский конструктор.

Рассказывая о тюремных буднях, нельзя не упомянуть о том, что один раз в неделю, в строго определенный день, арестанты выстраиваются в коридоре и под конвоем отправляются мыться.

Тюремная «баня» существенно отличается от того, что принято называть баней на воле. Между ними примерно такая же разница, как между «Запорожцем» и «Мерседесом». В тюрьме «баня» представляет собой пустую камеру, облицованную плиткой от пола до потолка, из которого торчит кусок ржавой трубы. Оттуда медленно и печально в течение минут десяти вытекает теплая вода. Это даже не душевая, а скорее пародия на нее.

Самое неприятное состоит в том, что вода, вытекающая из труб, — техническая, нередко с примесью то ли масел, то ли солянки. После мытья кожа достаточно быстро пересыхает и покрывается сыпью. Ходишь потом день-два, смотришь на себя, думаешь: пройдет-не пройдет, подцепил или не подцепил какую-то гадость. Благо, из дома передали кипятыльник. Можно нагреть немного воды и помыть как следует голову, а заодно заняться стиркой.

В тюремных условиях стирка — это целый процесс, к которо-

му готовятся заранее, предварительно поставив в известность сокамерников. Тазик-то на всех один.

Пока накипятишь кипятыльниками воду, пройдет явно не пять минут. Пока постираешь... Хотя стирать также можно по-разному.

Вариант первый — самый легкий. Даешь пачку сигарет, и за тебя всё стирают. Недостаток данного варианта состоит в том, что те, кто готов стирать за других, далеко не всегда бывают самыми чистоплотными жителями планеты Земля. Лично я брезгую давать другим стирать свои вещи, да и где гарантия, что их постирают настолько тщательно, как ты того хочешь?

Вариант второй — самый распространенный. Как папа Карло, тупо тереть вещи с мылом, пока на ладонях не появятся мозоли и не выступит кровь. Много пены, много воды, ещё столько же разговоров вокруг. Стирающий прилагает воистину титанические усилия, что, правда, не особо сказывается на качестве стирки. Скорее, наоборот — приводит к скорейшему изнашиванию вещей. Зато все видят — идет процесс. Многие зачастую не столько стирают, сколько делают вид, чтобы окружающие не думали, будто они ходят грязные.

Вариант третий и, как, на мой взгляд, самый разумный, если конечный результат интересует тебя больше, чем сам процесс. В горячую воду крошится мыло и делается мыльный раствор. В нем на несколько часов замачиваются вещи. Затем их тщательно выполаскивают, выкручивают и вешают сохнуть. Неплохо бы использовать вместо мыла стиральный порошок, но он, как и многие другие полезные вещи, попадает в камеры нелегальным путем, а потому его не так-то просто бывает заполнить.

Преимущество данного метода состоит в том, что вещи не портятся, служат дольше, выстирываются значительно лучше, чем в предыдущем варианте и, что немаловажно для тюрьмы, — такой вид стирки не повышает влажность и в без того сыром помещении. Как это ни печально звучит, но сырость в тюрьме — неизменная спутница прогуливающегося по камерам туберкулеза.

Паскудство ситуации усугубляется тем, что тюремные камеры совершенно не предназначены для стирки и сушки белья. Чтобы как-то высушить шмотки, арестанты вынуждены плести веревки из поношенных старых вещей, на которых впоследствии и развешивается постиранное тряпье под потолком. Тюремщики ругаются и

регулярно обрывают веревки. Арестанты по-новой начинают плести и так продолжается до бесконечности. Никто не задается вопросами — как стирать и где сушить вещи в тюрьме?

Тот, кто не хочет болеть туберкулезом, старается как можно чаще проветривать камеру и в любую погоду выходит на прогулку в тесный бетонный гроб с заплеванными стенами и открытым верхом, расчерченным на квадраты толстыми металлическими прутьями. Поверх прутьев лежит металлическая сетка, опутанная колючей проволокой, сквозь которую проходит электрический ток.

Размеры тюремных дворики колеблются от двух метров в ширину и трех в длину до четырех на пять. Однако это вовсе не означает, что если ты сидишь в большой хате, то тебя непременно будут выводить гулять в дворик побольше. Всё зависит исключительно от настроения надзирателей, выводящих арестантов на прогулку. Они могут и десять человек запихнуть в маленький дворик — им плевать на то, что заключенные будут спрессованы, как сельди в бочке. От этого самого настроения зависит и то, как долго ты будешь гулять — как положено, час или минут пятнадцать, потому что надзиратели торопятся поскорее уйти домой. Доказать, сколько времени ты провел в тюремном дворике, практически невозможно. Как ты докажешь и кто тебя будет слушать? Вы в разных весовых категориях. У тюремного персонала часы есть, а у тебя нет. Если найдут — жди неприятностей. Тюремщики, как юные пионеры, готовы за любую мелочь вклеить нарушение режима.

Чем больше арестант жалуется на условия содержания — тем больше похвал со стороны руководства срывают тюремщики. На то она и тюрьма, чтобы сидящие в ней взвыли, словно собаки. Когда арестанту по-настоящему становится плохо, он делается более покладистым в разговоре, и беседовать с ним значительно проще.

Жаловаться на тюремный быт бесполезно. Не зря говорят: “Многие уходили за правдой, а кто вернулся?”. Идти на контакт с администрацией, выслуживаться перед псами? Низко, глупо, бесперспективно. Если кому-то нравится вылизывать чью-то задницу — флаг ему в руки.

Остается одно — **заставить** окружающий мир работать на себя. Сделать это и трудно, и легко одновременно. Если говорить о чисто материальной стороне вопроса, то все тюремщики и мусора панически боятся брать взятки, дабы самим не сесть в соседнюю камеру. Однако все они, плюнув на инстинкт самосохранения, с

нескрываемым удовольствием берут на лапу. Людям как виду млекопитающих изначально присущи продажность и беспринципность. Редкие исключения только подтверждают общее правило. За решеткой, где буквально всё покупается и продается, данные качества проявляются особенно остро. Тюрьма причиняет одним нестерпимую боль. Для других она служит стабильным источником прибыли.

У меня было время поразмыслить с листом бумаги и шариковой ручкой в руке. С какой стороны ни зайди, как ни считай, а цифры получаются весьма любопытные. Если брать по скромному, то теневой оборот тюрем и лагерей в Украине колеблется от восьми до четырнадцати миллионов долларов США в день. А мы удивляемся: почему тюремщики и мусора не бросают работу, раз на ней так мало платят? Оказывается, кое-кому, стоящему поблизости от кормушки, есть за что побороться.

ЛУКЬЯНОВСКАЯ ТЮРЬМА (г. Киев)

Центральный вход

“...когда родственники арестованных хотят что-нибудь передать, им неизменно отвечают: “У заключенных всё есть. Тюрьма всем обеспечивает”...”

...В тюрьме нет ничего. Даже элементарных мелочей, в отсутствие которых нормальный человек сразу и не поверит...”

Глава шестая

СОТРУДНИКИ

“МЕСТ НЕ СТОЛЬ ОТДАЛЕННЫХ”

*“Были бы мозги — было бы сотрясение”
(из заключения суд.-мед. экспертизы)*

Вынесенная в эпиграф фраза пришла на ум, когда рослый, упитанный тюремщик поскользнулся на льду и изо всей дури протаранил башкой обледенелую бетонную стену. Мы с любопытством наблюдали за распластавшимся телом.

— Не встанет. Спорим на ужин, — предложил, вынырнув из-за спины, шустрый коротышка небритому верзиле из-под Донецка.

— Встанет, — разочарованно протянул небритый и спорить не стал.

Действительно, тюремщик довольно-таки быстро поднялся и, рыча от ярости, погнал нас дальше, выписывая в воздухе замысловатые фигуры руками. Нормальный человек ни за что бы не оклемаля, а этому хоть бы что. Я ещё раз имел возможность убедиться, что если во время столкновения головы с другим предметом раздаётся глухой звук, то это не обязательно звук головы.

Существует ли у тюремного персонала серое вещество наподобие мозга или нет — вопрос остается открытым. Если да, то оно работает исключительно в одном направлении — где бы и чего побольше урвать.

Как-то тюремщики ворвались с обыском накануне обеда. В тот день, утром, коллега по несчастью получил из дому продуктовую передачу, и мы только что закончили делать бутерброды с сыром. Всех, как обычно, загнали в отстойник. Вещи повытряхивали из сумок, раскидав вперемешку по полу. Вертки с сохнувшим бельем оборвали, белье туда же — на пол. Часть бутербродов съели, остальные сбросили со стола.

Интересно, их что — дома не кормят? Хари такие, что дай Бог каждому так отъестся. А если и не кормят, то зачем ногами топтать? Лично меня это взбесило, остальным, смотрю, всё равно. Привыкли. Мол, чему удивляться? Всё нормально. Серая повсед-

невность. Тюремные будни, в которых заключенный – ничто, бесправное и безмолвное существо похуже собаки.

Я смотрел, как сокамерники монотонно собирали разбросанные в беспорядке шмотки, слушал, у кого что пропало. Ненависти не было. Только глухая злоба и презрение к самодовольным жлобам, наживающимся на чужом горе. Они настолько ничтожны, что даже взятки им никто не дает – не за что. Вот и приходится отбирать у арестантов всевозможные мелочи, чтобы не зря прошел рабочий день. Как они выражаются: “забрать у зека не в западло”, а так – в порядке вещей. Мол, рассматривайте данное явление не как воровство, а как скромный вклад тюремного персонала в борьбу с преступностью во владениях местного феодала.

Подавляющее большинство надзирателей получает откровенное удовольствие от обысков как таковых. Они наслаждаются тем, что унижают других, сам процесс их привлекает больше, чем результат поиска. В этом отношении их трудолюбию можно только позавидовать. Не каждому дано с утра до вечера заглядывать в анальные отверстия в поисках запрещенных предметов.

В преддверии праздников оловянные солдатики заметно активизируются. По всей тюрьме проходят повальные обыски. Возвращающихся со следственки заключенных обыскивают по несколько раз. Найденные продукты, с большим трудом переданные с воли, отбирают – нужно ведь чем-то закусывать.

Когда 30 декабря я возвращался в камеру около пяти вечера, тюремщики уже успели надраться как свиньи и весело гоготали, развалившись на стульях. На меня никто внимания не обращал, да и отбирать, по большому счету, было нечего – плитка шоколада, два-три апельсина, полуторалитровая пластиковая бутылка воды и стопка свежих газет. Пустяк для свободы и целое состояние как для тюрьмы.

Вода была самая обычная, негазированная. Половину я выпил на следственке, половина оставалась в бутылке.

– Что несешь? – подозрительно поинтересовался ковылявший где-то сзади тюремщик.

– Воду.

– Воду... – как эхо, задумчиво повторил спутник. – Почему воду?

До его извилин никак не могло достучаться, что пить, пусть даже прокипяченную, но техническую и ржавую воду опротивело

до такой степени, что стакан с обычной чистой водой постепенно превратился в навязчивую идею фикс.

– Можешь понюхать, – предложил я тюремщику, подсунув бутылку под нос. Эта тварь не только понюхала, но и попробовала. Я посмотрел на его грязную морду, лоснящиеся от жира губы и понял, что допить остаток воды мне уже явно не суждено.

– Допивай, – я обреченно махнул рукой, думая как бы он пластиковую бутылку часом не отобрал, так как и её занесли в список запрещенных предметов.

Пока мы брели по подземному лабиринту, тюремщик добросовестно допил воду и, остановившись у дверей камеры, удивленно развел руками:

– Не вставляет.

Он всё ещё думал, что это какая-то хитрая жидкость наподобие спирта, но только без запаха и без вкуса.

– Я ведь говорил тебе, что это вода.

– Вода... – снова эхом отозвался комок человеческой глины, и разочарованно хмыкнув, потопал вглубь коридора.

Вода абсолютно безвредна для организма, чего не скажешь о стиральном порошке фирмы “Ариэль”, если употреблять его вместо еды. Вечно угрюмый сосед по камере впервые за несколько месяцев смеялся от всего сердца после того, как у него во время шмона нашли пакетик стирального порошка:

– Братуха, ты бы видел, как они его нюхали и пробовали на язык!

– Наверняка приняли за кокаин, – всунул свои пять копеек малолетка с верхней нары.

– В таком количестве? Ну ты даешь! Не знаю, за что они там его приняли, но граммов пятьдесят вынюхали, столько же съели.

– Хорошо, что не отобрали.

– Пришлось поделиться. Натуральный рэкет – с половины работают. В конце концов, кого за вымогательство посадили – меня или их?

Сосед побагровел от возмущения. Я его понимаю. Стиральный порошок купили, затем заплатили, чтобы занести в тюрьму, а в довершение всего половину пришлось отдать. Получается, что “Ариэль” не так уж и дешево обошелся.

Тюремное начальство вечно ноет, как проститутка, и жалуется то на долги, то на отсутствие средств для покупки самого необходимого. Вместе с тем, когда родственники арестованных хотят что-нибудь передать, им неизменно отвечают: “У заключенных всё есть. Тюрьма всем обеспечивает”.

В тюрьме нет ничего. Даже элементарных мелочей, в отсутствие которых нормальный человек сразу и не поверит. Явно не от хорошей жизни практически все арестанты спят в одежде, не раздеваясь. Убийственная антисанитария, умноженная на отсутствие дневного света, вентиляции и чистого воздуха при температуре до пяти градусов по Цельсию. Люди теряют зрение, гниют в прямом, а не только в переносном смысле, но кому до этого дело? Проверяющим и всевозможным комиссиям показывают одни и те же образцовые камеры, где арестанты спят не на железных нарах, а на металлических сетках, и где линолеум лежит на бетонном полу.

Между тем, чтобы привести “места не столь отдаленные” в соответствие с международными требованиями Организации Объединенных Наций, принявшей ещё в 1955 году Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, вовсе не обязательно поднимать вопрос о дополнительном финансировании пенитенциарной системы. Всё равно правительство денег не даст. Глупо надеяться на помощь со стороны государства.

Тем не менее, выход есть. Достаточно снять идиотские запреты, придуманные самим же руководством тюрьмы. Среди заключенных попадаются очень даже обеспеченные пассажиры, готовые за свои кровные сделать ремонт и укомплектовать тюрьму всем необходимым. Но за что в этом случае тюремщики будут брать взятки? Вот и придумали сотни всевозможных “нельзя”, чтобы за определенную мзду все они превратились в “можно”.

Довольно-таки любопытно сравнивать запреты и разрешения в различных украинских тюрьмах. Почему, к примеру, в Днепропетровске заключенным разрешено передавать консервы, а в Киеве нет? Почему на том же Подоле запрещены сигареты с фильтром, а в восьмистах метрах от него, на Лукьяновке, можно? На самой Лукьяновке то, что вчера было “можно”, сегодня – “нельзя”. К примеру, до недавнего времени арестантам разрешено было передавать постельное белье. Потом запретили. Снова разрешили и снова запретили... По четным можно, по нечетным нельзя. Почему? В каких документах оговорены все эти запреты, кем конкретно утверждены, на основании какого Закона?

О том, что существуют какие-то указы, постановления и тому подобное, регламентирующие порядок содержания заключенных под стражей, слышали все, но что конкретно написано в них, никто понятия не имеет. Да и зачем их читать? Что взбредет в голову тюремной администрации, то и является истиной в последней инстанции. О какой законности, о каком порядке может идти речь, когда сама власть, что наверху, что внизу, на эту самую законность плевала, исповедуя исключительно личные интересы?

В развитых странах пенитенциарная система подчинена министерству юстиции, что в немалой степени способствует соблюдению законности за колючей проволокой. В Украине тюрьмы и лагеря как были, так и остались в подчинении министерства внутренних дел. В результате те, кто, грубо попирая Закон, вламывались в квартиры и арестовывали – они же и содержат арестованного под стражей. Ведомство-то одно. Чего стоит какому-то Паше позвонить приятелю Ване и сказать: “Мы там тебе преступника привезли. Так ты создай условия, чтобы не шибко умничал”? Ванечка никогда не откажет за магарыч и закуску подорвать чье-то здоровье и сломать чью-то жизнь. Что может быть проще?

Тюрьма – это гигантский сгусток отрицательной, грязной энергии, разрушающей психику как заключенных, так и тюремщиков. Вопрос ставится не так: заболит человек в тюрьме или нет, а на каком месяце начнет барахлить печень, сердце, мозг?..

По отношению к заключенным тюремщиков можно условно разделить на две категории: агрессивные, при каждом удобном случае срывающие зло на арестантах, и не агрессивные – те, кто зло не срывает, но, вместе с тем, абсолютно равнодушен к чужим страданиям. Глупо искать среди тюремного персонала психически полноценных людей. Это все равно, что отправиться в глубины Африканского континента на поиски высокого блондина в желтом ботинке. Единственное, что не позволяет некоторым окончательно свихнуться за решеткой, так это полное отсутствие мыслительной деятельности, что также встречается достаточно часто.

Я ещё раз подчеркиваю – **нормальный человек со здоровой психикой в тюрьме работать не может**. Если такой, по иронии судьбы, и окажется в “месте не столь отдаленном”, то поверь – это не надолго. Он или уволится, или деградирует, или система сотрет его в порошок. Или – или. Другого не надо.

Это чем-то напоминает жизнь в зоне с повышенным уровнем радиации. Либо организм покинет зону, либо умрет, либо немину-

емо превратится в такого же мутанта, как все. У белых ворон на роду написано долго не летать в черной стае.

Психическая неполноценность и примитивизм развития тюремщиков – всего лишь фон, на котором акт за актом разыгрывается тюремная пьеса. Невольно задумываешься: из каких закоулков человеческой души выползает ненависть к себе подобным, почему один человек, уничтожая другого, получает от этого удовольствие, люди с какими чертами характера остаются на долгие годы работать в тюрьме после естественного отбора?

Так устроен мир, что серые, невзрачные люди всегда ненавидели тех, чья жизнь удалась. За то, что у них хорошие отношения в семье, за то, что они красиво одеваются и живут в аккуратных, чистых домах, а в отпуск уезжают покататься в море или покататься на лыжах в горах. Любое проявление успеха и благополучия не только притягивает окружающих, как магнит металлические предметы, но и неминуемо вызывает зависть. Обеспеченные люди недооценивают данный момент, а ведь именно в нем, как в тщательно замаскированной мине, чаще всего кроется причина их бесчисленных несчастий и бед.

– За что нас ненавидеть? Чему завидовать? Учитесь, работайте и будете иметь не меньше, если не больше, чем мы.

Толстячки недоуменно пожимают плечами.

В том-то и дело, что учиться лень, работать – тем более, а иметь хочется побольше. Зависть – не столько черта характера, сколько проявление скрываемого комплекса неполноценности, имеющего место у большинства *homo sapiens*. Серость ненавидит яркие цвета как раз за то, что рядом с ними особенно остро проявляется её ущербность. Сами по себе ничтожества не способны сбить с ног, но когда (как, к примеру, в тюрьме) вдруг сложится ситуация, в которой можно заявить свое “Я”, то такого случая они не упустят. Что может быть приятнее для нищего, чем созерцание несчастий обеспеченного соседа? У нас даже телесериал есть под названием: “Богатые тоже плачут”. Каково? Что может быть лучше для самовозвышения, чем издевательство над тем, кто ещё вчера был сильнее? Как не воспользоваться, когда представится случай?

В тюрьме сидят разные люди. Глупо стричь всех под одну гребенку. Среди бесчисленного дерьма и опущенных, гниющих от СПИДа наркоманов, редко, но встречаются яркие личности,

попавшие за решетку в силу несовершенства законодательства и творимого в стране беззакония. Как правило, такие попадают в тюрьму за экономические дела или в результате политических интриг и репрессий. Именно их с удовольствием бросают власти под пресс и “создают условия” по просьбе приятеля в таком же казенном и помятом мундире.

– Это тебе не санаторий ЦК партии! – любят повторять надзиратели, запихивая в душный отстойник на время обыска.

Всем известно – в тюрьме не бывает легко. Если же тюремщики вдобавок ещё и “заботятся” – трудности возрастают в геометрической прогрессии в зависимости от их стараний и служебного рвения.

КАК РАБОТАЕТ ОПЕР. ЧАСТЬ

*“Раз, два, три, четыре, пять -
Мы идем тебя искать...”
(детская считалка)*

Работать по тем, кто уже сидит, намного приятней, чем по тем, кто всё ещё разгуливает на свободе. Нет утомительных слежек, прослушивания телефонных разговоров, едва ли не круглосуточной езды по городу с последующим отчетом перед вышестоящим начальством за каждый литр выкатанного бензина и прочее, прочее, прочее...

В тюрьме всё значительно проще. “Объект” всегда под рукой, отдыхает на нарах в такой-то камере. Прямо как рыбка в аквариуме. Плавает внутри бетонного кубика, суетится... А чего, спрашивается, тратить усилия зря? Ситуация под неусыпным контролем, так что непредвиденных комбинаций возникнуть как будто бы не должно...

Всё, что было, что имеет место сегодня и будет завтра — уже происходило в тюрьме не раз и не два. Меняются только актеры, декорации и роли остаются без изменений.

Попав за решетку, очень важно усвоить, что:

- опер. часть работает без выходных;
- “случайные” ситуации никогда сами по себе не возникают, они заранее предопределены, как, впрочем, не бывает и “случайных” сокамерников.

Кое-кто в погонах вначале хорошо подумает, прежде чем поместить арестанта в ту или иную камеру и этот кто-то преследует совершенно определенную цель.

Для того, чтобы не наделать глупостей и не создать самому себе дополнительную головную боль, необходимо четко понимать задачи, стоящие перед опер. частью и выполняемые ею по мере сил. Главными из них являются получение максимально полной и разносторонней информации об арестантах и их сообщниках, а также манипуляция заключенными и управление так называемым “воровским” (или “тюремным”) движением”.

Начнем с главного — получение информации.

Информация, накапливаемая об “объекте” с последующей её обработкой, подразделяется на два вида — *основную*, непосредственно связанную с конкретным уголовным делом и способствующую выявлению неизвестных ранее фактов, доказывающих виновность “объекта”, и *косвенную* — способствующую более полному изучению “объекта” и его окружения, что, в свою очередь, помогает:

- в раскрытии других уголовных дел;
- контроле “объекта” как в тюрьме, так и после его выхода на свободу;
- прогнозировании его поведения в будущем;
- в вербовке с дальнейшим использованием согласно поставленным целям.

Опер. часть интересует буквально всё: как ты проводишь свободное время, во что одевался на свободе и как одеваешься в камере, в какую церковь ходят (если ходят) твои родные и какая именно погода тебе нравится. Абсолютно не значащая, на первый взгляд, информация о тебе, попав “куда не надо” и под нужным углом зрения обработанная, имеет свойство возвращаться обратно и очень больно бить в самый неподходящий момент.

Чем больше опера о тебе знают — тем сильнее ты уязвим. Чем лучше ты это понимаешь — тем больше шансов выжить в тюремном зверинце.

Схема, согласно которой интересующего опер. часть гражданина бросают в разработку, по сути проста, как деревенский забор, а потому эффективна. Тем более, что грязной работой операм пачкать руки вовсе не обязательно. Для этих целей существует сколько угодно прибалтанных рабов из числа “опытных” заключенных.

В зависимости от каждого конкретного случая схема упрощается или усложняется, растягивается на долгие месяцы или сжимается до нескольких дней. В качестве примера рассмотрим один из наиболее популярных вариантов, предварительно разбив его для удобства на несколько составных частей.

Часть первую можно озаглавить как “Изучение”. Поверхностное знакомство перетекает в устойчивый интерес с целью выявления сильных и слабых сторон. За тобой круглосуточно наблюдают, отмечая каждую мелочь, выясняя круг интересов, изучая при-

вычки. Не думай, что твоя манера поведения с окружающими остается незаметной для посторонних глаз. То, как ты ведешь себя во время “бесед” и допросов, и как снимаешь напряжение после них, представляет живой интерес для тех, кто работает по тебе, помогает им регулировать механизм выбивания показаний. Информация, поступающая от надзирателей, сопоставляется с нашептыванием информаторов, просеивается, анализируется. Делаются предварительные выводы.

Вторая часть логически вытекает из первой. С заключенным, в целом, всё ясно — кто он и чем, собственно, дышит. От поверхностного изучения “объекта” переходят к более углубленному знакомству с ним. Из числа сокамерников невесть откуда появляются кандидаты в “друзья”, с которыми, как правило, устанавливается легкий непринужденный контакт. У вас оказываются не только сходные интересы по жизни, но и общие знакомые на свободе. Если ты увлекаешься хоккеем, то и он готов часами обсуждать спортивные матчи. Ты скучаешь по детям? И он с неподдельной грустью рассматривает семейные фотографии.

В некотором смысле вторая часть чем-то смахивает на исполнение желаний. Обмолвился в разговоре, что не с кем в шахматы поиграть, через дня два заезжает мастер спорта, любитель повисеть над черно-белой доской. Проявил интерес к банковской деятельности — получишь банкира в теплом вязаном свитере. Кого угодно из-под земли откопают, лишь бы ты начал общаться и говорить. Вначале о посторонних вещах, затем смотришь — к интересующим опер. часть делам подобралась вплотную.

Новый “друг” обязательно будет производить впечатление надежного, проверенного человека, смотрящего на мусоров не иначе как на грязь, а куриц вообще не считающего за людей. Разговаривая с вновь приобретенным “другом”, хочешь — не хочешь, а расслабляешься. Невольно благодаришь судьбу за то, что даже здесь “везет на людей” и есть с кем доверительно пообщаться. Незаметно разговоры заходят всё дальше и дальше... Именно в нужный момент люди почему-то забывают о том, что большее всего наносят удары не “чужие”, а “свои” — те, кто находится рядом.

Изучение заканчивается и начинается третья, завершающая и неприятная часть разыгранной пьесы. Её цель — сломить волю заключенного, создать внутри клетки такие условия, чтобы он ломанулся к операм, стал сговорчивым и послушным. Всех тех, с кем “объект” поддерживал приятельские отношения и кто прояв-

лял хотя бы малейшую симпатию к нему, переводят в другие камеры. В итоге “объект” остается в глухой изоляции среди провокаторов, деградировавших наркоманов, психопатов и прочего быдла. Сами по себе они никто и ничто, но когда всю эту безмозглую массу направляют в определенное русло, следует быть настороже.

Распределение ролей закончено. Есть предполагаемая жертва, есть исполнители — вот они, под рукой, есть курицы, готовые исправно отрапортовать, как всё прошло, и есть провокатор, науськивающий окружающих согласно полученным инструкциям.

О провокации как таковой можно говорить часами. Это такая же вечная тема, как теща, домашние животные или погода. По большому счету, провокация — это искусство стравливания людей между собой. На данную тему написано немеряно книг и учебных пособий, профессионалов, прежде чем внедрить их в нужный коллектив, политическую партию или церковную структуру, выращивают не один год.

Бесспорно, в тюрьме всё значительно примитивней, нежели на свободе. Провокаторы далеко не профессионалы, хотя и натасканы, как для тюрьмы, довольно неплохо. Обычно они косят под блатных, но на первые роли не лезут, стараются находиться как бы в тени, чтобы всегда была возможность съехать с темы, если вдруг ситуация выйдет из-под контроля. Ни при каких обстоятельствах провокатор не полезет вперед — он всегда всё будет делать чужими руками, изображая из себя рубаху-парня за кружкой чифира. Его голос чуть тише того, кто возмнил себя авторитетом. Провокатор, словно шакаленок, подвывает из-за чьей-то широкоплечей спины избитые фразы типа: “ Это вам тюрьма, а не тюремочка!” или: “Наказать по всей строгости арестантских законов!”, хотя об этих самых законах он сам понятия не имеет. Зато звучит авторитетно.

Когда к травле “наверху” добавляется ещё и нервозность внутри камеры — достаточно сложно сохранить самообладание и не наделать глупостей. Не так-то просто поставить на место не в меру рьяных исполнителей и при этом никому не сломать нос или челюсть. Нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что желающих подставить морду, дабы “объект” как следует врезал по ней между глаз и таки точно получил срок, если не по одной статье, так по другой, — в тюрьме сколько угодно. “Объекту” обрадованные слуги правопорядка влепят по максимуму, а псевдопотерпевшему скостят по амнистии срок.

Попав в экстремальную ситуацию, чрезвычайно важно не поддаваться панике, не суетиться, бросаясь из крайности в крайность. Опрометчивые поступки ещё никогда к добру не приводили. Выход существует из любого, даже самого запутанного лабиринта. Посмотри на ситуацию как бы со стороны. Мир находится не за пределами нашего “Я” — он внутри нас, и мы в состоянии им управлять. Невозможно сломить того, кто не хочет быть сломленным.

Как я уже упоминал, манипуляция тюремными “авторитетами” и управление “воровским движением” наряду с получением информации являются основными задачами опер. части. Руководить “авторитетами” в действительности намного проще, чем может показаться на первый взгляд. Они легко идут на контакт и без особых проблем поддаются вербовке. Как правило, это эгоистичные люди, болезненно тщеславные и самовлюбленные, с тщательно скрываемыми комплексами неполноценности. Так как на свободе они были никем, в лучшем случае — шестерками у более сильных хозяев, то за решеткой они стремятся **во что бы то ни стало** утвердиться в глазах окружающих.

Только дурак либо сверхнаивный человек может полагать, будто бы опер. часть существует сама по себе, а местные “авторитеты” — сами по себе. В тюрьме хозяин один, неуправляемых “вождей” не бывает в природе. Если такой вдруг и появляется, то его достаточно быстро приручают или уничтожают — иных вариантов нет и быть не может (если он, конечно, не ляжет на дно или не выберется на свободу).

Наблюдать за тем, как мусора со своей стороны, а приклатенные арестанты — со своей раскатывают заключенного в нужном для следствия направлении — достаточно интересное и со всех точек зрения поучительное занятие. Ещё более интересно сравнивать то, что думают обо всем этом сами заключенные, с тем, что думают опера.

Смотришь, сравниваешь и невольно поражаешься наивности арестантов. Прямо как дети. Среди них сплошь и рядом попадают персонажи, которые всерьез верят, будто бы все эти “воровские движения” возникли в результате протеста против существующих тюремных порядков и что за решеткой существует некое государство в государстве со строгой иерархией среди заключенных. Редкая чушь, раздутая словоохотливыми журналистами в огромный мыльный пузырь. Никакого государства в государстве в

местах “не столь отдаленных” не существует! Ещё раз повторяю: в тюрьме хозяин один. Все эти “движения” сознательно созданы самими мусорами с тем, чтобы контролировать заключенных и управлять ими изнутри арестантской среды.

Необходимо отметить — это действительно чрезвычайно удобный и эффективный инструмент как для получения необходимой информации, так и для расправы с неудобными. Последнее особенно четко проявилось в сталинских концлагерях, во времена хрущевской оттепели, при развале Союза и в ходе дальнейшего перераспределения власти в верхах, когда руками тюремных “авторитетов” были уничтожены сотни тысяч политических диссидентов. Кого не хватило сил расстрелять и не смогли объявить психически больными, тех бросали под пресс в тюремных камерах. Излюбленный метод расправы с неудобными как в Советском Союзе, так и в “независимой”, “демократической” Украине.

Как бы тяжело ни было за решеткой, постарайся спокойно воспринимать всё то, что происходит вокруг. То, что слышишь. Что видишь. Не удивляйся человеческой низости, когда в очередной раз забросят в камеру провокатора, или как бы случайно наблюдатель не удержит озверевшую собаку. Пусть тюремщики смеются, упиваясь собственной властью. Мы здесь временно, они определили себя в тюрьму навсегда.

“...Этот корпус вы не найдете ни на одной карте. О том, что происходит за его стенами, врачи предпочитают молчать...”

ЧТО ТАКОЕ ТЮРЕМНАЯ МЕДИЦИНА

*“Все болезни от нервов.
Триппер и сифилис — от удовольствия”
(мнение)*

Один раз в день, не считая суббот и воскресений, открывается кормушка, и сутулая фигура в халате, некогда белом, а ныне неопределенного цвета, держа в руках замусоленный ящик от письменного стола, не то вопрошает, не то утверждает:

— Болеем?!

В ящике, как обычно, пусто. Если на дне что-либо и валяется, то явно с вышедшим сроком годности и неясного даже для опытных фармацевтов происхождения. Надеяться на то, что в случае заболевания тебе дадут нужное лекарство — глупо, бесперспективно и чрезмерно наивно. У тюрьмы нет денег на приобретение самых простых и дешевых лекарств, а то, что со скрипом и закупается, благополучно оседает в карманах тюремного персонала. Что остается, думаю, понятно. Поэтому заключенные, подтягиваясь от скуки к кормушке, редко спрашивают у лепилы какое-то конкретное лекарство, а говорят лаконично и просто:

— Дай таблетку.

И всё. Потом разберемся — нужна она или нет. Авось кому-нибудь да пригодится. А если и не пригодится — можно для психологического самоуспокоения глотнуть. Какое-никакое, а всё же лекарство. Вдруг от чего-то да полегчает.

То, что тюрьма жизнь не удлиняет, а укорачивает, — общепризнанный факт. То, что лучше быть богатым и здоровым, а не бедным и больным — также не новость. Однако, находясь в заключении, на медицину, в целом, и на собственное здоровье, в частности, начинаешь смотреть совершенно под иным углом зрения, чем на воле.

За решеткой здоровье арестанта — его сугубо личная проблема, и нечего рассчитывать на то, что некто, наблюдая за тобой, обронит слезу. Кого лечить? Чего спасать? Для всего мира ты преступник, затерявшийся среди отбросов общества. Не приведи Гос-

поди свернуться калачиком от аппендицита или начать задыхаться от сердечного приступа. Пока достучатся, пока прибегут... И то — первое, что скажет тюремный медбрат, так это: “Прекрати симулировать”, или нечто в этом роде. Вопрос: “На что жалуемся?” — прозвучит несколько позже — когда пульс перестанет прощупываться.

Помню, один эпилептик как-то забился, словно карасик, выпавший из рыбацких сетей. Внес своим приступом разнообразие в серые тюремные будни. Хотя бы какая скотина отозвалась из коридора! Как бы не так! Как в тундре — никого не докличешься. Когда надзиратель таки сообразовал появиться — больной лежал на правом боку с ложкой между зубов, чтобы не задохнулся.

— Чего расшумелись? Тут ещё и не с таким сидят! — успокоили из-за железной двери, с любопытством наблюдая через сечку за суетой внутри камеры. — Притих, и слава Богу. Угомонился, бедолага. Чего раскричались? Пусть полежит на полу, а потом забросите его на нижнюю нару. Пустяки — оклемаются.

Действительно, — чего зря шуметь? Толку от этого всё равно никакого, а голосовые связки далеко не железные. Лежит себе на полу человек и лежит — никому не мешает. Разве что чужая ложка торчит изо рта, создавая определенные неудобства для её хозяйки, если тому вдруг захочется поковыряться в тарелке перед тем, как зависнуть на пальме, а так — всё нормально, судя по реакции тюремного персонала. Контролеров, как они себя называют.

Впрочем, эпилепсия — не самое неприятное заболевание, наблюдаемое у окружающих за тюремной решеткой (хотя и давит время от времени на мозги созерцание судорог у соседа по хате). Есть ещё невероятное количество всевозможных кожных и венерических заболеваний, на фоне которых чесотка кажется чем-то милым и трогательно-невинным. Ну заразна — так что из того? Сифилис и СПИД тоже заразны, а хлопот от них не оберешься. Другое дело — чесотка. Чем больше чешешься — тем больше хочется. Почесался сам — дай почесаться другому. Это как насморк. Главное — чихнуть в нужном направлении.

Что любопытно — в тюрьме полным-полно больных СПИДом, а тюремное начальство хранит олимпийское спокойствие, словно так и должно быть. Сокамерники традиционно переживают по поводу туберкулеза, процент заболеваемости которым неуклонно возрастает из года в год. Что же касается СПИДа, то его как-то всерьёз не воспринимают. Многие слышали о том, что от СПИДа,

кажется, могут быть неприятности, но насколько серьезными могут быть эти самые неприятности, мало кто осознает до конца. Тюремное начальство довольно-таки просто разрешило проблему с этим крайне непонятным и мутным заболеванием — оно решило его просто-напросто не замечать. И вправду — чего обсуждать эту гадость, если она всё равно неизлечима? Поначалу тех, кто со СПИДом, держали в отдельных камерах, затем (когда их стало слишком уж много) разбросали по хатам, перемешав со здоровыми арестантами. Пусть привыкают.

Государство, судя по всему, поддержало инициативу на местах, благополучно прекратив финансировать тестирование на СПИД не только в тюрьмах и лагерях, но и на воле, не делая исключения для станций переливания крови. Какая-то логика тут, конечно же, есть. Ну протестировали, ну выявили... А дальше что делать? Одни расходы. Да и зачем людям настроение портить? Мало ли что можно в крови найти, если в ней хорошенечко покопаться...

Лечение в тюремных условиях проходит под чутким наблюдением и при непосредственном участии опер. работников, не отягощенных клятвой Гиппократова. Их до глубины души оскорбляет, когда без их ведома и присутствия пытаются провести медицинское обследование заключенного и ставят диагноз. Поэтому нет ничего удивительного, если вместо терапевта тебя потащат к дерматовенерологу или окулисту, которые появляются на видимом горизонте, в лучшем случае, раз в квартал. Заключенные давно поняли, что даже если их по ошибке и отведут к тому, кому надо — здоровье от этого никак не улучшится, а выйти из душной камеры и прогуляться по тюремным коридорам — милое дело. Какое-никакое, а развлечение в мире, где **ничего** хорошего не происходит. Походить, побродить, знакомых встретить, обменяться последними сплетнями, узнать, кого отправили в лагерь, а кого расстреляли. Учитывая, что любой выход за порог камеры — уже событие (как для тюрьмы), и случается такое далеко не часто, то на аудиенцию “к врачу” отправляются обычно без возражений.

Чем ещё характерна тюремная медицина, так это завидной оперативностью. В первые дни моего пребывания за решеткой я попросил оказать мне медицинскую помощь. За окном стоял теплый сентябрь, ярко светило солнце, и на деревьях шумели зеленые листья. Врачей же я увидел только в декабре, когда, по мнению следователя, у меня само по себе всё должно было пройти. Где-то

там, в свободном и беззаботном мире, уныло падал снег, а температура воздуха опустилась хорошо за минус двадцать по Цельсию.

Зато когда не надо (вернее, надо подтвердить, что заключенный здоров и его можно судить) – врачи появляются в мгновение ока и как-то внезапно, словно вырастая из-под земли.

Однажды ранним утром в четверг меня тупо вывели в коридор и, ничего не объясняя, запихнули в переполненный и изрядно прокуренный бокс (естественно, без окна и без каких-либо признаков вентиляции). Публика подобралась на редкость спокойная, интеллигентная и довольно-таки доброжелательная по отношению друг к другу. Когда меня туда затолкали, разговор крутился вокруг проблемы озоновых дыр и раковых заболеваний на юге Австралии. Бородатый мужчина неопределенного возраста в очках, сидевший на корточках несколько в стороне от всех остальных, сокрушался по поводу будущего Гонконга после присоединения к КНР, а необразованный малолетка молча слушал, кивая в такт головой. Обстановка чем-то смахивала на курилку в университете между второй и третьей парой. После твердолобых соседей по камере сие мне показалось весьма странным, и я не ошибся. Мы все (за исключением малолетки) плавали под расстрельными статьями и нас в принудительном порядке собрали перед отправкой в дурдом на судебно-медицинскую экспертизу, дабы удостовериться, всё ли у нас в порядке внутри черепной коробки.

Когда по прошествии часов трех кислорода в бетонном склепе уже совсем не осталось, нас друженько загрузили в фургон, приплюсвав к нашей маленькой компании двух очаровательных девчушек. Рыжая зарезала то ли мужа, то ли любовника, а веселая коротышка с невероятно большим ртом, обведенным ярко-красной помадой, прикончила отчима. Фургон несколько раз судорожно дернулся и медленно покатился к воротам. Мусора звенели ключами и, дыша перегаром, норовили уцепиться за грудь коротышку, а рыжая, шуриша фольгой, рассказывала анекдоты и угощала всех шоколадом.

За время пребывания в тюрьме я впервые выехал за её пределы и с интересом рассматривал, как за окошком фургона буксуют на обледенелой дороге машины, как суетятся люди, героически перебираясь через снежные сугробы, и переминаются с ноги на ногу на троллейбусных остановках, как медленно и тяжело колыхаются под ударами зимнего ветра покрытые инеем ветви деревьев. Глаза, отвыкшие видеть дальше, чем на несколько метров, жадно

впитывали в себя каждую мелочь за расчерченным металлическими прутьями на квадраты окном.

Я увидел часть мира, который у меня отобрали, мира, до которого можно было дотянуться рукой – вот он, между нами всего лишь полтора десятка сантиметров обитой железом стены милицейского фургона, везущего заключенных по обледенелой дороге. Я почувствовал, как волна напряжения прокатилась и схлынула с тела, уступив место отрешенности и покою.

Больница имени Павлова встретила нас белоснежными стенами, здоровыми санитарями и улыбающимися врачами. Что любопытно – улыбки у работников дурдома весьма специфичны. Ни в тюрьме, ни на свободе я таких улыбок не видел. Так и подмывало сказать: “Ку-ку” – вместо приветствия.

После того, как мы переместились из фургона в огороженный решетками холл, попутчики заметно посерьезнели, углубившись в себя. Девчонок и малолетку сразу забрали, а остальных стали вызывать по одному в просторный кабинет с огромным казенным столом посередине, вокруг которого сидело с десяток врачей. Я не успел переступить порог, как они все, словно по команде, заулыбались вышеописанной улыбкой:

– Здравствуй, дружок! На что жалуемся?

Председатель комиссии, белокурая дама средних лет, не прекращая скалить желтые зубы, пристально, не мигая, уставилась на меня. “Прямо как кобра с оттопыренными ушами”, – невольно прозвела мысль в голове.

– Да, собственно говоря, ни на что.

Врачи ещё больше расплылись в улыбке, понимающе закивав головами.

– Почему же вы здесь?

Я нерешительно пожал плечами:

– Так ведь не выпускают.

– Да-а?.. – удивленно протянула дама, небрежно листая бумаги в папке, посвященной моей скромной персоне.

– Вы вообще-то понимаете, за что вас арестовали?

Не дожидаясь ответа, дама с интересом углубилась в чтение выдержек из моего уголовного дела. Её коллеги явно скучали. Я с любопытством рассматривал незамысловатую картину с видом Киева, висящую на стене. Одну из тех, какие продают на Андреевском спуске за двадцать долларов.

– М-да...

Председатель комиссии прервал молчание, подняв на меня глаза.

– Вы вообще-то здоровы?

– Вообще-то да.

– Что значит “вообще-то”? Вы себя здоровым считаете или как? Когда у вас последний раз было сотрясение мозга?

Вопросы посыпались с разных сторон. Складывалось впечатление, что врачей больше интересует, как я реагирую на русскую речь, а не то, что именно я отвечаю и отвечаю ли на их вопросы вообще. Их любопытство меня вначале развеселило, но постепенно стало надоедать:

– Ну, я пошел. С вами хорошо, но без вас ещё лучше.

– Куда пошел? – удивилась дама.

– Обратно, в тюрьму. Куда же ещё?

– Так мы ещё не закончили.

Я приподнялся и открыл дверь.

– Подождите. Вот здесь написано, что у вас высшее гуманитарное образование. Вместе с тем, вы долгое время профессионально занимались спортом и даже работали в институте физкультуры старшим преподавателем на кафедре борьбы. Как это вы совмещали тренерскую работу и преподавание философии, да и зачем философу спорт?

– Это имеет хоть какое-то отношение к моему уголовному делу или к вашей комиссии?

– Да нет. Просто так. Интересно.

– Чтобы быть гармонично развитым человеком.

Белокурая дама понимающе вздохнула, переглянувшись с коллегами в белом:

– М-да, молодой человек, не мешало бы вас понаблюдать...

Я потопал обратно в зарешеченный холл.

Возвращаясь из дурки в тюрьму, я спросил у соседа по фургону, на чьем лице светилось глубокое внутреннее удовлетворение от общения с айболитами:

– Почему многие стараются подражать Наполеону? Ни разу не слышал, чтобы кто-то косил под Байрона или изображал Гарибальди.

Сосед беззаботно расплылся в довольной гримасе:

– Если ты спрашиваешь обо мне, то я сам маленького роста, как тот, что из прошлого века. Биография Наполеона хорошо известна и легко запоминается. Засунул правую руку под рубашку на уровне сердца, повернул шапочку горизонтально – и готово. А Гарибальди попробуй изобрази. Ого! Кто определит, что это именно Гарибальди, а не кто-то другой, даже если ты на него будешь похож, как две капли воды? Народ-то у нас безграмотный, историей интересуется мало, книг практически не читает, а здесь полная ясность – ни с кем не спутают.

– Хорошо тебе, – подключился к разговору бородатый очкарик, обеспокоенный судьбой Гонконга. – А я уже седьмой раз сюда еду – эти недоучки никак правильный диагноз поставить не могут. Наверняка, в Днепропетровскую психушку отправят, а там труба.

– Ты что, уже и там побывал? – оживился Наполеон, как белочка обгрызая на пальцах ногти. Бородатый хмуро свел брови и сплюнул куда-то под лавку:

– Я, вообще-то, сам по профессии психиатр. В Днепропетровске на практике был.

– Тогда можешь не волноваться, – успокоил очкарика Бонапарт, – врачи от пациентов мало чем отличаются. Будешь, как рыба в воде. Тебя-то сюда за что?

Бородатый полез в карман за сигаретой:

– Да, собственно говоря, ни за что. Так, пустяки. Старый шкаф выбросил с балкона в кусты, чтобы не тащить его на себе с девятого этажа. Пришел домой усталый после работы, а тут ещё лифт как на зло не работает. За что мы только кварт. плату платим? Думал, утром, идя на работу, остатки шкафа к мусорнику подтащить, чтобы под окнами не валялся, а тут на тебе – только разделся, только душ принял – беркуты с автоматами прибегают. Я даже поужинать не успел. Спрашивают: “Вы шкаф выбросили?”. Я им без всякой задней мысли и отвечаю: “Ну я. Так что из того? Мой шкаф – что хочу, то и делаю.”. А эти идиоты сразу стали дубинками по голове бить и наручники одевать. Откуда мне было знать, что в тех кустах парочка занималась любовью? Места себе другого найти не могли, а мне теперь из-за них отдуваться.

Наполеон сокрушенно закачал головой, выражая глубокое понимание и поддержку. Спустя месяца полтора, идя по тюремно-

му коридору, я случайно узнал, что бородатый не в первый раз таким образом избавляется от ненужной мебели и почему-то каждый раз с одинаковым результатом.

Тюремная камера встретила затхлым, прокуренным воздухом, глубоким унынием и паутиной под потолком. Сокамерники смотрели на меня, как на Христофора Колумба после далеких странствий:

– Братуха, как там, на свободе?

Как? Как? Словно я весь мир объехал за полдня в милицеском фургоне...

Интересно, чего мусора добились или хотели добиться, отправив меня на экспертизу в дурдом? Удостовериться в том, здоров я психически или нет? Так, для них наличие любого высшего образования, за исключением юридического, уже является признаком неполноценности. А врачи... Они беспомощны и, как марионетки, послушно выполняют все указания свыше. Стоит только кому-то заикнуться, что арестованный нуждается в медицинской помощи или неподсуден по состоянию здоровья – как тут же такого врача обвинят во всех смертных грехах.

Увы, “спасение утопающих – дело рук самих утопающих”, и эта старая фраза как никогда актуальна в тюрьме. Здоровые заключенные не нужны – они опасны, ими манипулировать и управлять намного труднее, чем больными людьми. Ни для кого не секрет, что чем больше заключенный будет болеть – тем меньше у него останется сил на борьбу с милицией, прокуратурой, судами... Тем спокойнее спится тем, кто его засадил.

Тюремщики пытаются сгноить нас в бетонных гробах, но мы обязаны выжить, и мы обязательно выйдем отсюда, пусть даже на зло всему миру. Как бы тяжело ни было, но Господь нас хранит, а трудности на то и существуют, чтобы испытать на прочность каждого из идущих, закаляя перед грядущими испытаниями. Самое трудное и интересное всегда впереди. Что бы ни случилось, какая бы ни выпала карта – мы не имеем права утратить присутствие духа. Сильных всегда ожидает награда, а слабые... Они – как одуванчики в поле. Ветер подул – и их уже нет.

Бороться с существующей Системой тяжело, но можно и нужно. Для этого, прежде всего, необходимо обладать устойчивой психикой и отменным здоровьем. О физических и интеллектуальных упражнениях в условиях тюремного заключения мы поговорим

несколько позже, а сейчас затронем некоторые малоприятные вещи, с которыми, в первую очередь, приходится сталкиваться лицом к лицу в тюремной клетке.

Психические заболевания.

О чем заключенные меньше всего думают, так это о здоровье собственных мозговых извилин. Оно и понятно – крыша съезжает не спеша, не привлекая к данному процессу внимания со стороны окружающих. Когда же изменения в психике из глубин черепной коробки вылазят наружу, отражаясь на взаимоотношениях с окружающим миром, то на этом этапе, как правило, боржоми пить уже поздно.

Кто бы что ни говорил, но встретить в тюрьме заключенного со здоровой психикой, без каких-либо отклонений, на практике нереально. Это закономерный результат мощнейшего стресса (который, к тому же, не ослабевает, а наоборот – усиливается), умноженный на скотские, не поддающиеся никакой логике условия содержания заключенных. Безусловно, травмы психики (как и любые иные травмы) поддаются лечению, но, вместе с тем, ни одна из них не проходит бесследно, и большинство заключенных не восстанавливаются (даже после выхода на свободу) именно по причине застарелых психических травм, постепенно переросших в серьезные, трудно поддающиеся лечению заболевания.

В развитых странах существуют специально разработанные программы реабилитации для тех, кто побывал за решеткой, с тем, чтобы заключенные выходили на свободу здоровыми, полноценными гражданами, не представляющими опасности для окружающих. Однако это касается цивилизованных стран, а не Украины, в которой всё перевернуто вниз головой. В этой стране о твоём здоровье (как, впрочем, и обо всем остальном) никто, помимо тебя, думать не будет. Поэтому, если есть желание выжить, с первых минут заключения приходится внимательно следить за состоянием серого вещества внутри черепной коробки, тщательно отслеживая все реакции на события, в гуще которых ты волей судьбы оказался. Что бы ни произошло – мозг обязан работать четко и ясно. Это неременное условие для тех, кто не собирается долго засиживаться в местах “не столь отдаленных”.

Сердце.

Мотор барахлит у всех без исключения. Причины те же — условия содержания и стресс. И с тем, и с другим приходится бороться усилием воли, но, судя по обилию инфарктов среди заключенных, далеко не всем удается абстрагироваться от окружающей действительности, не застревая на неприятных воспоминаниях и тяжелых мыслях. Оно и понятно — уголовное дело всё время болтается дамкловым мечом над головой.

Первое, что необходимо сделать, так это снять нервное напряжение. Далеко не всегда удастся достичь желаемого результата с помощью медитации и интеллектуальных занятий. (К примеру, заставляешь себя усилием воли учить иностранный язык, а вместо импортных слов всякая гадость лезет в голову). Гораздо более эффективны физические упражнения, доводящие до изнеможения, что способствует отключению от внешнего мира и подавлению вредных для организма эмоций, а йоговские, так называемые “перевернутые”, позы помогают избавиться от депрессии.

Если же тебя таки прихватило — никакой паники, спокойно ложись на нару, расслабив кисти рук и глаза — это поможет достичь состояния покоя. Покой и только покой — твой единственный союзник в такой ситуации. По большому счету, ты и к этому должен всегда быть готов, подобно юному пионеру, а потому было бы неплохо, чтобы где-нибудь в застакане всегда лежал валидол и валерьянка.

К слову — ни при каких обстоятельствах не принимай лекарства, которые подсовывает добрый сокамерник, если они не в упаковке. Всякое случается в тюремной жизни. Мало ли что взбредет в голову кукловоду, дергающему за нитки послушных марионеток.

Простуда.

Самая что ни есть обычная простуда, на которую меньше всего обращают внимания на свободе, в тюрьме легко перерастает в затяжное воспаление легких, безжалостно выжигая людей изнутри. Причина чрезвычайно проста — люди истощены до предела, а условия содержания, кажется, специально созданы для того, чтобы всевозможные инфекции чувствовали себя вольготно и радовали своим присутствием блюстителей правопорядка.

Хочешь того или нет, а вспоминаешь Порфирия Иванова, выливая на себя тазик с ледяной водой по утрам. Всю жизнь терпеть не мог закаливания, а в тюрьме это оказалось чуть ли не единственным профилактическим средством от инфекционных заболеваний.

Туберкулез.

На туберкулез традиционно обращают больше всего внимания. О нем говорят часто и много. Все в курсе, что заболевший непрерывно кашляет и чихает, извергая наружу из глубин организма множество палочек Коха, передающихся от одного заключенного к другому воздушно-капельным путем.

Как это ни печально, но любые выделения больного туберкулезом могут служить источником заражения. Более того — больной может и не быть рядом с тобой в боксике или в камере. Вполне достаточно того, что он здесь был до тебя. Его мокрота высыхает, превращаясь в пыль, которая, оседая на различных предметах и поднимаясь в воздух, служит источником заражения, так как в ней сохраняются бактерии Коха. Как правило, чаще всего заражение происходит через легкие, когда вместе с вдыхаемым воздухом в организм попадают микробактерии.

Самыми главными условиями профилактики туберкулеза в тюремной камере являются: отсутствие сырости, чистота и соблюдение элементарных правил личной гигиены. Чем чаще ты будешь проветривать камеру (особенно во время стирки и сушки белья) и покидать её пределы (например, ежедневно выходя на прогулку), тем меньше вероятность заболевания. Пожалуй, это единственное, что ты, запертый в бетонном гробу, сможешь сделать.

Чесотка.

Не думаю, что тебя сильно обрадует, когда ты узнаешь, что в камере, рядом с тобой, поселилось хоть и тихое, но невероятно злобное создание, известное в быту как чесоточный клещ. Обычно заражение происходит при непосредственном контакте с больным или через принадлежащие ему вещи или предметы. Клещ с нескрываемым удовольствием перебирается с неодушевленных предметов на одушевленные, то есть на заключенных. Далее его путь в виде расчесов и извилистых, серовато-белого цвета ходов несложно рассмотреть на чем-нибудь теле.

Под кожей чесоточный клещ чувствует себя довольно-таки уверенно, спокойно размножается и живет полноценной жизнью, чего не скажешь о том, в ком он поселился. Жертва, в отличие от клеща, всё время чешется, принципиально не спит по ночам из-за резкого, изнуряющего зуда и носится по камере в поисках серной мази, которую втирает в себя несколько раз в день, пока чесоточный клещ не соизволит куда-нибудь деться. Мыться при этом не рекомендуется. Думаю, нет необходимости описывать, какая в камере стоит вонь, когда сокамерники воюют с клещом.

Сифилис.

При нынешнем уровне развития медицины сифилис лечится легко и просто, но тем не менее за решеткой полным-полно заключенных с застарелыми формами данной болезни. Одних лечили, но не долечили. Другим помешал арест, прервав курс лечения, а в тюрьме им уже было как-то не до него.

Как показала практика, подавляющее большинство жителей планеты Земля не особо отягощают себя мыслями о болезнях, действуя по принципу – не беспокоит в данный момент, ну так и слава Богу. В разное время и в разных камерах мне пришлось столкнуться с двумя пассажирами, не долечившимися на свободе. Оба, будучи никак не связаны между собой, твердили одно и то же – мол, всё это чепуха, от сифилиса сейчас никто не умирает, освободимся – вылечимся, если “само по себе не пройдет”, как выразился один из них. Я, честно говоря, позавидовал их оптимизму и вере в завтрашний день – одному светила десятка, а другому и того больше. При таком отношении к собственному здоровью лечение и вправду могло не пригодиться.

Теоретически вен. больных содержат отдельно от других заключенных. На практике арестованные зачастую сидят вперемишку друг с другом, многие из них вначале и не подозревают о том, что больны. Особенно это касается малолетних наркоманов, которые, презрев скучные советы Минздрава спокойненько кололись одним шприцом где-нибудь на чердаке многоэтажки, вдобавок отметившись хором на одной и той же подружке из соседнего подъезда (естественно, без презерватива). К тому времени, когда они заезжают на тюрьму, инкубационный период благополучно заканчивается и новоиспеченный арестант с нескрываемым удивлением рассматривает себя перед сном.

СПИД.

Ввиду однотипности изменений иммунной системы, болезнь получила название синдрома приобретенного иммунодефицита и официально зарегистрирована в 1981 году. Никто толком так и не понял, откуда взялся маленький и противный вирус, заставляющий иммунную систему не выполнять свои обычные функции. Неприятно, но факт – вирус СПИДа содержится во всех биологических жидкостях больного – семенной жидкости, слюне, слезах, поте, моче и так далее. Говорят, что вирус передается от больного к здоровому через кровь, после чего жизнь стремительно приближается к финишу.

В тюремных условиях риск заражения СПИДом чаще всего возникает при пользовании общим с кем-то лезвием для бритья, ножницами во время стрижки или во время нанесения татуировок. Много раз приходилось наблюдать одну и ту же картину – несколько заключенных подбривают друг другу затылок одной и той же бритвой или человек десять пускает по кругу чифир, и все пьют из одной кружки (что с точки зрения гигиены является форменным идиотизмом). Может быть, в отличие от бритья, СПИД к чифиру не имеет ни малейшего отношения, но множество других заразных заболеваний передаются через общую посуду быстро, легко и до обидного просто.

Теперь о грустном. Если так вышло, что тест на СПИД дал положительные результаты, вовсе не обязательно резать вены и биться головой о бетонную стену. Стоит ли впадать в уныние только из-за того, что болезнь принято считать неизлечимой? Не торопись расстраиваться, посмотри на вещи трезво и как бы со стороны.

Во-первых, упаднические настроения отягощают, а вовсе не облегчают течение любого заболевания, и СПИД здесь не является исключением.

Во-вторых, как бы ты ни старался, но все мы вышли из праха и в прах превратимся. Как показывает практика, люди боятся не смерти, а её приближения. Что поделаешь – придется научиться переступать через страх. Медицинский диагноз дает нам знание о реальных сроках земной жизни, что само по себе иногда тяжело. Особенно в условиях тюремного заключения, где не научились лечить от простейшего гриппа, не говоря уже о таком заболевании, каким является СПИД.

В-третьих, то, что ты заболел, вовсе не означает, что ты уже умер. В свое время полиомиелит и сифилис также были неизлечимы. Не исключено, что врачи вот-вот придумают какую-нибудь сыворотку, и твой самолет перед самой землей сумеет так выйти из штопора.

В-четвертых, посмотри на наших общих знакомых. Им-то уж точно никакие уколы не помогут, потому как не сегодня, так завтра их расстреляют, несмотря на то, что они совершенно здоровы и им искренне хочется жить.

Не знаю — убедил я тебя или нет, но медицинский диагноз — ещё не ленточка с надписью “финиш”. Всё в руках Бога, и только от Него, в конечном итоге, зависит, как сложатся звезды у нас над головой. Помнишь, как Посейдон сказал Одиссею во время скитаний:

— Человек без богов — ничто.

Подумай об этом, пока будешь теплые носки одевать. Сегодня по Цельсию минус двадцать четыре по радио передали. Не жарко. Слышишь шум в коридоре? Наверняка братву из соседней хаты на прогулку погнали, следовательно, скоро и за нами придут. Не тормози движение, ищи свою спортивную шапочку и подтягивайся к двери. Не мешало бы слегка размяться в тюремном дворике.

ФИЗИЧЕСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ И ТЮРЕМНАЯ КАМЕРА

*“ Я живу прошлым, но все мои мысли
устремлены в будущее...”
(из дневника)*

Кого только не забрасывала нелегкая за тюремные стены! Священники и короли, ученые и поэты... Всех не перечесать. Вряд ли кому-то удастся обнаружить такую профессию, представители которой не отпралялись бы время от времени передохнуть после трудов своих праведных за решетку. Что же касается политических деятелей, то о них и вовсе говорить не приходится — каждый уважающий себя политик после очередной, не в меру острой, правительственной дискуссии переживает непогоду на нарах. (Далеко не случайно огромная империя под названием Советский Союз, из-под крыла которого выпорхнула Украина, была основана и руководима бывшими заключенными). Не знаю — хорошо это или плохо, но в тюрьме ухитрились побывать чуть ли не все герои прошлого, о которых с упоением рассказывают школьные учителя на уроках истории. Именно в тюрьме, а не где-нибудь на пляже, Иоанну Крестителю отрубили голову, а Сократ принял чашу с цикутой.

После того, как мой старший сын гордо сказал: “Папа, даже Чипполино сидел!”, я несколько под иным углом зрения посмотрел на содержание детских сказок, на которых выросли мы и растут наши дети. Оказывается, и там положительные персонажи почему-то сидят, а всякие кикиморы болотные их охраняют.

Так что спи спокойно, собрат по несчастью, — ничего сверхъестественного не произошло — не мы первые изнываем от безделья за колючей проволокой, не мы последние. Глянь-ка — на воле, под райотделами и прокуратурой, из потенциальных кандидатов в зеки выстроились длиннющие очереди. Ты думаешь, почему амнистию придумали? Это в прессе дурашлепы что-то щебечут насчет гуманности государства. На самом-то деле причина кроется совершенно в другом: заключенных содержать негде — тюрьмы и лаге-

ря переполнены, а всех расстрелять не получается. Вот и выпускают время от времени разную мелочевку на волю.

Впрочем, нас с тобой амнистия должна меньше всего волновать — по нашим статьям досрочный выход на свободу явно не светит, хотя мне почему-то кажется, что мы выберемся отсюда значительно быстрее, чем все эти идиоты со своим “глубоким” и “чистосердечным” раскаянием.

Единственное, что меня серьезно смущает в данном пасьянсе, так это статистика. Как её ни крути, а вывод напрашивается один — тюремное заключение существенно сокращает срок человеческой жизни. Чем дольше человек сидит за решеткой — тем меньше он живет в целом. Сокамерники, как я посмотрю, об этом вопросе предпочитают не думать вообще. Их мысли редко пробираются дальше зала суда. Впрочем, это их личное дело. В отличие от окружающих, нам с тобой далеко не безразлично не только когда, но и в каком состоянии тела и духа мы выберемся из этой проклятой Богом дыры.

Чтобы ты лучше понял ход моих дальнейших мыслей, я приведу несложный пример. Представь на минутку, что кому-либо из нас предстоит длительная и тяжелая командировка. Что мы делаем в первую очередь? Правильно, приводим в порядок машину, на которой отпраляемся в путь, и тщательно следим за тем, чтобы она не поломалась в пути, потому как чинить её будет негде. К тому же, машина пригодится не только на период командировки, но и после возвращения в родные края.

Человеческий организм — та же машина, которая, выезжая из детства, должна, по идее, без поломок доехать до глубокой старости. Чем организм сильнее и совершеннее — тем выше его сопротивляемость и трудоспособность. Это во-первых.

Во-вторых, тело, которым мы обладаем в нынешней жизни, даровано свыше за совершенные нами поступки в предыдущих рождениях. С ранних лет мы обязаны не только заботиться о нем, но и всесторонне, тщательно его развивать. Даже если кому-то из нас будет суждено принести себя в жертву, богам угодно, чтобы мы жертвовали красивым телом, стремящимся к совершенству, а не дряхлым, запущенным организмом.

И с материалистической, и с религиозной точек зрения, человек обязан работать над собой. Любые разговоры, которые ведутся, как в тюрьме, так и на воле о том, что кто-то отчего-то “устал”,

что “нет времени” или “много работы” — не более чем болтовня, словесный щит для оправдания собственной беспомощности и Её Величества Лени. Так уж устроен человеческий организм — он либо развивается, либо деградирует в зависимости от того, чем именно человек занимается в тот или иной момент. Или — или. Третьего не дано. Ещё никому не удавалось достичь совершенства, бесцельно валяясь с утра до вечера под байковым одеялом.

Не думаю, что мусоров сильно обрадует твоя забота о собственном теле. Ни разу не видел, чтобы охрана с удовольствием наблюдала, как арестанты занимаются спортом и отрабатывают удары по самодельной боксерской груше, готовясь к предполагаемому побегу, а заодно снимая физическими упражнениями стресс и восстанавливая внутреннее равновесие после общения с дебилами в милицейских фуражках.

Не знаю как другим, но мне не приходилось задаваться вопросом: нужно тренироваться в тюрьме или нет? С самого начала, несмотря на скотские условия содержания, которые мне усиленно создавали доброжелатели в изоляторе временного содержания на Подоле, а затем в тюрьме я ежедневно уделял не менее трех часов для занятий спортом. Это был естественный и закономерный ответ тела на психологический прессинг во время так называемых “бесед” и официальных допросов. Кроме того, отработка ударов отбивала желание не в меру “умных” сокамерников вести себя неучтиво.

Конечно, не всегда и не всё было гладко. Довольно часто появлялось желание обреченно махнуть рукой и **ничего** не делать, подобно сокамерникам, лежащим на нарах с безрадостными физиономиями, устремленными в такое же безрадостное будущее. Однако **каждый раз, когда меня одолевала лень, я задавал себе единственный вопрос: “А вдруг завтра случится так, что от моей физической подготовки будет зависеть моя свобода, моя жизнь, мое будущее?”** — и поднимался с нар.

В первые дни приходилось действовать интуитивно — организм сам подсказывал, какие упражнения следует делать, а какие нет, чтобы сохранить здоровье. Затем тренировки стали более осмысленными, я стал составлять для себя планы занятий, как это делал в добрые старые времена, когда работал в институте физкультуры старшим преподавателем на кафедре борьбы.

Сказать, что тюремная камера не приспособлена для спортивных упражнений, — это всё равно, что не сказать ничего. В тюрь-

ме нет какого-либо подобия свободного пространства, не говоря уж о чистом воздухе и о возможности полноценно помыться после занятий. Заключенный лишен самых простых и необходимых вещей, которые настолько плотно вплетены в повседневную жизнь, что о них практически никогда не задумываешься на воле. Кстати, вынужденное голодание, когда не ешь по несколько дней, также не особо стимулирует занятия спортом. Не говоря уж о том, что ты сам себе не очень-то и принадлежишь — в любой момент тренировку могут прервать, потащив на допрос или перебросив в соседнюю камеру. Так что для лентяев существует бесчисленное множество отговорок, почему они не могут заниматься физическими упражнениями.

Вместе с тем все неудобства преодолимы, когда есть четкая цель. Иногда об окружающей обстановке просто полезно забыть на какое-то время. Любые преграды перестают существовать по мере вхождения в тренировку. Это чем-то напоминает погружение в море, когда оставляешь на берегу тяжелые мысли и весь тот хлам, который невольно накопился в душе.

Помню, я как-то лежал на деревянных досках после дежурной “беседы” с блюстителями правопорядка, умудрившимися окончательно испортить и без того отвратное настроение однообразной болтовней о моем предстоящем расстреле. Складывалось впечатление, что стражам правопорядка больше и рассказать-то мне нечего.

Что-либо делать был полный облом. Даже вешаться на металлических прутьях — и то не хотелось. Закинув за голову руки, я с любопытством наблюдал как группа из девяти клопов после непродолжительного совещания отправилась перекусить лежавшим поблизости специалистом по расчленению homo sapiens на мелкие части.

Беззубый Асланбек (по паспорту почему-то чистокровный украинец) нарезал тасы — два шага вправо, два — влево. Невзирая на неполные двадцать два отсиженных года, Аслан был полон оптимизма и веры в завтрашний день: “Не сегодня, так завтра прорвемся!”. До сих пор не пойму, из чего исходила такая уверенность. Очевидно, давал знать о себе богатый жизненный опыт “прорываться”. Лично я в тот момент явно не разделял точку зрения мелькавшего перед глазами соседа. Аслан это понял, и, проследив за моим взглядом, увидел, что клопы уже приступили к трапезе, уютно расположившись на сокамернике, растянувшимся напротив двери.

— Ты только посмотри, сколько их на твоём пузе собралось! — ухмыльнулся Асланбек.

Тот, кого, на мой взгляд, трапеза клопов касалась больше всего, равнодушно зевнул:

— Пусть подавятся, — затем добавил, переворачиваясь на другой бок. — Вы сегодня что — мазохизмом не занимаетесь?

В понятие “мазохизм” он вкладывал набивку тела, которую мы обычно делали по вечерам, и упражнения на укрепление пресса.

— Да вот братуха сегодня что-то на себя не похож. Скучный какой-то, — ответил, не переставая ухмыляться Аслан, постепенно выводя меня из равновесия своим самодовольным видом.

Я нехотя поднялся, уступая дорогу маленькому клопику, опоздавшему на ужин, и вначале медленно, а затем всё быстрее и быстрее стал отрабатывать короткие прямые удары, стряхивая с плеч паутину сонливости и безразличия.

Я бил сначала по воздуху, затем (обмотав кулак майкой) — по бетонной стене, думая о том, что на свободе занятия спортом — это прежде всего приятное времяпрепровождение (для взрослых) и средство для укрепления здоровья их плачущих чад, которых любящие родители запихивают в ближайший от дома спортзал. На выходные люди сбиваются в стаи и отправляются за город поиграть в волейбол или помахать теннисной ракеткой, прыгая по периметру корта в отутюженных шортах. (Те, кто поумнее, сидят в тени и подают им мячики за пятнадцать долларов в час.) Многие наматывают по утрам круги вокруг парка в надежде похудеть, вместо того, чтобы прекратить жрать пирожные и глотать пончики перед телевизором, коротая таким образом скучные зимние вечера. Что поделаешь — там, на воле, иное восприятие жизни.

В тюрьме спорт — прежде всего средство для выживания, а уже затем всё остальное. Когда ходишь по лезвию бритвы, как-то не до дискуссий о том, что лучше — плавание или горные лыжи. **Лучше может быть только то, что помогает выжить.** Это **единственный** критерий, других критериев нет. Каждый, кто думает по-другому, либо дурак, либо не собирается долго ходить по земле.

Все упражнения, которые приходится практиковать в тюремной камере, я бы условно разбил на следующие подгруппы:

Упражнения, предназначенные для защиты.

В тюрьме, как это ни печально, слишком много желающих проверить, на месте ли чужие почки или насколько прочны отдельные части тела. Например, ребро или ключица. Пышущий здоровьем арестант чрезвычайно плохо вписывается в тюремный быт и режет глаза как тюремному персоналу, так и сокамерникам с растопленным маргарином в том месте, где по плану Господа Бога должны быть мозги. Поэтому простейшая набивка тела в сочетании с дыхательными упражнениями не только полезна, а я бы сказал — незаменима. Спустя определенное время тело как бы приобретает дополнительный щит, учится принимать и гасить удары, превращая их в безобидное, чуть ли не дружеское похлопывание, словно во время лечебного массажа. С физиологической точки зрения данный цикл упражнений полезен ещё и тем, что он, усиливая кровообращение, способствует укреплению воли и развитию решительности в человеке.

Когда я в КПЗ начал тренироваться, заключенные в соседних камерах решили, что меня избивают надзиратели, и принялись бить всем, что попадалось под руку, по полу и обитым кованым металлом дверям. Казалось, что зверинец, ещё недавно погруженный в глубокий сон, внезапно преобразился в растревоженный муравейник. Оловянные солдатики, как угорелые, быстро-быстро затопали по тюремным коридорам, крича и успокаивая арестантов до тех пор, пока по “тюремному телефону” не передали, что у меня всё о’кей, и дальнейшие тренировки уже не привлекали к себе столь активного внимания, как со стороны арестантов, так и со стороны тюремного персонала.

В упражнениях по набивке тела (“железная рубашка”, как её принято называть на Востоке) есть один существенный недостаток, даже если они и доведены до высших степеней мастерства. Выше-названный комплекс упражнений всё же не в состоянии предохранить от ударов человеческую голову.

Мозг чрезвычайно болезненно реагирует на любые изменения в окружающем мире и совершенно не желает, чтобы его беспокоили понапрасну. Так что можешь смело писать фломастером на голове “Не кантовать” и будешь прав на все сто. К сожалению, те, которые размахивают перед носом деревянными битами, почему-то всегда норовят попасть именно в голову, отчего-то полагая, что чем активнее человека лупить по макушке, тем быстрее он начнет

думать и вести себя так, “как надо”. Не знаю, где и когда родилась такая точка зрения, но судя по тому, что приходится видеть — она достаточно широко распространена в человеческом обществе.

Предположим, сложилось так, что чей-то кулак или предмет летит тебе в голову. Вовсе не обязательно принимать удар на лобные кости в надежде, что рука бьющего поломается, а кирпич расколется на мелкие части. Вполне достаточно грамотно уйти с линии атаки. Тем более, что техника уклонов подробно освещена практически во всех видах борьбы, а освоить её не так уж и сложно. Самое главное — поймать чувство дистанции и не бояться получить удар, когда идешь на сближение с противником.

Несколько хуже обстоят дела, если тебя вначале вежливо заковали в наручники, а уже потом начали бить. Именно так чаще всего и поступают с задержанными, потому как особой смелостью блюстители правопорядка не отличаются, несмотря на то, что все мусора вооружены и бегают по коридорам непременно гурьбой. В данном случае остается только одно — принять то положение, при котором голова максимально защищена, так, чтобы дотянуться до нее было труднее, чем до любой другой части тела. Ты можешь пожертвовать чем угодно, но только не головой. Надеюсь, интуиция и жизненный опыт подскажут тебе, как достойно и, по возможности, без потерь выйти из сложившейся ситуации.

Техника на поражение.

Всё, что с нами происходило, происходит и будет происходить, как правило, уже имело место в человеческой истории. Не зря мудрые люди говорят: хочешь знать будущее — посмотри в прошлое. Из опыта предыдущих поколений логически вытекает то, что, конечно же, нужно уметь принимать удары и уклоняться от них, однако лучшей защитой во все времена было и остается нападение. Хорошо поставленный и внезапно нанесенный удар не раз спасал жизнь и открывал путь к свободе.

Тюремщики любят кичиться собственной бдительностью и с удовольствием говорят о предотвращенных ими побегах. Что же касается удачных побегов, то о них стыдливо умалчивают и стараются всячески скрыть наличие таковых. Обычно в таких случаях стражи порядка говорят: “Вам дали неверную информацию” или “Была попытка побега, но её вовремя пресекли и всех поймали.” Одним словом, не вздумайте даже думать о том, будто бы из наших тюрем можно сбежать!

Что ж — нельзя так нельзя. Однако, если бы существовала возможность присудить премию наподобие американского “Оскара”, я бы не раздумывая отдал первое место в номинации “Самый дерзкий побег” скромному, застенчивому трактористу из провинциального городка, попавшему в одну из украинских тюрем на закате двадцатого века. Парень ну никак не желал смириться с тем, что за недостачу солярки, хранившейся в закромах родного предприятия, ему хотят впаять хищение в особо крупных размерах. Прямо в кабинете, в следственной части тюрьмы, во время допроса, тракторист одним-единственным ударом отправил в глубокий нокаут следователя, снял с него одежду, переделся и, уверенно предъявив на контроле документы лежащего без сознания блюстителя правопорядка, вышел за ворота тюрьмы.

Говоря о побегах, я не могу не выразить восхищения перед авторами самого изящного побега девяностых при помощи арбалета из изолятора временного содержания. Представляю, как повтыгивались мусорские рожи, когда они ранним утром ввалились с обыском в хату и никого в ней не застали!

В Киеве ИВС (или КПЗ — камера предварительного заключения, как её ещё называют) находится на Подоле, у подножия холма, на склоне которого и расположился ангел-хранитель одного из арестантов. После меткого выстрела из арбалета стрела и привязанная к ней прочная капроновая нить застряли в решетке. По нитке в камеру передали веревку и необходимые инструменты. Арестанты перепилили металлические прутья, а затем перебрались по веревке на холм. Что любопытно — к вопросу об уровне сообразительности кое-кого из заключенных — некоторые из бежавших отправились покушать, переодеться и отоспаться к себе домой, по месту прописки (!). К утру за ними заехали стражи правопорядка и отвезли обратно, в вонючее КПЗ, предварительно пройдясь дубинками вдоль позвоночника.

К сожалению, далеко не у каждого есть ангел-хранитель, материализованный в облике земного существа. Да и для того, чтобы воплотить в реальность мечты о побеге, недостаточно обладать одной только физической подготовкой и хорошо поставленным ударом. Без крепкой нервной системы тут явно не обойтись. Не каждый способен спокойно переодеться в чужую одежду, зная, что кабинеты на следстенке не закрываются, и в комнату в любой момент могут войти оперативники, непрерывно шныряющие взад-вперед по тюремному коридору, или лезть по веревке, натя-

нутой над колючей проволокой, по которой пропущен электрический ток. Да что говорить – проходить контроль, переодевшись в чужую одежду, рискуя ежесекундно быть обнаруженным, психологически не так-то легко.

Тщательно подготовить побег достаточно сложно, но всегда нужно быть готовым к нему. На свободе, в отличие от тюрьмы, где ты связан по рукам и ногам, у тебя есть возможность доказать свою невиновность, помочь родным или, на худой конец, раствориться за границей любящей Родины, как облако над горизонтом. Всегда нужно верить, что побег или любая другая возможность выбраться из тюрьмы – реальность, а не пустые разговоры, витающие где-то под потолком. Свобода всегда выбирает тех, кто достоин её. Смогли ведь как-то двое заключенных выбраться из камеры смертников Днепропетровской тюрьмы!

К сожалению, в тюрьме чрезвычайно редко встречаются достойные уважения сообщники, не говоря уж об арбалете. Пожалуй, профессионально поставленный удар – это единственное оружие, на которое мы можем рассчитывать, находясь за тюремной решеткой. Он – залог нашего успеха, от него порой зависит, будем мы жить или нет. При этом противника вовсе не обязательно уничтожать. Вполне достаточно нанести удар так, чтобы парализовать его волю, внушить ему и окружающим первобытный, панический страх. При этом не следует забывать, что тебя могут специально спровоцировать на конфликт, и какой-то бронелобый наркоман только и ждет, что ты раскроишь ему челюсть, и тебя таки засадят на вполне конкретный и далеко не маленький срок.

Когда мы говорим об эффективности удара, то, в первую очередь, имеем в виду его скорость и точность нанесения, что само по себе требует элементарных знаний анатомии и физиологии человека. В конфликтных ситуациях люди обычно тратят намного больше усилий, чем того требует сложившаяся обстановка, как клоуны с пеной у рта размахивают руками, напрасно расходуя силы, и при этом не достигают желаемого результата. Между тем, в реальной схватке малейшая неточность недопустима. Особенно это касается конфликтов в тюремной камере, которые сами по себе специфичны по следующим причинам:

- в камере свободного пространства практически нет, поэтому короткие прямые и боковые удары наиболее эффективны;
- задача каждого арестанта состоит в том, чтобы как можно быстрее выйти на свободу, а не удлинять и без того нема-

ленький срок непредуманными поступками. В связи с этим в тюрьме стараются наносить удары таким образом, чтобы они не оставляли видимых следов. (К примеру, прямой удар в лоб и удары по волосистой части головы пользуются популярностью в тюремном быту).

Достаточно часто применяют короткий, прямой удар под сердце на два пальца ниже соска. Теоретически такой удар (при правильном его выполнении) способен привести к остановке сердца, но на практике мне с таким результатом сталкиваться не приходилось – то ли одни толком-то бить не умели, то ли другим по жизни везло... К слову, туда же, под сердце, норовят воткнуть остро заточенную спицу, используя её как убедительный аргумент во время спора.

- не думаю, что ситуация сложилась (или сложится) так, что необходимо будет идти до конца, добиваясь неопровержимого уничтожения соперника. Такое случается крайне редко. Как правило, конфликт исчерпывается легкой потасовкой, но в отличие от драк в бетонных городских джунглях, его участники не расползаются зализывать раны по уютным и теплым квартирам, а продолжают жить в одной и той же камере на расстоянии нескольких метров друг от друга. Поэтому самым главным является психологическое подавление противника с тем, чтобы в его тупой башке больше не рождалось желание выяснять с тобой, кто прав, а кто нет.

Конечно, чем меньше попадаешь в конфликтные ситуации – тем лучше и для тебя, и для окружающих. Жаль только, что далеко не все это понимают. Вместе с тем, и в древности, и в наши дни мастера единоборств неоднократно подчеркивали, что предотвращенная схватка – выигранная схватка. Кто знает: может быть, завтра случится так, что твое благополучие и сама жизнь будут зависеть от того, кого ты сейчас ненавидишь, или вам придется объединиться против общей опасности. Ведь не зря говорят: “Нет вечных врагов и нет вечных друзей. Есть вечные интересы”. Жизнь порой настолько непредсказуема, что никогда толком-то и не знаешь, чего собственно ждать за следующим поворотом судьбы.

В ходе ежедневных тренировок отработка ударов обычно подразделяется на:

- подготовительные упражнения и упражнения на укрепление бьющей части тела (например, отжимание на кулаках на скорость – не менее 5 подходов по 25-30 раз каждый);

- отработка траектории движений в сочетании с работой корпуса и бой с “тенью”;
- тренировка с партнером;
- отработка ударов по самодельной боксерской груше или по сокамернику, предварительно обмотав его двумя-тремя одеялами.

Круговую технику ног тяжело практиковать в замкнутом пространстве, но постановка прямых ударов ногами полезна как для развития координации, так и вообще для будущей жизни. Мало ли где ты окажешься завтра?

Очень важно обрабатывать удары (или один какой-то удар) ежедневно, не зависимо от того, проводишь ты полноценную тренировку или нет. Это должно быть столь же естественно, как умывание по утрам или прием пищи.

Реальная жизнь подсказывает, что с борцами легче всего разговаривать языком бокса, а с боксерами разбираться с помощью различных приемов борьбы. Человек, сталкиваясь с непривычной для него техникой, как правило, теряет, начинает нервничать и совершает массу ошибок. Вообще-то знание основ дзюдо и вольной борьбы – чрезвычайно полезная штука для тюремной жизни. Далеко не обязательно проламывать собеседнику голову, когда ты с ним не согласен. Можно тихо, мирно и как бы в шутку слегка придушить сокамерника, чтобы у него мотыльки поплыли перед глазами и всевозможная дурь выветрилась из головы. Ни конфликта, ни драки нет, а всем всё понятно. Ни у кого глупых вопросов не возникает.

Упражнения общеукрепляющего характера.

В основе любой техники лежат упражнения общеукрепляющего характера. К примеру, глупо обсуждать траекторию ударов ногами с тем, кто понятия не имеет о растяжке и задыхается через пять минут ходьбы по периметру тюремного двора.

Из всех упражнений самым простым и, вместе с тем, наиболее эффективным, безусловно, является бег. Здесь всё понятно – поднимаешься на нижние конечности и бежишь себе, пока хватит сил. Бегать можно везде – и в тюремном дворике, мотая круги против часовой стрелки, и в тесном “тройнике”, повторяя про се-

бя строчки из песен Высоцкого типа “...бег на месте общеукрепляющий...”.

Сам по себе бег – весьма монотонное и по-своему скучное занятие, если в него не вносить определенное разнообразие. Например, обычный бег трусцой чередовать с бегом с высоким подниманием колен, стараясь касаться коленями грудной клетки (при этом не наклоняясь вперед). К слову, неплохое подготовительное упражнение для отработки ударов коленом. Или чередовать обычный бег и бег с ударами пяток о ягодички (что способствует усилению потенции). Или бег спиной (помогает лучше ориентироваться во время схватки с несколькими противниками). Продолжать можно до бесконечности. Самое главное – это понимать, зачем ты делаешь то или иное упражнение и для чего оно служит. В противном случае, бездумное копирование телодвижений приводит к превращению людей в обыкновенных обезьян, подобных тем, каких мы имеем счастье лицезреть в павильоне.

Бег прекрасно сочетается не только со всевозможными физическими, но и с медитативными упражнениями. Вместе с тем не стоит забывать, что бег дает определенную нагрузку на сердечно-сосудистую систему. Вряд ли он принесет пользу тому, у кого температура под сорок. В этом случае бег необходимо на время оставить и сконцентрироваться на упражнениях на развитие гибкости.

Зима с 1997 на 1998 год выдалась на редкость холодной. Свыше десяти человек умерло в тюрьме “естественной смертью” – кто от гриппа, кто от простуды... (Точное число умерших указать тяжело, потому как тюремное начальство тщательно скрывает подобные факты). Сокамерники дрожали под одеялами, натянув на себя всё, что только можно было одеть, заклеив щели бумагой (в тюрьме в оконных проемах стоит одно и, как правило, треснутое стекло, а не два, как принято на воле) с помощью клейстера, изготовленного из тюремного хлеба. Мы выходили в тюремный двор вдвоем – я и Степаныч, перенесший в прошлом году инфаркт миокарда. Судя по внешнему виду, он вряд ли когда-либо раньше занимался спортом. Разве что с друзьями играл в футбол раз в году. Вместе с тем, в отличие от твердолобых малолеток, дядя Гриша понимал, что без сбалансированной физической нагрузки на организм глупо говорить о полноценной человеческой жизни.

Температура воздуха колебалась возле отметки минус двадцать восемь. Узкое замкнутое пространство бетонного гроба усиливало

сырость, пронизывающую тело острыми иглами. Мы молча бежали, доводя себя до изнеможения. Когда приходило время возвращаться в камеру, мы переступали её порог раздетые до пояса и напоследок опрокидывали на себя тазик с ледяной водой, мысленно вспоминая наставления Порфирия Иванова. Сокамерники, глядя на нас, ещё плотнее кутались в одеяла, а мы смотрели на эти жалкие комья гниющей человеческой плоти и были счастливы от того, что мы не такие, как они.

В предыдущих главах я уже упоминал о том, что представляет из себя тюремная “баня”. Что она есть, что её нет — от этого становится не намного легче, а для полноценного функционирования человеческого организма мыться желательно каждый день. Выход напрашивался сам собой — мыться под краном с холодной водой и не особо расстраиваться по этому поводу. Посмотрев на происходящее как бы со стороны, начинаешь понимать, что понятия “горячо” и “холодно” по своей сути абстрактны и существуют исключительно в нашем воображении. Поэтому для того, чтобы спокойно мыться под ледяной водой и получать от этого удовольствие, достаточно изменить восприятие окружающего мира, переключив сознание на другую волну. Это не так сложно, как может кому-то показаться вначале. Как и во всем остальном, всё зависит от уровня сознания и воли того или иного человека.

В тюрьме водными процедурами лучше заниматься по утрам, когда большинство сокамерников всё ещё спит и не путается под ногами. Как ни странно, но сокамерники особо не задумываются над тем, что чем чище человек и чем больше времени он уделяет личной гигиене, тем меньше у него шансов подцепить какую-то гадость. (Многие не моют после еды посуду, для них есть из грязных тарелок в порядке вещей). Водные процедуры, в целом, и обливание холодной водой, в частности, увеличивают защитные силы человеческого организма. Потому-то закаливание и называют закаливанием, а не как-то иначе.

За известный нам период человеческой истории люди изобрели невероятное множество всевозможных упражнений, направленных как на разрушение, так и на укрепление и развитие человеческого организма, поэтому подобрать упражнения и построить свой собственный комплекс применительно к себе и к тем условиям, в которых находишься, не представляет труда — было бы желание. Времени в тюрьме сколько угодно.

Выше уже говорилось о том, что за решеткой приходится сталкиваться с серьезной проблемой, связанной со зрением, которое достаточно быстро падает за время пребывания в бетонном мешке. Причин несколько. Основные — отсутствие естественного света и замкнутое пространство, в котором человек попросту отвлекает смотреть далее, чем на несколько метров. Не думаю, чтобы кому-то улыбалась перспектива ослепнуть.

Решение данной проблемы напрашивается само собой — освоить и регулярно практиковать йоговскую гимнастику для глаз в сочетании с общей тренировкой тела. Мне не раз приходилось наблюдать, как заключенные прижимаются к заваренному металлу окну, сквозь щели которого просачивается некоторое подобие свежего воздуха, и делают простейшие упражнения для укрепления глаз, пытаясь достичь гармонии между дыханием и траекторией движения глаз.

Каждому из тех, кто практиковал в тюрьме йоговские упражнения, поначалу было невероятно трудно было научиться концентрировать внимание, так как постоянно кто-то или что-то отвлекает. На свободе заниматься подобными упражнениями и медитацией значительно легче — всегда можно выбрать соответствующую обстановку (сесть в одиночестве на берегу реки или уехать в горы). В тюрьме такой возможности ни у кого, естественно, нет. Однако, с каждой последующей тренировкой приходит Его Величество Опыт, подсказывающий, как легче и быстрее обрести те состояния тела и духа, которые необходимы на текущий момент.

Среди бесчисленных йоговских упражнений из раздела хатха йоги в тюрьме особое значение имеют упражнения, направленные на улучшение работы кишечника — такие, как втягивание живота, наули и т. п. Как бы там ни было, а хорошая работа желудка невольно радует не только его владельца, но и всех, без исключения, сокамерников, ведь максимальное расстояние от так называемого “места общего пользования” до самой дальней точки в камере, как правило, не превышает нескольких метров. Если у кого-то из арестантов возникают проблемы с желудком, то это неминуемо осложняет и без того малоприятный тюремный быт. Впрочем, данный вопрос больше относится к культуре питания и теме следующей главы.

ТЮРЕМНАЯ КУЛИНАРИЯ

*“ Нету сала, колбасы -
Выпадаем на тасы”
(местный фольклор)*

Как-то после обеда сокамерник, возвращаясь с допроса, при-ташил в камеру свежий номер газеты “Всеукраинские ведомости”. В ней заместитель начальника Лукьяновской тюрьмы, некий Ванечка, отвечая на вопросы журналистов по поводу скотских условий содержания заключенных, был четок и по-военному краток: “Это всё бред и чушь... а пищу у нас проверяет санэпидемстанция”.

Эх, поймать бы этого гада да покормить с недельку тем, что “проверяет санэпидемстанция”, после чего ещё разок отправить давать интервью! Думаю, что тогда он запел бы совсем по-другому...

То, чем кормят заключенных, годится для чего угодно, но только не для желудка. Скотина скорее подохнет, чем станет жрать подобное пойло, замешанное на комбижире. Когда тюремная пища застывает, она каменеет настолько, что ею без труда можно забивать гвозди. Если, конечно, перед этим удастся отковырять баланду от тюремной тарелки.

Заключенные, регулярно заталкивающие в себя тюремное пойло, не ошибутся, если навсегда распрощаются с мыслью жить долго. При таком, с позволения сказать, “питании” печень и прочие внутренние органы за короткий промежуток времени выходят из строя и что хуже всего — без какой-либо надежды на восстановление. Новость, скажу прямо, не из приятных.

Не обязательно быть пророком, чтобы понять, что происходит внутри человеческого организма, когда в него загружают подобное дерьмо, поэтому дилемма “есть — не есть” существует постоянно. “Есть” — значит добровольно обречь себя на медленное, но верное самоуничтожение. “Не есть” — тоже, как будто бы, ни к чему хорошему не приводит. Нельзя ведь на несколько лет полностью отказаться от еды.

Прием пищи в тюремных условиях чем-то смахивает на мрачный языческий ритуал. Особенно ярко это видно после раздачи похлебки. Получив положенную ему пайку, арестант идет к параше и аккуратно сливает с тарелки всю жидкость, затем тщательно промывает оставшееся водой из-под крана. Затем снова сливает и снова промывает. Так продолжается до тех пор, пока из “блюда” не вымывается весь комбижир, который можно удалить. У некоторых, наиболее настойчивых пассажиров, на вымывание уходит около часа, после чего арестант с любопытством рассматривает содержимое тарелки, пытаясь ответить на вопрос: “Что там осталось, и что из всего этого можно есть?”. За этим начинается второй этап знакомства с обедом. Из тарелки изымаются гнилые и прочие подозрительные кусочки пищи. Учитывая тот факт, что тюремная пайка не такая уж и большая, нетрудно догадаться, что остается в миске после всех этих манипуляций. Теперь можно перейти к третьему, заключительному третьему этапу приготовления пищи. Необходимо сделать *это* съедобным. Одни заливают содержимое горячей водой, другие тщательно его перемешивают, добавляя в тюремную пайку продукты, переданные с воли. В этой части всё зависит от фантазии и кулинарных способностей каждого конкретного арестанта.

Так как я регулярно получал продуктовые передачи, то когда заканчивались продукты, мог позволить себе поголодать несколько дней. Навыки йоговского голодания, которое я время от времени практиковал на свободе, пригодились в тюремных условиях. Правда, на воле продолжительность голодовки редко превышала пять — шесть дней (не считая дней, потраченных на подготовку к ней и выход из голодовки). В тюрьме максимальное время, когда я не принимал пищу, пил только воду и ничего более, составило восемнадцать дней. При этом я чувствовал себя вполне сносно.

В некотором смысле голодать в тюрьме значительно легче, чем на свободе. Там, на воле, слишком уж много соблазнов. Помню, стоило мне только начать голодовку, как меня тут же приглашали то на чей-то день рождения, то на шашлыки, то ещё на Бог знает что, как правило, плавно переходящее в обжираловку по полной программе. В тюрьме таких соблазнов нет, и голодовки психологически переносятся значительно легче.

Несмотря на то, что голодовки в заключении часто приходилось начинать явно не по собственной инициативе, я всегда рассматривал их исключительно с лечебной точки зрения, пытаюсь

использовать голодовки как средство для очищения организма и ни разу не превращал их в некий политический акт протеста против скотских условий содержания заключенных, потому что прекрасно понимал — голодовкой в этой стране никого не удивишь и ничего не добьешься.

Как только заключенный начинал качать права и объявлял о своем решении начать голодовку, его вызывали на “беседу”, во время которой арестанту популярно разъясняли, что подобная выходка является грубейшим нарушением тюремного режима. Для того, чтобы объект лучше усвоил, что ему говорят, аргументы тюремщиков подкреплялись незатейливыми ударами резиновой дубинкой. Если же арестант продолжал упорствовать, его возвращали обратно в камеру, а у сокамерников отбирали продукты и лишали пищи, несмотря на то, что как раз они-то голодать явно не собирались. Подождав несколько дней, пока сокамерники попытаются уговорить упряма “прекратить ломать комедию” и вправят ему мозги подручными средствами (например, медным тазиком по голове), заключенного переводили в так называемую камеру для голодающих с такими условиями содержания, что предыдущая камера вспоминалась не иначе как Рай.

Возможностей умереть в тюрьме сколько угодно, но только не во время запланированной голодовки протеста. Руководству тюрьмы совершенно не нужна дополнительная головная боль на пустом месте. Когда состояние арестанта приближается к критическому, и он, по мнению тюремного персонала, имеет шанс реально перебраться поближе к Богу, на заключенного надевают наручники и насильно, через резиновый шланг, закачивают в глотку вонючее тюремное пойло. Смеем заметить, что это не самая приятная процедура, сопровождаемая веселым подбадриванием “кормильцев” и лаем собак. После чего тюремщики, облегченно вздохнув, рапортуют начальству о благополучном завершении голодовки, о том, что упрямец “побаловался и угомонился”, заняв положенное ему место в тюремном строю. Что касается возмутителя спокойствия, то его, с дикими судорогами в животе, отправляют на перевоспитание в камеру человек на сорок, чтобы был под контролем и не учудил чего-нибудь лишнего.

Ну как — тебе нравится подобная перспектива? Совсем другое дело, когда голодаешь молча и не кричишь об этом на каждом углу. В этом случае никто не помешает тебе сделать с собой то, что ты считаешь нужным. Логика тюремщиков непробиваема. Раз

арестант не ест — значит, не хочет, нет аппетита. Проголодается — будет жевать тюремную пайку как миленкий. Если он при этом отдаст Богу душу — значит, судьба.

Особая гордость тюремного руководства называется “хлебопекарня”. О том, что в недрах Лукьяновской тюрьмы пекут свой собственный хлеб, рапортуют на каждом шагу и при каждом удобном случае вне зависимости от того, надо оно или не надо. Все проверяющие ведут себя одинаково — глубокомысленно вращают глазами по часовой стрелке, угукают и, как попугаи, послушно кивают головами с напыщенным видом.

После того, как я впервые попробовал тюремный хлеб, у меня появилась идея фикс — передать буханку такого хлеба на экспертизу и узнать, из чего он в конце концов состоит. Как долго, в какой пропорции и с чем нужно мешать муку, чтобы появилось подобное чудо кулинарного искусства. Одно время я его пытался есть, затем перестал, и вовсе не потому, что мне надоело мучное. Согласитесь, не очень приятно наблюдать, как сокамерники, с аппетитом поевшие тюремный хлеб, время от времени выковыривают из зубов осколки стекла вперемешку с кусочками мусора.

Откуда в тюрьме взялась хлебопекарня и где конкретно она находится, никто из заключенных толком-то и не знал. Ходили упорные слухи о том, что её хозяин сидит где-то неподалеку от нас в благоустроенной одиночной камере со стенами, обитыми деревянной вагонкой, и за то, чтобы ему сиделось относительно комфортно, хлебопекарня поставляет на Лукьяновку хлеб. Не знаю — соответствовало ли подобное утверждение действительности или нет, но оно, по крайней мере, кое-что объясняло. Например, то, почему данный продукт продолжает регулярно поступать в тюрьму, несмотря на то, что мистер Икс, финансирующий производство тюремного хлеба, стремится максимально снизить его себестоимость. Складывалось устойчивое мнение, что этот некто с превеликим удовольствием прекратил бы выпекать вышеназванную продукцию. Если бы, конечно же, мог...

Впрочем, без хлеба жить еще можно, чего вовсе не скажешь о воде. Без нее человеческий организм чувствует себя как-то не совсем уютно. Когда я попросил адвокатов принести мне бутылку самой что ни на есть обычной воды, они совершенно ничего не поняли, и мне долго пришлось втолковывать в их умные головы, зачем мне понадобилась эта бесцветная прозрачная жидкость.

— У вас что — в камере нет воды?

— Есть.

— ?

Чтобы понять суть моей просьбы, необходимо хоть немного пожить в тех камерах, по которым мне суждено было скитаться. Бесспорно, Лукьяновская тюрьма выгодно отличается от подольского КПЗ тем, что заключенные имеют возможность в любое время суток пользоваться краном с холодной (и только холодной) водой, находящимся неподалеку от двери **внутри**, а не снаружи тюремной камеры. На КПЗ такой возможности не было. Там труба с водой торчала внутри камеры, но сам кран находился в коридоре. Поэтому каждый раз, когда возникала потребность в воде, приходилось звать надзирателя и просить, чтобы он включил воду. Включать же её или нет, зависело исключительно от хорошего настроения надзирателя.

Вместе с тем, и на КПЗ, и на Лукьяновке у воды есть нечто общее — это техническая вода, по большому счету совершенно не пригодная для питья. После перевода из КПЗ в Лукьяновскую тюрьму появилась возможность кипятить воду при помощи кипятильника. Однако сколько её не кипяти — неприятный привкус остается всегда. Вода течет из-под крана, окрашенная в бледный мутно-ржавый цвет и какая-то жирная что ли, скорее всего из-за примеси технических масел. Можно только догадываться, по каким трубам и где она протекала, прежде чем попасть в камеры к заключенным.

На свободе, в вихре земной суеты, как-то не принято вспоминать о том, что человеческая жизнь протекает над бездной. О том, что ничтожно короткий промежуток времени, отмерянный нам, является в действительности балансированием на лезвии бритвы. Одно неосторожное движение — и ты сходишь со сцены. О том, что абсолютно всё, с чем приходится сталкиваться сегодня — закономерный результат совершенного нами вчера, потому как законы причинно-следственной связи едины во всех мирах — будь то реинкарнация или самый что ни на есть банальный прием пищи во время обеда.

То, что приходится есть, никогда не бывает нейтральным. Еда либо яд, либо лекарство. Понятия “вкусно” и “невкусно” придумали повара, изобретающие на кухне всё новые и новые блюда, соревнуясь друг с другом, как более искусно травануть ближнего своего. Указанные понятия отражают исключительно субъективное отношение рецепторов человеческого организма к принимае-

мой ими пище, а вовсе не раскрывают её реальную суть. На самом деле существует только понятие целесообразности в выборе продуктов питания и полезности их для каждого конкретного организма, потому как от того, **что человек ест, как ест, в какое время и в каких пропорциях**, зависит — удлинит ли он срок своей жизни или, наоборот, сокращает.

Подумать только — сколько всего понавыдумывали грамотные homo sapiens, изошряясь в способах уничтожения собственного организма! Об алкоголе, курении и наркоте говорить не приходится — это очевидно. Казалось бы, нет всего этого добра за решеткой в таком изобилии, как на свободе. Так угомонись, подумай о своем здоровье. Однако, не тут-то было! В камере, где и так никогда не бывает свежего воздуха, сокамерники умудряются пропустить сквозь легкие невероятное количество, как правило, самого дешевого никотина, невольно заставляя некурящих арестантов заглатывать это дерьмо вперемешку с жалкими остатками кислорода. Наиболее удачливые экземпляры набивают косяк или (что случается значительно реже) забиваются в угол, разливая по тромбонам купленную у тюремщиков водку.

Самым популярным арестантским напитком традиционно считается чифир. Пьют его довольно часто и во всех камерах. Несмотря на кажущуюся простоту приготовления (завариваешь большую пачку чая в пол-литровой емкости, даешь настояться, пока жидкость не загустеет, словно кисель, и — вперед), существует немало различных рецептов его приготовления. Конечный результат, правда, примерно один — сердце раненой птицей бьется в груди, а глаза ненавязчиво выпрыгивают из орбит. Мозги мутнеют, и удовлетворенный арестант громко чавкает ртом. Отдельные пассажиры для усиления эффекта предварительно заглатывают пятнадцать-двадцать таблеток димедрола (или валидола, в зависимости от того, какие именно таблетки удастся насобирать, выпрашивая их по одной во время ежедневного обхода лепилы) и счастливы от этого невероятно. Представляю, что они глотали, разгуливая на свободе.

К слову, чифир — не просто напиток. Его как-то не принято пить в одиночку. Церемония распития чифира — это коллективная процедура, внешне чем-то смахивающая на древний обряд краснокожих апачей. Подобно выходцам из диких прерий, пускающих по кругу трубку мира, арестанты неторопливо пускают по кругу тромбон с чифиром, активно перетирая косточки братьев по разуму.

Попутно обсуждаются различные стороны тюремного бытия. Не удивительно, если после очередного чифиропития кто-то окажется на параше, а кто-то переедет на соседние, более престижные и удобные нары. Надо ведь чем-то разнообразить скучную тюремную жизнь, а так — за шутками-прибаутками — время летит веселей (что тоже немаловажно для мест “не столь отдаленных”).

Как ни крути, а тесный мир тюремной камеры в точности повторяет просторный мир всего человеческого общества. Что поделаешь — законы человеческой стаи везде одинаковы, разве что здесь они проявляются более остро. Один пытается править, другой безропотно моет горы грязной посуды, радуясь окурку импортной сигареты, третий дает советы. Где-то я уже нечто подобное видел...

Предположим, заключенные редко покидают пределы тюремной камеры, в которую заточены — ну так и что? Вам там, на свободе, тоже не всегда удастся преодолеть земное тяготение и покинуть пределы планеты Земля. Так что не сильно нос задирайте. К тому же у нас есть вполне реальный шанс вскоре поменяться местами.

Вне зависимости от того, где находится человек — в космосе или под водой, за решеткой или в комфортабельном отеле на берегу океана, — его тело состоит из того, что он ест. Другими словами, если люди едят дерьмо, то из дерьма они и будут состоять. Правда, проявляется это не сразу, а спустя какое-то время. Обычно, **полное** изменение человеческого организма происходит в течение семи лет.

Каждое мгновение что-то меняется в нас, и этот процесс изменений не прекращается ни на миг. Начавшись задолго до нашего рождения, он не прервется даже после физической смерти, ведь человек не существует сам по себе, а является неотъемлемой частью Вселенной, которая может изменить материальную форму, но погибнуть — никогда. Посмотри на себя внимательно. Разве ты тот, кем был раньше? Тебе больно осознать и признаться самому себе в том, что того, другого, давным-давно не существует, и то тело, которым ты обладаешь сегодня, имеет не так уж много общего с тем телом, которое принадлежало тебе лет десять назад? Ты можешь, как страус, зарыть голову в песок и жить какое-то время, не задумываясь об определенных вещах. Затем задуматься всё же придется, и ты обнаружишь, что всё то, из чего состоял твой организм семь лет назад, теперь превратилось в тра-

ву, в тело животного, в землю или обрывки бумаги, гонимые ветром по пустынной улице. Ты же впитал в себя то, что на протяжении последних семи лет тебя окружало.

Невозможно остановить изменения в собственном организме, но влиять на этот процесс, направляя его в нужное русло, конечно же, можно. В первую очередь, с помощью физических упражнений и жесткого контроля над принимаемой пищей, которая всегда должна соответствовать поставленным целям.

В некотором отношении нам повезло. Мы относимся к тем заключенным, о которых ещё не забыли на воле и которые один раз в две недели получают продуктовые передачи весом в восемь килограммов. Почему именно восемь, а не семь или девять, вряд ли кто-либо в состоянии объяснить. Здесь (как и во многих других тюремных вопросах) логика отсутствует напрочь. В этом убеждается каждый, кто читает в тюремном предбаннике, что можно передавать заключенным, а что нельзя. Впрочем, невзирая на козни твердолобых тюремщиков, у нас есть возможность участвовать в формировании этих самых восьми килограммов чудом сохранившихся в категории “можно”. По крайней мере, мои родные регулярно, через адвокатов, интересовались у меня: “Что передать?”. Правда, то, что всякий раз приходило в голову в качестве ответа на поставленный вопрос, мне так и не принесли. Я имею в виду достаточное количество динамита, чтобы поднять на воздух данный архитектурный памятник...

В каждой тюрьме свои приколы. Например, в Днепропетровске консервы не входят в пищевую передачу, и их можно передавать заключенному сколько душа пожелает. Но это в Днепропетровске. В Киеве твоих родных не поймут, если им придет в голову принести консервы в тюрьму. Из-за ворот прокукарекают: “Не положено,” — и захлопнут перед носом тюремную форточку.

Вряд ли возможно составить идеальные рекомендации, какими должны быть тюремные передачи, по причине того, что запреты и порядки в разных тюрьмах не только разительно отличаются друг от друга, но и в пределах одной тюрьмы имеют свойство меняться, подстраиваясь под настроение местных царьков. Те же, в свою очередь, чудят как хотят, зная, что никто их не контролирует и контролировать не собирается. Вместе с тем, поделиться некоторыми соображениями с теми, кто пока ещё на свободе, думаю, стоит, потому как далеко не все имеют за плечами тюремный опыт, и далеко не у всех есть знакомые, способные вовремя дать квалифицированный и полезный совет.

Итак, оттолкнемся от того “места не столь отдаленного”, в котором мы очутились. В Лукьяновской тюрьме раз в две недели, как мы уже говорили, разрешена продуктовая передача весом в восемь килограммов и вещевая, теоретически не ограниченная по весу. Подчеркиваю – теоретически. На практике всё выглядит несколько по-другому. Что принимать, а что нет, и сколько оно должно весить, будет решать тюремщик, стоящий по ту сторону тюремной форточки, исходя из своего “глубокого внутреннего убеждения”.

Когда вы покупаете для заключенных продукты и вещи, пожалуйста, делайте это осмысленно, а не по принципу – лишь бы купить и отмахнуться. То, что на воле кажется абсолютно незначимым, может быть важным в тюремной камере, как, впрочем, и наоборот. Представьте себе хотя бы на миг, что это вы сидите за решеткой и на то, что вы купите, вам предстоит прожить ближайшие две недели до следующей передачи. Тем более, что растянуть восемь килограмм на четырнадцать дней удастся далеко не всегда. Чаще всего переданных продуктов хватает на первые восемь – десять дней, затем приходится садиться на вынужденную диету. Хорошо, если все сокамерники регулярно получают передачи, а если нет? Ты ведь не станешь есть в одиночку (особенно, в маленькой камере) в то время, когда друзья по несчастью с завистью будут смотреть на тебя голодными глазами. Я понимаю – ты никому ничем не обязан и никто не сможет заставить тебя отдать кому-либо то, что принадлежит только тебе. Однако ты наверняка поделишься с другими тем, что у тебя есть. Хотя бы из элементарной жалости к неимущим. Из человечности. Из неписаных законов тюремного братства, несмотря на то, что это уменьшит твой и без того скудный запас продуктов.

...Из числа выручающих в экстремальных ситуациях продуктов я бы, в первую очередь, назвал сухофрукты. Такие, как курага, изюм или чернослив, к примеру... Они не требуют какой-либо специальной обработки перед употреблением в пищу. Их удобно хранить, из них арестант может сварить компот, если, конечно, у него есть кипяtilьник и возможность вскипятить воду. Используя сухофрукты, можно приготовить различные целебные смеси на основе меда и лимонника, которые, если повезет, тюремщики иногда пропускают. Недостаток сухофруктов только в том, что они дорого стоят и не каждый может позволить себе их купить.

Обычно в передачу вкладывают сыр, орехи, одну или две упаковки масла, сухари, если позволяет вес – свежие овощи или

фрукты. Многие арестанты заказывают родственникам сало и сухую колбасу, однако это уже вопрос личных пристрастий и привычек, принесенных в тюрьму со свободы. Одни люди любят одно, другие – другое.

Что касается меня, то вот уже несколько лет я не ем мясо и жалею, что не отказался от него раньше. И с физиологической, и с религиозной точек зрения употребление в пищу убитых животных ни к чему хорошему не приводит. Мой собственный опыт, как и опыт других людей, изучавших этот вопрос, окончательно убедили меня в правильности взглядов тех, кто рассматривает мясоедение как вредную генетическую привычку, приводящую к ускоренному изнашиванию и старению организма.

О свинине и вовсе разговор особый. Советую подумать как-нибудь на досуге, отчего практически все религии мира категорически запрещали своим последователям употреблять в пищу свинину. Тем более, что в тюрьме у нас свободного времени валом.

Ты только не подумай, что я собираюсь кого-то в чем-либо переубеждать. Не вижу ни малейшего смысла в том, чтобы вступать в спор и доказывать собственную точку зрения. Кому? Ради чего? Можно во всю глотку кричать о том, что вредно, а что нет, но до тех пор, пока человек сам этого не поймет, не почувствует внутренней потребности перестроить свой собственный организм, убеждать его – напрасная трата сил, энергии, времени.

Невозможно заставить кого-либо стать вегетарианцем насильно. Это, по меньшей мере, глупо. Вегетарианство – часть образа жизни, проявление в материальной жизни особого взгляда на мир. Если рядом с тобой в камере оказался человек, смотрящий на Вселенную по-иному, чем ты, поверь – не стоит лезть к нему в душу с расспросами, этим ты только оттолкнешь его от себя. Не навязывай ему те продукты, которые он, в силу определенных причин, не употребляет. Грубое, навязчивое поведение может быть расценено не иначе, как оскорбление. Если сосед по камере посчитает нужным – он поделится с тобой своими мыслями, если нет – это его право. В бытовых ситуациях многие люди, почувствовав дискомфорт, замыкаются в себе, отгораживаясь от назойливых и зачастую примитивных вопросов окружающих ничего не значащими фразами, переводя разговор на другую тему.

То, что я вегетарианец, всегда радовало моих сокамерников – им не было нужды делиться со мной салом и колбасой, но из вежливости предлагали всегда. “Поешь, хватит понты колотить. Вый-

дешь на свободу — будешь отказываться, а здесь условия особого рода,” — убеждали меня сокамерники, зная, что в любом случае я откажусь, несмотря на то, что (особенно в первое время) было достаточно тяжело. В тюремных условиях я ещё более сузил и без того узкий круг принимаемых в пищу продуктов. Затем мой организм освоился, и я рад, что в первые месяцы заключения выдержал это, пусть и небольшое, но испытание.

В продуктовые передачи принято вкладывать растворимый кофе в пакетиках и обязательно чай. Одним больше нравится, когда передают чай россыпью в сто- или двухсотграммовых пачках — удобно заваривать крепкий чай и варить чифир. Другие предпочитают более цивилизованный вариант, когда различные сорта чая расфасованы в одноразовые пакетики. Одного такого пакетика вполне хватает на две кружки чая, а остывшие фруктовые чаи с удовольствием можно пить как напиток. Собственно говоря, нечто подобное и продается в супермаркетах по ту сторону колючей проволоки.

В передачи часто вкладывают дешёвую вермишель быстрого приготовления, судя по этикеткам, малопонятного вьетнамско-украинского происхождения. Готовить её легко и удобно — залил горячей водой, подождал, пока вермишель набухнет, вобрав в себя воду, и жуи себе потихонечку, ворочай челюстями. Тем более, что есть её действительно можно. Особенно в тех случаях, когда ничего лучшего поблизости нет. Правда, после того, как регулярно поешь её какое-то время, начинаешь понимать, какая это, в сущности, гадость.

Вне зависимости от того, курит арестант или нет, ему передают блок или два дешёвых сигарет, по возможности, с фильтром. В тюрьме сигареты выполняют роль денег. За несколько сигарет с тюремщиком можно договориться погулять в тюремном двореке размером на пару метров больше положенного и несколько дольше обычного. За сигареты можно договориться с сокамерником, чтобы он постирал твои грязные вещи, заплатить ему за какую-то вещь или услугу. Сигаретами можно поделиться с приятелями, но раздавать их налево-направо не принято — тебя не поймут.

Вышесказанное вовсе не означает, что в камере нет денег. У многих на крайний случай всегда припрятана, как минимум, двадцатка долларов, однако никто, включая наиболее тупых пассажиров с явными признаками болезни Дауна на лице, не станут афишировать это. Если во время обыска найдут деньги, появятся, пря-

мо скажем, реальный шанс остаться без почек и провести ближайшие дни в местном карцере. Наличие у заключенных денег, часов, ножниц, одеколona и много чего ещё рассматривается за решеткой как грубейшее нарушение тюремного режима, а любое нарушение влечет за собой наказание. Там, на свободе, среднестатистические граждане планеты Земля вряд ли могут себе представить, что за такие привычные в быту мелочи могут, не задумываясь, покалечить, дабы другим не повадно было.

За решеткой особый мир. В тюремных камерах нет ни плиты, ни микроволновки, ни много ещё чего из того, что мы привыкли видеть дома на кухне. Время от времени заключенные пытаются соорудить некоторое подобие плиты в виде изогнутой спирали, сделанной из разобранного кипятильника. На какое-то время сидеть тюремной фантазии облегчает процесс приготовления пищи до тех пор, пока добровольно не перегорает или принудительно не изымается во время обыска, потому как из электроприборов тюремное начальство нормально воспринимает только кипятильник — вещь незаменимую в тюремном быту. При помощи кипятильника варят всевозможные супы и каши в тюремной шлёмке или тромбоне.

Процедура приготовления горячей пищи не отличается особой сложностью — в вышеназванную тюремную посуду заливается вода, засыпается что кому надо, туда же вставляется кипятильник — и содержимое, предварительно доведенное до кипения, варится нужное время. Процесс несложный и, в некотором смысле, коллективный, учитывая тот факт, что в камере розетка одна, а кушать или чайку попить хочется всем. Вот и торчит из розетки бесчисленное количество оголенных проводов. Арестанты толпятся вокруг них круглые сутки, наступая друг другу на ноги и периодически подпрыгивая от ударов тока. Тюремщики всё видят, всё понимают и по-прежнему упрямо запрещают передавать заключенным с воли тройники и удлинители. Арестанты, в свою очередь, упрямо проносят в камеры эти самые тройники и удлинители, добытые нелегальным путем в обход тюремных запретов.

По складу характера тюремщики — весьма любознательные существа. Их хлебом не корми — дай порыться в вонючих тюремных шмотках. Во время бесчисленных обысков (иногда по несколько раз на день) надзиратели проявляют недюжинную изобретательность, стремясь найти и отобрать у заключенных понравившиеся им предметы. Арестанты напрягают фантазию, как бы

всё лучше да спрятать (такое впечатление, словно из заключенных готовят профессиональных разведчиков для заброски на вражескую территорию). Вот так, в страстях и хлопотах, и протекает тюремная жизнь — одни ищут, другие прячут. Одним словом, все при деле.

Ещё один тюремный прикол можно озаглавить словом “товарка”. Заключенному периодически приносят в камеру список вещей и продуктов, среди которых он выбирает то, что хотел бы приобрести. Список сам по себе скучный, без какого-либо намека на разнообразие и оригинальность. Дабы читающий его не сильно раскатывал губы, в правилах Лукьяновской тюрьмы черным по белому сказано: заключенный, имеющий на тюремном счету деньги, имеет право потратить не более пятнадцати гривен в месяц, что на сегодняшний день составляет (в зависимости от колебаний курса) примерно то ли три, то ли четыре американских доллара. Кто установил это идиотское ограничение и для чего — как обычно, никому неизвестно, но тюремщики тщательно его соблюдают.

Вместе с тем, от отмены вышеназванного ограничения выиграла бы и заключенные, и тюремщики, как минимум, по следующим причинам:

- заключенные получили бы возможность питаться значительно лучше, в результате чего они были бы менее озлоблены. Сытый человек менее агрессивен, нежели голодный, а значит, уменьшилось бы количество тюремных конфликтов;
- как я посмотрю, среди заключенных немало обеспеченных людей, которые с удовольствием полностью отказались бы от тюремной баланды. Впрочем, выходцы из малообеспеченных слоев общества также тратили бы не пятнадцать гривен ежемесячно, а, как минимум, в раз пять больше. Следовательно, тюрьма сэкономила бы деньги за счет уменьшения затрат на приготовление тюремного пойла и неплохо заработала бы на объемах продаж как продуктов питания, так и полезных за решеткой вещей.

Однако это всё лирика. Мечты, мечты... Никому нет дела до того, как улучшить арестантскую жизнь, пусть даже и за счет самих арестантов. Тюремщикам глубоко наплевать на увеличение каких-то там объемов продаж, на какую-то прибыль... Они и так неплохо зарабатывают. Чем больше дефицита в тюрьме и чем больше у заключенных проблем — тем больше денег крутится в теневом обороте.

Что-то мы заболтались. Самое время сварить рис в тюремном трюмбоне. Слышишь, романтик с большой дороги, к тебе обращаюсь! Сделай любезность — притормози возле двери и прикрой спиной сечку, чтобы попкарь не попалил, пока я заточкой лук порежу. Ты её, кстати, под какую газету засунул? Вон под ту, со статьей о различных диетах, гербалайфах и сжигателях жира? Ну и чудят же там, на свободе! Какой только чепухи не понапридумывают в то время, когда всё гениальное просто. Достаточно помочиться на дверь райотдела — и уже через пятнадцать суток десяти — двенадцати килограммов как ни бывало. Дешево и эффективно. Выйдешь на волю раньше меня — не забудь запатентовать как средство для похудения.

*“Преимущество дураков в том, что они
никогда не скучают без умных”
(мнение)*

Зачем “человеку разумному” интеллект, и где именно он находится — знает не каждый. Впрочем, ничего странного в данном явлении нет. Если ты внимательно заглянешь вовнутрь черепной коробки, то наверняка заметишь, что челюсти занимают значительно больше места, чем малопонятное серое вещество, прозванное учеными мозгом. По всей видимости, Создатель, задолго до появления на свет скучной госпожи Науки, однозначно и недвусмысленно определил, что для человека является более важным, а что так, на всякий случай. Тем более, как подсказывает практика, подавляющему большинству homo sapiens мозговые извилины не помогают, а мешают полноценно жить и получать удовольствие от общения с миром.

Обычно слово “интеллект” ассоциируется с чем-то разумным. Например, с огромной библиотекой или полетом космических кораблей. Чего, естественно, никогда не скажешь о слове “тюрьма”. У людей, никогда не бывавших в местах “не столь отдаленных” и по роду деятельности весьма далеких от романтиков с большой дороги, тюрьма воспринимается не иначе как место, где “больно бьют” и постоянно насилуют в “одно интересное место”. Кстати, достаточно широко распространенное среди обывателей мнение о местах заключения.

На сей счет смею всех успокоить — мусора зверствуют, как правило, только в первые дни задержания, когда ревнивые подмастерья Закона выколачивают из граждан удобные для следствия показания. Что же касается нетрадиционной сексуальной ориентации, то на свободе (вопреки устойчивому мнению социологов) процент голубых и всяких там “неформалов” значительно выше, чем за решеткой. Все эти охи-вздохи по поводу “бьют и насилуют”, если кого и касаются, то таких закоренелых неудачников, каких ещё поискать надо, а вовсе не среднестатистических арестантов. За решеткой (в отличие, от свободы) уважающему себя

человеку никто слова худого сказать не посмеёт, не говоря уже о чем-либо большем. И для этого вовсе не обязательно отправлять в реанимацию соседа по камере. Так сказать, в профилактических целях и для укрепления тюремного авторитета. Зачем? Достаточно спокойно сказать несколько слов.

Когда думаешь о тюрьме, сидя в вонючей камере, а не глядя на неё из покачивающегося на рельсах трамвая, то первое, что приходит в голову — так это сравнение с гнилым застывшим болотом, в котором ровным счетом **ничего** не происходит, где время, словно кусок засохшей грязи, прилипшей к потолку невесть когда. У пессимистов тюрьма ассоциируется с серым кладбищенским склепом, у оптимистов — с заброшенным островом, отрезанным от внешнего мира.

Болото, склеп, остров...

С болотом тюрьма ассоциируется чаще всего. Она похожа на него как внешне, так и по своей внутренней сути. Подобно вязкому, омертвевшему болоту, тюремные стены, как бы исподволь, незаметно, засасывают в трясины человеческий разум тех, у кого он ещё сохранился. Трезвомыслящий человек, не спеша прогуливающийся по тюремному дворику, похож на невесть откуда взявшегося Маугли, волею судьбы живущего в волчьей и, к сожалению, не такой благородной, как у Киплинга, стае.

В тюрьме происходит массовое оупение. Где-то там, на воле, лицам с явными признаками “ку-ку” рекомендуют лечиться, здесь же, за тюремной решеткой, быть дебилом вполне нормально, я бы даже сказал — престижно.

Об армии и тупости военнотружущих в народе ходит не меряно анекдотов. Однако, если бы существовали соревнования по идиотизму, то тюрьма обыграла бы армию, как профессиональный шулер сопливого дворового мальчишку. Я как-то на досуге задумался: почему же в таком случае о тюрьме, в сравнении с армией, анекдотов ходит значительно меньше? Потом понял. Для того, чтобы придумывать тюремные анекдоты, важно не только отлично знать местную жизнь, но и иметь хотя бы слабое подобие интеллекта для переваривания получаемой информации. А если в голове вместо серого вещества маргарин?

Тюрьма — это склеп, в котором люди похоронены заживо. “Мы как будто бы есть и как будто нас нет...” — в этом коротком обрывке из разговора заключенных — вся арестантская жизнь. Ты

не знаешь, что стало с твоими близкими. Им неизвестно, что стало с тобой, что ты ешь, как спишь, о чем думаешь... Ты ушел из привычного течения жизни, взяв с собой только то, что на тебе было в момент ареста. Ушел, оставив память и надежду на то, что ты **обязательно**, во что бы то ни стало, вернешься.

Тюрьма – это остров, и в этом сравнении также есть некий смысл. Когда в XIX веке строили Лукьяновскую тюрьму, она находилась за городской чертой. С тех пор Киев вырос невероятно, и тюрьма оказалась в центральной части столицы, как грязный, вонючий памятник тоталитарным режимам.

Увы, это не тюрьма на Сейшелах. Там действительно – остров как остров, с приличным, калорийным питанием. Бананы и кокосы: ешь, сколько влезет. Пляж, достойный внимания. Правда, купаться разрешают только два раза в день. Никаких тебе решеток и колючей проволоки. Тюремщиков – так, для порядка, человека четыре, чтобы было кому на соседний остров смотаться, если арестанты чего-нибудь пожелают. Живут же люди! У нас почему-то никому в голову не приходит на Трухановом полуострове нечто “не столь отдаленное” возвести, хотя место, как будто бы, неплохое. Уж во всяком случае лучше, чем прилегающий к Лукьяновскому рынку район.

...Однажды, накануне ноябрьских праздников, перебирая старые порванные газеты, сваленные плотной стопкой в углу камеры, я наткнулся на брошюру, написанную бывшим американским заключенным, переквалифицировавшимся в тюремной камере из вора в священника. Сама по себе брошюра так себе – обычная религиозная реклама, призывающая верить в Бога, ничем, собственно не отличающаяся от миллионов подобных брошюр, написанных под разными именами, но по одному и тому же трафарету.

Вместе с тем, в брошюре нашлась парочка любопытных мест. Читаешь описание американских тюремных ужасиков и диву даешься! У нас на воле редко кто живет так, как у них на зоне. Каждое утро свежие фрукты, чистые простыни, оборудованный тренажерами просторный спортивный зал, дабы не захирели дряхлые арестантские мышцы. Плохо им там, исстрадались бедолаги... Может быть, нам с ними поменяться местами, так сказать, для обмена опытом? Ведь ездят туда-обратно в рамках культурного обмена студенты, рабочие, вот уже и до военнослужащих дело дошло. Самое занятное то, что автор брошюры, будучи особо опасным рецидивистом (если верить тому, что он написал), нахо-

дясь под особым контролем, имел возможность с первых дней пребывания в тюрьме выписывать и получать горы всевозможной литературы со всех концов света, какие только душа пожелает. Представляю, как бы повытягивались физиономии американских зеков, узнай они, что передавать заключенным Лукьяновской тюрьмы любые печатные издания строго-настрого запрещены. (Мало ли что арестанты в тех книжках понавychитывают?). Даже такой бестселлер, как уголовный кодекс Украины, и тот, если передадут, то только с высочайшего разрешения руководства. Для этого родственникам арестанта следует написать заявление на имя следователя, пойти к нему на прием, объяснить, зачем заключенному понадобилась та или иная книга (а если речь идет о юридической литературе, то что конкретно арестант собирается в ней найти). Процедура не одного дня и весьма хлопотная: следователи – птицы вольные, их никогда не бывает на рабочих местах, а потом им ещё заявление изучить надо. Не стоит преждевременно радоваться, если заявление всё же прочли и подписали. Теперь с ним нужно пойти на прием к руководству тюрьмы. Тюремщикам также нужно внимательно его изучить, прежде чем подписать, после чего привратник на входе должен получить соответствующее распоряжение сверху и внимательно рассмотреть передаваемую литературу. Вдруг между строк записана невидимыми чернилами секретная информация, способная увести следствие по ложному пути и “воспрепятствовать установлению истины по делу”?

В тюрьме безграмотность приветствуется и всячески поощряется, грамотных заключенных не любят нигде. Поэтому нет ничего удивительного в том, что многие арестанты, благополучно отсидев в ожидании суда несколько лет, так толком-то и не знают, сколько им светит согласно буквы закона. Отдельные персонажи настолько нелюбопытны, что не знают этого не только после приговора суда, но и после отбытия всего тюремного срока. Одним словом, не забивают голову посторонними мыслями.

К счастью, нелегально пронесенные в камеру книги надзиратели во время обысков не отбирают, а то и вовсе можно было бы взвыть от тоски. Впрочем, на что они им? Разве что бутылку водки сверху поставить. Как я заметил, к литературе во всех её проявлениях тюремщики относятся крайне скептически и равнодушно, а на книги без картинок смотрят и вовсе презрительно-удивленно. Зачем только люди на них деньги тратят? Тем более, что в тюрьме есть чудесная библиотека!

На тюремной библиотеке следует остановиться отдельно. Ничего похожего на свободу ты не видел — ни по форме, ни по содержанию. По количеству и богатству произведений литературы тюремная библиотека имеет все шансы получить Гран-при в номинации “за оригинальность”. Начнем с того, как она выглядит. Один раз в месяц открывается всё та же кормушка, и грустная, вызывающая жалость женщина неопределенного возраста с лицом, перепачканным дешевой турецкой косметикой, протягивает несколько пожеванных картонных карточек с перечнем литературы. Из них следует выбрать **нечто** и в ограниченном количестве. Спустя полчаса дама появляется снова в сопровождении такого же, как и она, грустного и худого заключенного, несущего под мышками стопку тюремного чтива. Взамен отобранных заключенными карточек в кормушку просовывается литература, и женщина неопределенного возраста исчезает, появляясь вновь лишь через месяц. Поменять выбранный журнал или книгу и теоретически, и практически невозможно — дама раньше вышеуказанного времени не появится, и звать её такое же глупое и бессмысленное занятие, как бороться с восходом солнца. Кроме того, достаточно часто выбранная карточка не совпадает с тем, что просунут в кормушку. Возмущаться нет ни малейшего смысла. Будешь шуметь — всё отберут и вообще ничего не получишь, а так хоть что-то.

Переходим теперь к качеству и содержанию тюремной “библиотеки”. Любая свалка макулатуры отличается от разносимой по камерам литературы, примерно как библиотека Оксфордского университета от этой самой вышеназванной свалки. По всей видимости, не принятую в переработку макулатуру привезли в тюрьму в начале семидесятых годов. Не выбрасывать же её, а так — пусть зеки читают, им всё равно делать нечего. Замусоленный журнал без начала и без конца, датированный более поздним периодом — годами эдак восьмидесятыми, воспринимается как музейная редкость. Кто знает — может быть, где-нибудь в загатнике у тюремщиков и стоят аккуратные ряды книг, чтобы было что показать проверяющим, но то, что к нам в камеру они никогда не попадут — в этом ни у кого из арестантов нет и тени сомнения.

Посему, как и во многих других тюремных вопросах, “спасение утопающих — дело рук самих утопающих”. Хочешь читать — напрягай адвокатов, тюремщиков, на худой конец — сокамерников (хотя будет лучше, если ты **никогда** и **ничего** у других заключенных просить не будешь — это неписаное правило желательно не нару-

шать. Во-первых, просьба может быть неверно истолкована со всеми вытекающими отсюда последствиями. Во-вторых, малейшая зависимость от кого бы то ни было опасна). Пусть за определенное вознаграждение пронесут в камеру то, что ты считаешь для себя необходимым.

Человеческий мозг, как это ни печально, является неотъемлемой частью всего организма. Подобно любой другой части тела, он имеет свойство и развиваться в заданном направлении, и атрофироваться, если о нем позабыть, болтаясь круглые сутки на нарах, уперев равнодушный, немигающий взгляд куда-нибудь в трещину на потолке.

Заметить, как постепенно выходят из строя внутренние органы, легко — мозг получает и обрабатывает получаемые от всего организма импульсы, сигнализирующие о болевых ощущениях, об одышке, об угасании зрения. Что же касается деградации мозга, то заметить её невероятно трудно, потому что именно мозг контролирует весь организм, включая себя самого. Для того, чтобы трезво оценить, что же на самом деле происходит внутри собственной черепной коробки, необходимо обладать как минимум высокой степенью самокритики и самоконтроля, а также умением абстрагироваться. К сожалению, это не многим дано. Обычно люди плохо воспринимают неприятные новости и стараются не думать о них, вместо того, чтобы сделать разумные выводы и попытаться что-либо изменить как в себе, так и в окружающем мире.

Кстати, на данной особенности человеческой сущности построен достаточно часто встречающийся прием межличностных отношений. Состоит он в том, что подчиненный, стремящийся сделать карьеру, сообщает своему боссу только хорошие, приятные для слуха вести, стараясь подстроить ситуацию таким образом, чтобы всё плохое и неприятное говорил конкурент. Спустя какое-то время один подчиненный начинает ассоциироваться у шефа с чем-то хорошим, другой, соответственно, с чем-то плохим. При виде первого невольно поднимается настроение, при виде второго, даже если всё идет хорошо, возникает чувство напряжения и тревоги. Первого приближают к себе, второго отдаляют. У первого появляется реальная возможность продвинуться вверх по служебной лестнице, второй остается на прежнем месте, несмотря на то, что профессионально он может быть подготовлен значительно лучше, чем первый.

В тюремной жизни всё происходит точь-в-точь, как на свободе. Перед тем, как втереться в доверие, аккуратно забросят в разговор (как рыбак крючок с леской) пару-тройку лестных, приятных для слуха фраз о том, как повезло окружающим с таким сокамерником как ты. Заглотнул наживку – всё, готовься. Скоро сожрут.

Когда находишься за решеткой и, к тому же, в состоянии постоянного нервного напряжения, не так-то легко сохранить способность думать разумно. Однако это неременное условие выживания. Чем лучше работает компьютер внутри головы – тем больше шансов с минимальными потерями выбраться на свободу.

Среди наиболее простых и доступных видов тренировки мозговых извилин первое место занимает заурядное чтение печатной продукции с последующим анализом прочитанного. Чем больше информации поступает в мозг – тем лучше. Где-где, а в тюрьме от переизбытка полученных знаний ты явно не заболеешь. В этом отношении положительным сдвигом в политике, проводимой тюремным начальством, явилось разрешение родственникам заключенных выписывать для арестантов некоторые газеты. Приходят они в тюрьму с опозданием (пока надзиратели их полистают) на несколько дней, часто теряются, но это всё пустяки. Ведь что-то да доходит до камеры! Обращаюсь к вам, друзья и родственники коллег по несчастью. Если кто-то из ваших уселся за решетку – поинтересуйтесь у местного тюремного руководства, можно ли ему выписать какое-то количество печатной продукции. Поверьте – не повредит. Что? Читать не умеет? Научится. Не все начинают изучение родного языка с букваря. Некоторые со статей уголовного кодекса.

Постепенно, размяв глаза на газетных статьях, можно перейти на печатную продукцию пообъемистей и потяжелее по весу. Обычно такую макулатуру называют книгами. Книги, в свою очередь, делятся на те, которые в твердом переплете, и те, которые в мягком. В тюрьме предпочитают иметь дело с книгами в мягком переплете – они легче по весу, а потому их проще таскать вслед за собой из камеры в камеру.

Первую книгу, которая попала ко мне в камеру легальным путем, наверняка можно отнести к разряду тяжелых – как по весу, так и по количеству вложенных в неё мыслей. Это были труды немецкого философа Иоганна Готлиба Фихте, написанные в конце XVIII – начале XIX веков. Справедливости ради замечу, что

тюремное начальство разрешило передать мне две книги, но вторая (роман Джека Лондона “Смирительная рубашка”), к несчастью, была в мягкой обложке, и её на неопределенный срок забрали почитать мои адвокаты.

Более внимательно изучить творчество известного идеалиста я планировал ещё со студенческих лет. Однако, в силу того, что Фихте не тот автор, который легко усваивается в промежутке между бокалом пива и очередным телешоу, я никак не мог выкроить время, дабы целиком углубиться в чтение толстых томов с золотым теснением, стоящих на книжной полке моего рабочего кабинета. И тут на тебе – мусора подсутились. Никогда ещё в моей жизни не было столько свободного времени, как в тюрьме. Никаких тебе телефонных звонков, встреч, беготни... Лежи себе на деревянном полу (как в КПЗ) или на нарах (как на Лукьяновке), думай о вечном. Правда, лампочка, круглые сутки горящая перед глазами, мешает спать и всякие там разные насекомые время от времени по лицу пробегают, как в передаче “В мире животных”, но это ещё ничего – жить можно, бывает похуже. Как ни крути, а самое время для чтения серьезной литературы, требующей определенной концентрации внимания. Единственное, что мешает углубиться в чтение (не считая мусоров с их воспаленным воображением и беспокойных соседей по камере) – так это опять-таки всё та же противная лампочка, которая мешает спать. Как для сна, то она горит достаточно ярко, как для чтения – невероятно тускло. Зрение при таком освещении садится капитально. О естественном, дневном свете мечтать не приходится – внутри камеры окна добросовестно заварены листами металла (так, чтобы до решеток, наваренных снаружи, невозможно было добраться), с просверленными в них тоненькими дырочками, типа – для воздуха. Толку от них мало, хотя... Какая-никакая, а вентиляция.

Долгое время труды Фихте были единственной книгой в камере. Пока мои глаза отдыхали, а мозговые извилины переваривали прочитанное, книгу читали сокамерники. Причем, не просто внимательно читали, а активно обсуждали чуть ли не каждую страницу, словно на научном диспуте. Ничего похожего я раньше не слышал – ни во время семинаров в стенах родного университета, ни во время обсуждения диссертационных работ на заседаниях ученого совета.

В первый день, так сказать, коллективного чтения я подумал, что меня разыгрывают, а когда въехал, что они действительно

читают и понимают, что там написано, — растерялся от неожиданности. Чтобы понять мое состояние, следовало бы увидеть ту публику, которая находилась вместе со мной в камере предварительного заключения. Тогда бы все вопросы отпали автоматически. Представьте себе homo sapiens, который вообще никогда книг не видел и вдруг ни с того ни с сего взял от скуки сочинения Фихте и начал читать. Пусть по слогам, но читать! Зрелище уникальное в своем роде.

Постепенно мне открылся скрытый смысл происшедшего. Я отчетливо увидел, как у некоторых соседей по камере реализуется возникшая на подсознательном уровне потребность в мобилизации (пусть даже путем банального чтения) определенных участков мозга, которые в дальнейшем могут помочь выжить в экстремальных условиях. Особенно ярко это проявилось у тех, кому кроме расстрела от “самого гуманного и справедливого” в мире суда ждать больше нечего.

Человеческий организм, словно индикатор, мгновенно реагирует на малейшие изменения в окружающем мире, подсказывая самому себе, какие силы следует активизировать в той или иной ситуации, а какие должны спокойно ожидать своего часа. Не нужно ничего выдумывать, нужно только слушать себя. Однако, человеческим существам больше нравится брести в темноте, чем идти по ярко освещенной дороге.

Я часто задумываюсь над тем, почему подавляющее большинство из ныне живущих так до сих пор и не осознало простейшую, казалось бы, истину — подобно тому, как каждая человеческая клетка является одновременно и самостоятельной единицей, и частью всего организма, так и сам человек — неотъемлемая часть исполинского тела Вселенной. Тела, для которого не существует ни времени, ни пространства, потому как названные измерения существуют только для его отдельных частей, но не для целого.

Я снова провожу параллель с человеческим телом, чтобы ты меня лучше понял. Подобно тому, как каждая клетка, находящаяся внутри человеческого тела, способна принимать и принимает информацию, поступающую к ней из всех уголков организма, так и человек способен видеть и слышать всё то, что происходит на любом другом конце планеты, всё то, что было пусть даже несколько тысячелетий назад, всё то, что будет как в близком, так и в далеком будущем. В этом нет ничего сложного. Нужно всего-навсего **научиться слышать себя** — вот и всё.

Все величайшие истины мира просты.

Самое сокровенное Знание лежит перед тобой, как на ладони. Открой глаза, протяни руку — и оно станет твоим.

Люди чаще всего теряют то, что имеют, и не получают того, что могли бы иметь, исключительно по одной-единственной причине — они не верят в то, что *это* может им принадлежать (даже тогда, когда оно им уже принадлежит). У людей нет веры, они суеверно боятся слышать едва различимые импульсы из глубин Бездны и сознательно делают сами себя слепоглухонемыми, а потом удивляются — откуда Нострадамус всё знал наперед? А, может быть, он был таким же, как все? Только вот, в отличие от окружающих, не боялся слышать себя, не боялся верить, открыв Господу свое сердце.

Учитель из Назарета мог идти по воде, потому что верил — Он может идти. Те, кто поверили, также смогли пойти за Ним вслед. Ты не в состоянии пройти сквозь многометровые тюремные стены потому, что сам не веришь в возможность этого. Впрочем, ты даже не пытался поверить. Так — напряг воображение и снова ослабился, ворочаясь на тюремных нарах. Между тем, подобные умственные упражнения не имеют ничего общего с подлинной верой.

Не правда ли, странно вспоминать о том, что со мной было на КПЗ, о чем я там думал... Занятно перебирать в памяти воспоминания об одной камере, сидя в другой, не намного лучшей (если понятия “лучше” и “хуже” вообще здесь уместны). Разве что отдыхаем мы теперь на Лукьяновке, а не на Подоле.

В эту минуту там, за решеткой — глухая, беспросветная Ночь. Для нас весь мир перестал существовать, и осталась только одна реальность — тюремная камера размером в два с половиной шага в ширину и в четыре в длину. Камера для четверых зверски усталых, но несломленных человек.

Впрочем, здесь не так тесно, как может показаться на первый взгляд постороннему, не привыкшему к тюрьме человеку. Мир внутри нас ничуть не меньше того мира, который остался снаружи. К тому же, за решеткой легче, нежели на свободе, понять, что хотел сказать Фихте, когда писал о назначении человека.

...Перебирая в памяти различные упражнения, придуманные для развития интеллекта, невольно склоняешься к мысли, что наиболее эффективным и полезным тренингом является изучение иностранного языка.

Сама по себе идея чего-нибудь такое выучить в заключении далеко не нова. Языки осваивали многие знакомые нам исторические персонажи, коротая дни за тюремной решеткой. Да чего там далеко ходить? К примеру, Фрунзе освоил французский в ожидании исполнения смертного приговора. Тюремные надзиратели недоуменно хихикали, почесывая затылки. Они никак не могли взять в толк, с кем именно на том свете собирается разговаривать их арестант. Сам же Михаил Васильевич совершенно не планировал покидать планету в столь беспокойное и, вместе с тем, интересное для него время. Герой гражданской войны ни на мгновение не сомневался в том, что благополучно выберется из тюрьмы и расстреляет всех тех, кто вел себя с ним неучтиво. Что он, собственно говоря, и сделал впоследствии, неторопливо обдумывая, как бы получше объединить огромные территории в одно-единое государство. Ненавязчивое посвистывание пуль над головой совершенно не отвлекало командарма от возвышенных мыслей, а, скорее наоборот – как лунная ночь для поэта, благотворно воздействовало на нервную систему, вдохновляя на всё новые и новые подвиги.

В отличие от царской Малороссии, заключенным независимой Украины литературу без специального и высочайшего повеления не передают. Одни и те же учебники иностранного языка (преимущественно, английского), раздобытые нелегальным путем, гуляют из камеры в камеру, повышая интеллектуальный уровень их обитателей. Я, правда, не знаю ни одного, кто бы в совершенстве что-нибудь да выучил, но это, так сказать, вопрос третий. Главное, что отдельные лица настойчиво, месяцами, добросовестно учат один и тот же урок. Почему так долго? Обстановка не позволяет. К тому же, в заключении, в условиях массового отупения и откровенного дебилизма, компьютер в голове работает не так быстро, как на свободе.

Что поделаешь – в тюрьме особо выбирать не приходится. Многие интеллектуалы учат языки не по тем учебникам, по которым хотят, а по тем, какие есть в наличии у сокамерников. (Редко у кого есть свой собственный и, главное полный комплект учебных материалов. По крайней мере, я таких счастличиков не встречал). Чаще всего бывает так, что у одного из сокамерников где-то под нарой валяется вводный курс английского языка, у другого – курс для более продвинутых, но уже не английского, а немецкого. Ничего страшного. Заключенные не отчаиваются.

Поучили немножечко английский, теперь почитаем немецкий, пока в камеру не придет продолжение английского учебника. То, что это самое продолжение может приехать года через два-три, никого не смущает. Всё равно сидим. Уже никто никуда не спешит.

Вместе с тем, и от такого изучения языков есть определенная польза. Чем глубже изучаешь язык другого народа – тем лучше начинаешь понимать поступки граждан, его населяющих. Ведь, в первую очередь, изучается не язык, а материализованная в языке манера мыслить, в которую каждый народ заложил своё особое отношение к окружающему миру. Ты как бы отходишь в сторону и начинаешь смотреть на многомиллионные народы, словно на отдельно стоящих людей, нередко связанных между собой кровными узами. Порой любящих и готовых к самопожертвованию. Порой ненавидящих и стремящихся стереть друг друга с лица земли на протяжении тысячелетий.

Даже самые незаметные, неброские изменения, происходящие в жизни народов, накладывают отпечаток на их язык. Нечто подобное происходит и с каждым отдельным человеком. Любое изменение в жизни, не говоря уж о более серьезных процессах внутри черепной коробки, отражается в обыденной речи. То, что не способен определить ни один рентгеновский аппарат, несложно установить, внимательно послушав, что и как говорит интересующий тебя пассажир.

Человеческие головы – словно компьютеры. Чем примитивнее их устройство – тем примитивнее речь. В случайных словах (которые никогда не бывают случайными), в обрывках брошенных в спешке фраз материализуются мысли. Людей выдают мелочи, как бы тщательно они не скрывали лицо. Умение замечать мелочи и, основываясь на них, безошибочно делать единственно верные выводы сродни искусству, освоить которое легче, если ты практикуешь изучение иностранных языков. При условии, что твои занятия проходят осознанно, а не превращаются в тупую зубрежку ранее незнакомых для слуха импортных слов.

Я смотрю на скучные лица сокамерников и думаю: а о каких, собственно, знаниях вообще может идти речь? Большинство заключенных читает по слогам, путаясь и запинаясь в словах, так до сих пор и не научившись грамотно выражаться на родном языке, а тут иностранный... Тех, чудом сохранившихся динозавров, которые всё ещё пытаются что-то учить, убивая зрение под туск-

лой тюремной лампочкой, волнует исключительно результат — научиться в совершенстве говорить и читать на другом языке, чтобы в будущем с выгодой для себя использовать полученные навыки. Если, конечно же, у них будет это самое будущее. К чему ещё ведет учебный процесс, никому нет ни малейшего дела. Никто из заключенных не намерен забивать голову сложными алгоритмами и уподобляться Икару, взлетевшему слишком высоко над волнами моря.

Когда невесть откуда появившееся вдохновение совпадает с не заполненными бытовухой минутами, арестанты берут в руки замусоленную ручку, тщательно разглаживают лист бумаги и начинают писать во всевозможные инстанции бесчисленные жалобы, протесты, прошения и, конечно же, письма родным и друзьям. Жалобы и прочее слуги закона просматривают безо всякого интереса, отмахиваясь от них, словно от назойливых мух. Чего совершенно не скажешь об арестантских письмах. Что-что, а эти литературные памятники читаются и изучаются с нескрываемым интересом. Все имена, упомянутые в письмах, фиксируются, так сказать, на всякий случай, затем выборочно проверяются. Все заключенные знают об этом, но что любопытно — многие из тех, кто угрюмо молчал на допросах, добросовестно описывают свои художества в посланиях сподвижникам на свободу. Понятно, что такие послания до адресатов доходят не сразу, а с опозданием месяца эдак на два, когда на них одевают наручники и предъявляют письма с неволи как вещественные доказательства, приобщенные к материалам уголовного дела.

Печальных примеров сколько угодно, но арестанты упрямо продолжают писать. То ли им не хватает внутрикамерного общения, то ли проклевываются литературные наклонности или просто от скуки — так сразу и не разберешь. Неужели непонятно, что в девяносто девяти случаях из ста тюремная почта контролируется операми? Очевидно, не понимают или делают вид, что не понимают, помогая хозяевам дергать марионеток за нитки. Вот и плывут по протянутому канатику (сплетенному из ниток со старого распущенного свитера) из камеры в камеру тюремные ксивы, незаметно увеличивая некоторым заключенным и без того не такой уж и маленький срок.

М-да... Никогда не предполагал, что придется окунуться в этот особый, ни с чем не сравнимый мир. Мир, в котором деградирует и нравственно разлагается каждый, вне зависимости от

того, кто он — заключенный или тюремщик, добровольно выбравший жизнь сторожевого пса. У одних гуманоидов загнивание мозговых извилин проявляется быстрее, у других, наоборот, медленнее и более вяло — здесь играет роль тот факт, с каким внутренним стержнем человек пришел с воли. Мне жаль тех арестантов, кто по малолетке попал за решетку сырым куском человеческой глины и оформился как *homo sapiens* на дешевых казенных нарах. Такие обречены.

Тюремная камера — словно общий вагон остановившегося в темноте поезда. Люди коротают время за спорами, ссорами, разговорами, воспоминаниями, но, если брать по большому счету, каждому из пассажиров глубоко плевать на судьбы случайных и не случайных попутчиков. У каждого своя судьба, своя, не похожая ни на чью, дорога домой.

Интересно, а как ты поступишь, если ради того, чтобы выйти из вагона, необходимо будет растолкать пассажиров, стоящих возле выхода из него? Будешь ли ты церемониться со своими попутчиками? Будут ли они считаться с тобой, если им придется выбирать между твоей, чужой для них жизнью, и такой долгожданной свободой? Те, с кем ещё вчера ты делился последним куском хлеба? С кем ел, пил, мечтал, строил планы на будущее? Не лучше ли подумать об этом сейчас? Мало ли что может стрястись в этой жизни... Когда Судьба поставит нас перед выбором, времени для раздумий не получит никто.

КАК ОТНОСИТЬСЯ К СОКАМЕРНИКАМ

*“В Раю такой климат!..
Но в Аду такая компания!..
(мысли вслух)”*

В повседневной жизни люди нередко произносят слова: “ Это мой мир”. Невероятно простая, на первый взгляд, фраза слетает с уст привычно, легко. Обычно никто не задумывается над её смыслом, над тем, что именно входит в понятие “мой” или “наш” мир. Что? Может быть, вещи, к которым привыкаешь за долгие годы или один и тот же до тошноты надоевший вид из окна, без которого вдруг становится невообразимо горько где-нибудь на другом конце планеты?

Иногда постороннему человеку трудно понять, зачем беречь, казалось бы, бесполезную вещь, вместо того, чтобы выбросить её на свалку. Ему не понять, что ты хранишь не вещь, а воспоминания и мечты, материализованные в этом, как правило, ничего не значащем с точки зрения денег предмете. Дети насмешливо смотрят на старые вещи, воспринимая их как причуды стареющих родителей. Старики же смотрят на вещи и видят в них, словно в экране телеэкрана, часть своей, уже прожитой жизни. Чем старше становится человек, тем сильнее он прирастает к вещам, тем больнее ему расставаться с ними, словно он расстается не с предметами быта, а с самой Жизнью.

Предметы, словно острые спицы, на которые нанизываются мгновения, дни, годы, каждый наш шаг на земле... Впрочем, все эти вещи были бы ничто, если бы они не являлись декорацией для людей, населявших или населяющих в настоящее время *наш мир*. Люди – главная и чуть ли не единственная составляющая выше-названного понятия. Именно от окружающих нас людей зависит, во что превращается земной путь – в сказочный Рай или в преддверие Ада.

Я очень хорошо помню свой первый день в Лукьяновской тюрьме, когда после ряда унижительных процедур наподобие полтора-часового обыска, снятия отпечатков пальцев, фотографирования, прожаривания одежды в специальной доисторической каме-

ре (чем-то похожей на ту, в которой сожгли Сергея Лазо), медицинского осмотра и сидения в прокуренном каменном склепе, меня завели в огромный пустой коридор и оставили одного. Надзиратель равнодушно кивнул: “Иди” (словно я знал, куда мне идти), а сам побежал куда-то по своим делам.

За время нахождения в камере предварительного заключения я, как оказалось, успел отвыкнуть от *такого* огромного пространства, каким мне показался в тот осенний день тюремный коридор. Я неторопливо шел по бетонному полу, удивляясь, что меня ведут не в наручниках и без усиленной охраны с разных сторон. Откуда-то справа, сверху падал солнечный свет, преломляясь сквозь тюремные решетки и замазанные краской стекла, покрытые замысловатым узором из налипшей грязи и пыли. Слева – тяжелые, железные двери камер, из-за которых не доносилось ни звука. Я шел в пьянящей, оглушающей тишине. Никогда ранее я не испытывал такого пронзительного чувства холода, замешанного на удивлении. Ранее мне, как и многим другим, только *казалось*, что я знаю вкус одиночества. На самом же деле это ощущение было мне незнакомо. Тогда, в тюремном коридоре Лукьяновской тюрьмы, я впервые ощутил, как дыхание одиночества прикоснулось ко мне. Словно величественная и надменно-холодная Снежная Королева прошла рядом со мной.

Голос надзирателя донесся откуда-то из-за поворота:

– Тебе сюда!.. Алло!.. Ты где?

Я пошел на голос. Было заметно, что пару минут назад попкарь второпях засосал стакан водки и теперь доброжелательно зажевывал её куском колбасы, приглашая войти в каменный гроб.

– Теперь ты здесь будешь жить. Хе-хе... – как мог сострил тюремщик, запирая за спиной дверь.

Первое, что бросилось в глаза, настороженные взгляды с разных сторон. Оно и понятно: в тюрьме отдыхают далеко не самые миролюбивые граждане планеты Земля. Практически любой арестант, кем бы он ни был, является источником потенциальной опасности для всех остальных. Мало ли что кому взбредет в голову на нервной почве? Естественно, ни о какой психологической совместимости арестантов не может быть и речи. Только злость и раздражение, умноженные на замкнутое пространство.

Нетрудно догадаться, что с тюремных нар на меня смотрели отнюдь не прототипы героев книг из серии “Жизнь замечательных людей”. Подавляющее большинство коллег по несчастью – про-

центров эдак на девяносто-девяносто пять — это серая, безмозглая масса, не представляющая ни малейшего интереса с точки зрения перспективы её изучения. Изучать здесь нечего. Это опустившееся быдло, неудачники от рождения и остающиеся таковыми до конца своих дней. Они были никем на свободе, таковыми они остаются, находясь за тюремной решеткой. Наблюдать со стороны, как эти великовозрастные щенки *играют* в тюрьму, надувают щеки и пытаются корчить из себя тюремных авторитетов, просто смешно.

При желании, загнать таких в стойло не составит большого труда. Они понимают исключительно язык силы, смелостью и умственными способностями не отличаются. Вместе с тем, любому мало-мальски серьезному человеку с перспективой длительной отсидки или расстрела нельзя забывать о том, что под ногами постоянно крутятся провокаторы, готовые подставить челюсть и улететь в нокаут, как только предоставится такая возможность. Их за это спустя некоторое время выпускают по амнистии. Тебе же слуги правопорядка, радостно хлопая в ладоши, впаяют дополнительный срок: “Ну что — раскрутился?”. Поэтому относиться к быдлу надменно и легкомысленно крайне опасно.

В тюрьме (особенно в тюрьме) нужен трезвый расчет. Иногда приходится быть как тростник, который наклоняется к земле, переживая порывы ураганного ветра, а затем вновь выпрямляется. Порой выгоднее сжать зубы и молча уклониться от конфликта. Но при этом всегда следует быть готовым к тому, что наступит время, когда единственно правильным решением будет вступить в бой и раздавить противника. Мне приходилось встречать на жизненном пути дурачков, которые вежливое и спокойное обращение с ними воспринимали не иначе как слабость, а поиск взаимовыгодного компромисса — как откровенную трусость. Они нагнали, их терпели до определенного времени, а затем уничтожали.

Вся эта мразь, с которой волей-неволей приходится сталкиваться за решеткой, этого, конечно же, не понимает. Большая часть из них попала в тюрьму по малолетке или возле того, а так как в украинских тюрьмах в ожидании суда приходится болтаться по несколько лет, то за решеткой на радость окружающим ребяташки и повзрослели. Их возраст колеблется от восемнадцати до двадцати четырех лет, по суду им грозит в среднем от трех до восьми, что по нынешним меркам сущий пустяк. Все они, будучи на свободе, употребляли всевозможное наркотическое дерьмо, естественно, самое доступное и дешевое, а попались либо на воровстве,

либо на заурядном вымогательстве — колоться ведь надо за что-то. Временами занятно наблюдать за поведением таких вот “героев”, которые вырывали из рук престарелых бабушек и инвалидов на улице хозяйственные сумки, а теперь рассуждали за кружкой чифира о тюремных понятиях.

Опера сознательно подогревают перспективных кандидатов в “блатные”, играя на их самолюбии и помещая в такие камеры, где они могли бы заматереть и набрать силу. Это выгодно на перспективу. Таких уродов чрезвычайно удобно вербовать, из них получают идеальные осведомители и провокаторы, чаще всего используемые вслепую во время разработки несговорчивого арестанта. Отсутствие здравого смысла, умноженное на недоразвитость серого вещества, отнюдь не способствует пониманию, какая им отведена роль в данном спектакле. Им кажется, что это они правят в своем маленьком, игрушечном мирке, на самом же деле их используют как презервативы — попользовались и — вперед, на помойку.

В то время как быдло ведет себя вызывающе и пытается на каждом шагу привлечь к себе внимание, то по-настоящему серьезные люди в глаза не бросаются. Они и так достаточно засветились, о них пишут в газетах, показывают по телевизору. Таким пассажирам незачем распускать пальцы веером и демонстрировать окружающим собственную значимость. Как правило, в тюрьме они ведут замкнутый образ жизни, у них нет фотографий с воли, нет ничего, что бы указывало на то, кем они были и кем будут по возвращению на свободу. После развала социалистической системы подобные персонажи редко залетают в тюрьму по второму разу, им вполне достаточно однажды побывать за решеткой, чтобы проанализировать ошибки и обезопасить себя на будущее. Если от них Удача и отвернулась на какое-то время, то это вовсе не значит, что навсегда.

Посмотри на Степаныча. Этот уж точно к неудачникам не относится, несмотря на легкую экстравагантность наряда. Когда я впервые увидел дядю Гришу, он не произвел на меня ну никакого впечатления. С какой стороны ни зайдешь — натуральный бомж, одетый в антикварное тряпье. Антикварное вовсе не потому, что оно когда-то было дорогим. Как раз нет, подобные новые вещи и на прилавках магазина никакой ценности не представляют. Суть в другом. Таких шмоток сейчас не найти. Их носили в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов, а тут за окном новое тысячелетие как будто бы на подходе. Можно только предположить,

какое количество чердаков пришлось облазить родственникам Степаныча, чтобы его одеть.

На воле дядя Гриша прославился тем, что, благодаря его скромным усилиям, две трети крупного рогатого скота, бегающего по бескрайним украинским колхозным полям, эмигрировали за границу. Предположительно, в арабские страны.

Пока руководство страны не перегрызлось между собой во время очередной дележки прибыли, всё шло, как по маслу. Гриша регулярно колесил по планете, загорал на лужайке возле двухэтажного частного дома в предместьях Берлина и планировал покупку квартиры с видом на собор святого Петра в Риме.

К несчастью, госпожа Фортуна – невероятно капризная дама. К тому же Гриша не в меру расслабился под теплыми солнечными лучами и совершенно не желал прислушиваться к раскатам грома над облаками. Однажды поздним вечером в дверь настойчиво постучали, и невоспитанные граждане в штатском настойчиво порекомендовали дяде Грише дать показания на кое-кого из руководства. Хозяин дома не менее настойчиво отказался и попытался было выпроводить непрошенных гостей. Гости, однако, не унимались. На дядю Гришу одели наручники и привлекли к уголовной ответственности за неуплату налогов. Удивленный участковый, присутствовавший во время обыска, нервно чесал лысину и всё спрашивал, наблюдая, как из квартиры выносят набитые купюрами картонные ящики из-под телевизоров:

– Степаныч, а откуда у тебя столько денег?

Григорий Степанович удрученно сопел носом и пожимал плечами:

– На старость откладывал...

Что любопытно – помимо найденных денег ревнивые слуги законности и правопорядка так ничего и не накопили. В материалах уголовного дела – сплошные догадки и предположения, что, впрочем, не помешало отправить дядю Гришу на долгие годы в тюремную камеру. Когда мы встретились, Гриша уже успел отсидеть два с половиной года, перенес инфаркт миокарда, приобрел кучу болячек, а дата предстоящего суда так и не была определена. Невзирая на удары судьбы, Степаныч присутствия духа не терял и, запивая валидол теплой водой, ежедневно выходил со мной на прогулку – бегать по периметру тюремного двора:

– Два с половиной – это ещё ничего, – сопел Гриша, размахивая руками. – Вон Лупоглазый седьмой год суда ждет, совсем умаялся бедолага.

Лупоглазый сутками висел на верхней наре, не подавая ни малейших признаков заинтересованности жизнью. По всей видимости, крыша у него поехала давно – Лупоглазый или добродушно хихикал, или, что бывало чаще всего, впадал в уныние. Мы практически не общались друг с другом, но когда двадцать четыре часа в сутки находишься в замкнутом пространстве по соседству с человеком с больной психикой, у самого времени начинается “ку-ку” пробивать. Лично я вздохнул с облегчением, когда Лупоглазого перекинули в другую камеру. Тем более, что в хате его сменил некий Максимка с невинно-детским лицом и длинными, как у орангутанга, руками.

С Максимкой мы подружились достаточно быстро. Парень сразу смекнул, что светит ему согласно украинского законодательства достаточно много, следовательно, для того, чтобы дожить до свободы, явно недостаточно лежать на спине, тупо уставившись в потолок. Совместные занятия боксом в прокуренной анашой камере здорово отвлекали от тюремного быта. Нервный, чертовски злопамятный, в меру наглый и на удивление трезвомыслящий боксер попал за решетку благодаря болтливости подельников, которые быстренько сдали своего босса, как только за их спинами защелкнулись наручники. Максимке инкриминировали соучастие в убийстве бизнесмена, торговавшего нефтью, список же грабежей и разбоев был настолько длинным, что сами следователи устали его составлять.

Схема, по которой работал Максимка, была довольно проста. Знакомые проститутки регулярно поставляли ему информацию о богатеньких буратино, затем за потенциальной жертвой устанавливалось наблюдение. Спустя полторы-две недели в интересующую квартиру вламывались работники ножа и топора во главе с Максимкой, вынося из нее всё, что имело ценность. Причем дверь никогда не взламывали – хозяева открывали сами. Вариант сценария проникновения в квартиру выбирался в зависимости от конкретно сложившейся ситуации и подкупал простотой.

В многоэтажных домах электросчетчики чаще всего находятся на лестничных клетках, чтобы работникам ЖЭКа было удобно их проверять. Максимка с коллегами тупо выкручивали пробки и ждали, когда хозяин квартиры откроет бронированную дверь с бесчисленным набором хитроумных замков и выйдет на лестничную клетку. Дальше всё просто. Удар монтировкой по голове, связывание жильцов заранее припасенной веревкой и задушевный разговор на тему: “Где деньги лежат?”.

Если же электросчетчик находился внутри квартиры, то коллеги прятались на площадках между этажами, а Максимка с букетом роз ждал под домом хозяина, вместе с ним поднимался в лифте на тот же этаж (как будто бы шел в гости к соседям), а затем, как только отпиралась нужная дверь — удар по башке и всё, как в предыдущем варианте.

Самым остроумным проникновением в квартиру был сценарий с её затоплением. Однажды подружка (которой пообещали двадцать процентов от прибыли) вывела Максимку на ну оч-чень богатого пассажира. Проблема состояла в том, что потенциальная жертва входила в квартиру и выходила из нее в сопровождении телохранителя, электросчетчик находился внутри квартиры, а на приход всевозможных “сантехников из ЖЭКа” и им подобных хозяева принципиально не велись и дверь не открывали. Максимка, недолго думая, проник в квартиру этажом выше, связал жильцов, переоделся в домашние тапочки и спортивный костюм, открыл воду в ванной и стал ждать. Не прошло и полутора часов, как разгневанный хозяин интересующей квартиры снизу позвонил в дверь, за которой его уже ждал “племянник соседки, приехавший погостить из другого города”. Что произошло дальше, догадаться нетрудно. Максимка охотно откликнулся на приглашение спуститься вниз и посмотреть, “что там затопило”, вслед за ним, спустя пару минут, подтянулись сподвижники — кто с обрезом, а кто с монтировкой.

Убийство, за соучастие в котором Максимку арестовали, произошло без его непосредственного участия. Он детально разработал план проникновения в квартиру, прежде чем послать на дело друзей, сам неоднократно побывал в ней, всё разнюхал и разузнал. Сделать это было несложно, так как Максимке удалось втереться в доверие к проживавшей там семье. Те ничего не подозревали, потому как мальчик с детским лицом производил приятное впечатление благодарного человека, которого по просьбе общих знакомых, (не ведающих об истинных планах своего протезе) хозяин квартиры принял к себе на работу.

Максимка был убежден, что всё пройдет без сучка и задоринки. Так оно, собственно говоря, и вышло. Правда, не так чисто, как бы хотелось. Коллеги по работе волновались, и поэтому немножко перестарались. От удара топором по голове (по плану хозяина квартиры нужно было только слегка оглушить) череп раскололся на две части. Где лежат деньги и ценности, знал только хозяин (никому, даже жене, он не доверял местонахождение тай-

ника). В бешенстве господ неудачники порубили тело на части, затем взяли за жену бизнесмена. У нее на глазах по диагонали вспороли живот десятилетнему ребенку (он выжил), а затем засунули её изящные пальчики в электромясорубку. Женщина и рада была бы всё рассказать, но она действительно ничего не знала. Так ничего и не добившись, грабители ушли из квартиры, прихватив с собой ценных вещей и золотых побрякушек на 4 475 долларов США. Ехать в другой город не захотели — лень, пошли продавать шмотки на местный рынок. На сбыте вещей их и взяли.

Непосредственно у Максимки, в отличие от поделщиков, был шанс выкарабкаться на свободу — против него не было прямых улик. Однако нервы сдали, закосить под случайного прохожего не удалось, а грызня с бывшими дружбанами несказанно обрадовала блюстителей правопорядка. Те едва успевали, подпрыгивая от удовольствия, записывать показания арестантов друг против друга.

Позже, знакомясь с материалами уголовного дела, Максимка понял, какую возможность он упустил, но изменить что-либо было уже поздно. Заплаченные мусорам деньги не намного сократили срок парню. Несмотря на то, что следователь в последний момент снял с боксера соучастие в убийстве, свои девять с половиной лет усиленного режима Максимка всё-таки получил. Приговору суда мой (уже бывший) сосед по камере обрадовался — мол, могло быть и хуже.

— Самое трудное — отмотать первый срок, — философски изрек Максимка, трамбуя вещи в баул, предусмотрительно готовясь к отправке в лагерь, — потом будет легче.

Я с удивлением приподнялся на нарах:

— Ты что — всю жизнь собрался по тюрьмам да лагерям болтаться?

— Может быть, и не всю — жизнь длинная. На свободе-то всё равно делать нечего.

Я не стал спорить. Бесполезно. Каждый сам выбирает свой путь.

Люди — очень странные млекопитающие. Они ведут себя так, словно им жить, как минимум, лет триста нагадала цыганка. Дали десять, добавили восемь. Затем, по новой, лет двенадцать, так сказать, для разнообразия... Ничего не скажешь — веселенькая перспектива. Вся жизнь в вонючей, завшивленной клетке.

Не устаю поражаться тому, насколько разнится восприятие тюрьмы у тех, кто сидит за решеткой, от тех, кто смотрит на

тюремные стены со стороны. На днях мне от приятеля со свободы передали записку. Пишет, что завидует мне (!). Мол, у меня теперь так много свободного времени, что я наверняка в совершенстве выучу иностранный язык, и это пригодится на перспективу. Записка написана трогательно, но как-то по-идиотски. На воле я считал его умным человеком, теперь не пойму — то ли у него скрытая форма шизофрении, то ли человек до предела наивный. Много тут выучишь с таким очаровательным окружением, как у меня! Один Денис со своей неуравновешенной психикой чего стоит! (Хорошо хоть по природе своей пацан не из буйных, хотя и закрыли его за “мокруху”, при отягощающих да ещё “по предварительному сговору группой лиц”, руководство которой ему, как единственному совершеннолетнему из всей “группы”, и приписали). То с заточкой за кем-то по камере бегают, то в угол забьется и сидит там на корточках с утра до вечера, травку курит. Ему её добрый дядя следователь регулярно приносит, чтобы Денис побольше на себя квартирных краж взял и милицейскую статистику тем самым улучшил, аргументируя настойчивые просьбы тем, что Денискин срок за убийство якобы проглотит любые срока за воровство: “Тебе что так, что эдак — пятнадцать лет, как ни крути. Так что давай — соглашайся. Ты поможешь нам, мы поможем тебе. Условия создадим. Будешь сидеть припеваючи. А не согласишься... Сам должен понимать, что с тобой в тюрьме могут сделать за то, что вы девчонку изнасиловали и убили”.

На самом деле пятнадцатилетнюю малолетку из соседнего подъезда никто не насиловал. До того злосчастливого вечера девушка далеко не первый раз зависала вместе с Дениской и его друзьями то на одной квартире, то на другой и совершенно не возражала против групповухи. Так было и на этот раз. Денис привел соседку на хату к приятелю. Спустя какое-то время к ним присоединился шестнадцатилетний одноклассник хозяина квартиры. Выпили вчетвером две бутылки водки, запивая черниговским пивом. С подружкой неслабо повеселились — сначала по одному, затем все вместе. Есть что вспомнить.

Девчонка во всех отношениях оказалась смысленной. Пока пацаны после нее отдыхали, приготовила по-быстрому ужин на кухне. Не Бог весть какой, но под пиво бутерброды с рыбой пошли, как песня.

Всё шло хорошо до тех пор, пока подруга не засобиралась домой. Провожать её никто не собирался — куда идти? Время-то позднее, да и на улицу выходить полный облом. Хочет идти —

пусть идет, никто её не держит. Между тем такая постановка вопроса девушку почему-то не устроила:

— Раз не хотите проводить меня домой, дайте денег на такси.

— Вали на метро, — отозвался из туалета хозяин квартиры.

— Придурок, посмотри на часы — метро уже часа два как не ходит.

— Ты что, сука, — вежливо подключился к разговору одноклассник хозяина, — думаешь, тебе здесь кто-то обязан деньги платить?

Девчонка вспыхнула от злости:

— Ах так?! Да я на вас всех за изнасилование заяву подам. Будете на зоне кукарекать, жлобы вонючие.

Денис к разговору особенно не прислушивался — молча пил пиво в гостиной и смотрел телевизор. Пошумят — успокоятся. Не впервой.

У друзей, однако, точка зрения на слова подвыпившей подружки существенно отличалась.

— Ой, — заволновался хозяин, — да она нас и вправду посадит... — от него изрядно разлило спиртным. — Денис, может её того..? Пришить, а-а..?

Денису было всё равно — он пил пиво. Потому лениво отмахнулся:

— Шо хошь, то и делай. Не мешай телевизор смотреть.

Тот так и сделал. Дениса отвлекать от голубого экрана не стал, а вместе с одноклассником без особого труда задушил девчонку прямо в прихожей шнурком от ботинка. Денискина соседка была настолько пьяна, что совершенно не сопротивлялась, и судя по всему, так и не поняла, что делают с ней ее бывшие любовники.

Шнурок выбросили в мусоропровод. Тело затащили в ванную и там расчленили — отрезали кисти рук и голову, решив закопать их отдельно. Кому первому пришла идея что-либо отрезать и зачем, никто из троицы впоследствии объяснить так и не смог.

Денис наконец-то заинтересовался тем, что происходит в квартире. С бутылкой пива в руке зашлепал босыми ногами по направлению к ванной комнате. Друзья тем временем заканчивали отрезать голову кухонным ножом. Тем самым, каким девушка сорока минутами ранее нарезала бутерброды возле плиты.

— Может, поможешь? — устало поинтересовался одноклассник хозяина.

Денис поставил пустую бутылку возле двери:

— Ну вас на х... Я пошел яму копать.

Если бы не тюрьма, месяца через два Дениску наверняка бы призвали в вооруженные силы, а так, увы, не сложилось. Сухопутные войска потеряли ценного кадра. За каких-то неполных полчасика Денис вырыл две метровые ямы на детской площадке при помощи мусорного совка и крышки от кастрюли. Тело вынесли, завернув в старое, висевшее на балконе одеяло, и вместе с ним закопали, а ванную аккуратно помыли. На едва различимые пятна крови в подъезде никто из соседей внимания не обратил. Мало ли кто мог краску разлить? Вернувшиеся в воскресенье вечером с дачи родители парня, на квартире которого произошло убийство, также ничего подозрительного не заметили. Родственники девушки, постоянные клиенты местного вытрезвителя, особо не волновались:

— Где-нибудь загуляла. Дело молодое. Протрезвеет — придет.

Кухонный нож вернулся на свое обычное место — в шкафчик рядом с плитой.

Казалось, пацанам повезло. Ни свидетелей, ни следов. Никому в голову не пришло, что ребята способны на подобные вещи. Может быть, им и сошло всё с рук, если бы они сами обо всем не растрепали. Уж слишком много и многим пацаны рассказали о своем “подвиге”. Очевидно, в глазах сверстников им хотелось казаться “крутыми”, некими героями из западных фильмов.

В первые месяцы заключения Денис чувствовал себя вполне комфортно и, подобно Максимке, не сильно отчаивался по поводу тюремного срока:

— Посижу в тюрьме. С кем не бывает? Зато в армию не пойду.

Денис ещё не знал, что его ждет впереди и что с ним сделают сокамерники на столыпинке², куда он попадет после вынесения приговора.

Восприятие понятий “преступление” и “преступник” существенно отличаются в зависимости от того, где находится человек — на свободе или в тюрьме. В тюремной камере как-то не задумываешься над тем, что тот страшный и кровожадный Джо, о котором

² Столыпинка, Катенька, Кучмовка и т. п. — корпуса Лукьяновской тюрьмы, названные в честь известных государственных лиц.

взахлеб пишут газеты и чьи злодеяния показывают по телевизору, — это твой сосед по камере, веселый и добродушный Вася, мирно грызущий плитку шоколада.

За решеткой переоценка ценностей происходит достаточно быстро. Ты как бы перешагиваешь невидимую грань и попадаешь в иное измерение жизни. То, что тебя могло шокировать раньше, теперь воспринимается, как самое что ни на есть будничное явление. Незаметно привыкаешь к мысли, что убивать — естественно, и убийство само по себе вполне заурядное дело. Люди всегда убивали друг друга и будут убивать, пока существуют.

Вот только жаль, что наше нынешнее восприятие мира после выхода из мест заключения не сможет измениться, как по мановению волшебной палочки, в обратную сторону. Ты, как и я, уже никогда не сможешь, как прежде, беспечно и легко смотреть на окружающий мир.

Я всматриваюсь в лица заключенных и вижу: по своей внутренней сути те, кого на страницах газет называют преступниками, ровным счетом ничем не отличаются от заурядных среднестатистических граждан, коротающих вечера возле телеэкрана в рваных домашних тапочках. Все люди и разные, и одинаковые одновременно. Человек относится к животному миру, это высокоразвитое, думающее животное класса млекопитающих. Чрезмерно идеализировать его, любовно сдувая пыль с исторических хроник, — опасно и неразумно.

В тюрьме проблем хватает по горло. Ещё больше их появляется, если где-нибудь по соседству поселяется провокатор. Вычислить этих тварей, как правило, достаточно просто — это довольно таки шумные арестанты, постоянно науськивающие заключенных друг на друга. Провокатор всегда кричит громче всех, но в случае чего он, естественно, “не при делах”.

Чаще всего на роли провокаторов опера выбирают прибалтенную пацанву, которая относит себя к людям “знающим” и “разбирающимся” в тонкостях “тюремных законов”. Таким легче подбить других заключенных на нужные для тюремной администрации действия.

Цели, которые преследуют провокаторы, всегда очевидны. Во-первых, тюремщикам совершенно не нужно единство среди заключенных. Старое, как мир, правило “разделяй и властвуй” успешно работает среди тюремного стада. Пока заключенные разбираются друг с другом, выясняя, кто есть кто и по каким поняти-

ям кто живет, опера, наблюдая за арестантами со стороны, тихо-нечко посмеиваются, потирая от удовольствия руки: ведь чем больше заключенные грызутся друг с другом – тем легче манипулировать ими. Если даже во время выяснения отношений кто-то из арестантов копыта откинёт – ничего страшного. Пожурят надзирателя за то, что он чего-то там недосмотрел и переведут бродить по коридору на соседний этаж. Зато общество вздохнет с облегчением, и мусорам в будущем будет меньше работы.

Во-вторых, среди заключенных время от времени попадают вредные экземпляры, которые принципиально не желают идти ни на какие контакты с представителями правоохранительных органов. Последним подобное поведение явно не по душе. Возникает задача сделать контактным интересующий следствие объект в тюремной фуфайке. Для её реализации существует несколько вариантов сценария, ведущих к одному и тому же финалу – упрямец должен ломануться к мусорам. Один из наиболее популярных вариантов для выполнения поставленной задачи подразумевает использование провокатора, которого подсаживают в камеру к интересующему объекту. Пока мусора прессуют объект снаружи, провокатор создает сокамернику “условия” внутри камеры, натравливая на него других арестантов и подставляя его на каждом шагу.

Один такой красавец полтораметрового роста как-то заехал к нам в камеру с двумя толстыми стопками книг под мышками. Книги он, естественно, не читал и читать не собирался. Они ему служили в качестве антуража, так сказать, для создания образа “думающего” и “знающего” арестанта. По крайней мере, фразы типа: “Достоевский – мой любимый писатель” звучали в тюремной среде глубокомысленно, и, учитывая обстановку, несколько необычно. Какой для него Достоевский “любимый”, я понял сразу, лишь только увидел, как благодарный читатель стирает с ботинок пыль “Преступлением и наказанием”.

Первые дней пять вновь прибывший пассажир (по тюрьме он уже болтался полтора года) внимательно присматривался к сокамерникам, активно втирался в доверие к тем, кто посильнее и пошустрее. К концу недели полтора метра освоился в новой камере и начал исподтишка науськивать заключенных друг на друга. Сам же провокатор всё время старался держаться в стороне, мол, – “это всё они, я здесь ни при чем”, и при малейшем же обострении обстановки мгновенно перемещался на безопасное расстояние, подливая масла в огонь из-за чьей-то спины.

Не прошло и недели, как арестанты основательно переругались между собой. Атмосфера в камере и до того была напряженной, теперь же тучи сгустились весьма основательно. Одни старались не спускаться с нар и сутками лежали, завернувшись в одеяла. Другие молча затачивали железные прутья.

Камеру ненавязчиво перетасовали. Кое-кого убрали, кое-кого добавили. Полтора метра был доволен перестановкой и обнимался с “живущими по понятиям” единомышленниками³, которые, как позже выяснилось, оказались бывшими сотрудниками милиции, промышлявшими на свободе вымогательством и грабежами. Туповатые, но физически хорошо подготовленные исполнители.

Первое, что они сделали, так это поменяли смотрящего. Молодого парня, на протяжении последних месяцев следившего за порядком в камере, загнали на парашу и выломали из хаты, чтобы не мешал и не путался под ногами. На его нару тут же перебрался полтора метра. Он и иже с ним радости не скрывали. Видно было, что подготовительную работу они уже проделали, теперь ждали дальнейших инструкций.

Я продолжал жить, как жил – активно тренировался по несколько часов в день, учил иностранные языки, читал книги. Вместе с тем, концентрировать внимание на отвлеченных предметах становилось всё тяжелее и тяжелее – мысли постоянно возвращались в тюремную камеру. Все понимали – готовится удар против одного из арестантов. Я попытался проанализировать, в честь кого разыгрывается весь этот спектакль, но ни к чему утешительному в результате раздумий так и не пришел. Просматривалось только две кандидатуры – я и хлопец из Василькова, арестованный за убийство и наотрез отказавшийся давать до суда какие-либо показания в ходе предварительного следствия. У меня были веские основания думать именно так. Тем более после того, как всех тех, с кем сложились дружеские отношения и кто бы мог оказать мне поддержку, перебросили в другие камеры.

Ещё раньше у меня появилась привычка мгновенно просыпаться при приближении человека и спать, принимая такое положение, чтобы не дать нападающим скрутить себя во время сна. Я

³ После выхода на свободу мне представилась возможность полистать личные дела бывших сокамерников. Интересно ведь было узнать, кто кем был на самом-то деле. Продажность украинской милиции имеет не только отрицательные, но и положительные стороны. За деньги сотрудники правоохранительных органов готовы добыть и принести любые материалы и документы.

знал, что могу рассчитывать исключительно на свои собственные силы. Ситуация отягощалась ещё и тем, что нападавших могло быть от пяти до восьми человек. Я лежал на спине с полузакрытыми глазами и думал над тем, как в случае возникновения реальной угрозы перехватить инициативу и какой лучше всего нанести удар, чтобы отбить всякое желание связываться со мной, и при этом не раскрутиться на дополнительный срок.

Развязка наступила неожиданно. Как оказалось, провокация готовилась против дяди Гриши. Что-то у них там, наверху, не сложилось, и они решили прессануть Степаныча прямо в камере. Нас же хотели прощупать, так сказать, в профилактических целях. Однако, Судьба распорядилась иначе. Буквально за пару часов до того, как Григорию Степановичу должны были переломать ребра и выломить из хаты, повесился Юра. Камеру разбросали.

К счастью для подследственных, в Лукьяновской тюрьме приходится иметь дело не с профессионально подготовленными провокаторами, а, если можно так выразиться, — с дилетантами, натаस्कанными на скорую руку, использующими самые примитивные, стандартные, а потому легко просчитываемые схемы, и произносящими обычно одни и те же заученные фразы.

Провокаторы — очень любопытные люди. Они во всё лезут, им до всего есть дело. Именно провокаторы чаще всего спрашивают, кто ты по жизни — мужик или пацан, поддерживаешь или нет воровскую жизнь и прочее, прочее, прочее... Мол, хотим знать, с кем имеем дело (словно со стороны не видно, кто кем является) и как к тебе относиться.

Когда начинаешь анализировать все эти вопросы в совокупности, а не отдельно друг от друга, вдруг начинаешь понимать — это как раз то, что хотели узнать у тебя мусора. Между тем *подобные вопросы совершенно неуместны в следственной хате.* (Конечно же, если ты на свободу выходить не собираешься и планируешь остаток жизни провести за решеткой, то кричи во всю глотку, что ты блатной, поддерживаешь воровское движение, мечтаешь стать вором в законе и героически подохнуть с пулей в затылке). Любое неосторожное слово в преддверии суда может привести к непоправимым последствиям. Что же касается ответов на вопросы не в меру любопытных сокамерников, то пока ты не осужден, они могут быть только такими: мы все невиновны, мы все случайно попали в тюрьму, никто из нас ни о чем понятия не имеет. Кто есть кто, разберемся позже, в лагере, после вынесения приговора.

Конечно, каждый арестант по-своему реагирует на заданные ему вопросы о смысле тюремного бытия. Те, кто в сознанке, обычно охотно вступают в беседу. Другие, изображающие из себя невинных овечек, сразу замыкаются в себе и уходят от прямого ответа.

Когда я пишу эти строки, в памяти всплывает не обезображенная интеллектом физиономия бледного пассажира лет сорока двух, с которым я провел в одной камере около трех месяцев. Не знаю, как он воспринимал меня, но лично я считал его непробиваемым идиотом. Бледнолицый вел себя так, что ни у кого не было ни малейшего желания что-либо выпытывать у него. Все понимали, что сие безнадежно — дурак дураком, хорошо хоть не буйный. В день, когда камеру разбросали, мы стояли в тюремном коридоре в ожидании попкаря, зная, что наверняка попадем в разные хаты, а там одному Богу известно — свидимся ли когда-нибудь ещё или нет.

Мы сидели на скатках и разговаривали. Сказать, что я был поражен — всё равно, что не сказать ничего. Я уже и не помню, когда встречал такого умного и проницательного человека, обладавшего, к тому же, феноменальной памятью. Ходячая энциклопедия да и только. Как я мог раньше не догадаться, что тупое выражение лица было всего-навсего маской, а манера поведения внутри камеры — не более, чем умелой игрой?

В тюрьме каждый человек сам решает, как ему жить и выстраивает линию поведения в соответствии с поставленной целью. Кому-то больше нравится править, кому-то пресмыкаться. Что поделаешь — таковы люди. Одно могу сказать, в тюрьме:

- не принято навязывать другим собственную точку зрения. Не торопись осуждать сокамерников, если они живут не так, как тебе бы хотелось. Каждый человек обладает свободой выбора. Как он ею распорядится — его сугубо личное дело;
- не бойся. Бояться глупо, от предначертанного всё равно не уйти;
- ничего не проси. Живи в тюрьме независимо, жизнью, достойной свободного человека.

ТЮРЕМНЫЕ ИГРЫ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ

*“...Скука — микроб, что и в душу проник.
Кровь, палач да гаишиш — ей другого не надо...”
Шарль Бодлер*

Теоретически любое живое существо стремится максимально, насколько это возможно, увеличить расстояние между датой рождения и датой смерти. На словах все хотят жить долго и счастливо. Ни разу не помню, чтобы кто-то на Дне рождения пожелал близкому человеку, а тем более — самому себе, побыстрее вернуться в небытие. Скорее наоборот — нескромная мысль пережить всех окружающих с годами превращается в навязчивую идею.

Впрочем, теория на то и теория, чтобы отличаться от практики. Количество самоубийств на Украине, согласно сухим статистическим цифрам, растет изо дня в день, а те, кто не являются сторонниками кардинального решения вопроса: “Быть или не быть?”, — угрюмо слоняются из угла в угол, прикидывая, чем бы себя занять и тем самым ускорить приближение к финишной ленточке. Кто знает — может быть, где-то на неведомых просторах и мечтают дожить до двухсот, но только не на моей исторической Родине. Здесь многие граждане отрезок жизни в пятьдесят лет воспринимают не иначе, как наказание Господне. Куда уж больше, и главное — во имя чего?

В тюрьме вопрос, как **убить** свободное время, невесть откуда свалившееся на голову, стоит особенно остро. Здесь минуты и часы тянутся невероятно медленно, словно липкий кисель, лениво переливаемый кем-то на Небесах из бесконечности в бесконечность. Наверное, нечто подобное испытывает человек, привыкший ездить на больших скоростях, и которого вдруг пересадили со спортивной машины на сельскую телегу. Невозможно сравнивать двадцать четыре часа, проведенные за решеткой, с двадцатью четырьмя часами свободы — это совершенно разные измерения времени. Бывшим “друзьям”, на чью помощь ты рассчитывал сдурю, подобные мысли в голову не приходят. У них день заканчивается через несколько мгновений после того, как начинается — только и успевают дух переводить. Даже если тебе суждено отси-

деть по максимуму, лет пятнадцать-двадцать, то первое, что они скажут, увидев тебя после отсидки, будет: “Как быстро ты вышел,” — или нечто вроде того. Могут совершенно искренне добавить:

— Я как раз собирался к твоим зайти — узнать, как дела.

Собирался, но не зашел. Бывает. Порой путь в двадцать лет оказывается короче десяти минут ходьбы от одного дома к другому.

Ещё один день отгорел, ещё один, ещё... Сколько их будет ещё, этих серых, однообразных дней, наполненных тревожным ожиданием и невообразимой скукой? Жаль, что не получается провалиться в летаргический сон и проснуться свободным вдали от тюремных стен. Каждый из нас, кто находится по эту сторону колючей проволоки, не раз обращался к Господу с просьбой ускорить бег времени, чтобы годы в неволе пролетели как можно скорее.

Большинство арестантов ещё не готово к тому, чтобы отказаться от всей своей жизни, но они уже отказываются от нее по частям, разделяя жизненный путь на тот, который “нужен”, и который “не нужен”. Я смотрю, что и ты начинаешь наивно верить в иллюзию, будто бы после освобождения всё будет джаз, главное — выйти. Что же касается “ненужного” куска жизни размером в несколько лет (или десятков лет), то ты готов его хоть сейчас выбросить на помойку.

Как странно бывает, правда? На свободе люди мечтают, словно белки в колесе. Им постоянно не хватает времени, они всегда куда-то спешат. В критические минуты за каждое мгновение цепляются мертвой хваткой, но едва им удастся его заполучить, как тут же, без раздумий, бросают вырванный из лап смерти осколок жизни в беспорядочный огонь суеты.

В тюрьме всё наоборот — времени сколько угодно. Заключение и рады бы подарить кому-нибудь не то что минуты — годы(!), но ещё не придумали как. Невольно начинаешь завидовать тем счастливицам, которые умудряются сутками висеть на вонючих тюремных нарах, изредка выбираясь из забвения, чтобы набить желудок тюремной баландой, сходить на парашу и вновь завалиться спать. Прямо как мишки во время зимней спячки. Сопят себе носиками, окружающим не мешают. Вот только жаль, что далеко не все из них чистоплотны.

Одного такого пассажира, сорокалетнего Сережу, пришлось чуть ли не силой, под угрозой физической расправы, заставить

стирать нательное белье, которое он не снимал с себя, по-моему, никогда. Когда Серж таки сбросил с копыт носки, сокамерники всерьез засомневались в правильности принятого решения — до начала водных процедур носки на Серге воняли значительно меньше. Посуду после еды он, кстати, также принципиально не мыл, аргументируя это тем, что ест он исключительно из своей индивидуальной миски, следовательно, то, в каком она состоянии, — его сугубо личное дело. Занятно было со стороны наблюдать, как баландер наливает свежую похлебку на уже успевшие покрыться легким слоем плесени вчерашние остатки еды.

После стирки Серега переоделся в чистое и выпал на тасы, не переставая возмущаться, как он выразился, “нарушением прав человека”:

— Пацаны, вы мне весь сон перебили. Чё теперь делать?

Признаться, нытьем Серж достал нас не меньше, чем нестиранными носками. Тем более, что ворчал он теперь всё время, спать в чистом у него почему-то не получалось.

— Что делать? Что делать?

Психанул Костлявый, коротавший срок за разбой:

— Даже Чернышевский не знал, что делать, потому-то и книгу написал под таким заглавием. Лезь обратно на пальму, не воняй перед носом.

— Ты чё, мусор, шоб указывать мне? — возмутился Серега, укорачивая ногти на пальцах путем обгрызания и сплевывания их в парашу.

Костлявого сравнение с мусором глубоко оскорбило. Литровый тюремный тромбон с кипятком опустился Сереге на голову. Тот, взвизгнув как баба, вцепился Костлявому в глотку. Сокамерники на нарах радостно заворочались — какое-никакое, а развлечение. Такой себе светленький лучик в царстве беспробудной Тоски. Будет о чем поболтать на протяжении двух-трех недель, пока опять что-нибудь не случится.

Как ни крути, а внешняя сторона тюремной жизни невероятно бедна. Если выбросить из нее занятия спортом и чтение, то не приходится удивляться тому, что многие арестанты воют на лампочку под потолком, как волки на луну. Развлечений-то никаких, а тюремные игры можно пересчитать по пальцам.

На Лукьяновке, в отличие от подольского КПЗ, разрешено играть в шашки и шахматы. Сиди себе спокойно и играй, если,

конечно, повезет с партнером, потому как в шашки играть любят далеко не все, а что касается шахмат, то их не зря называют интеллектуальной игрой. С интеллектом же, как ты сам понимаешь, в тюрьме напряженка. Сокамерники, с которыми по-настоящему было бы интересно играть, встречаются чрезвычайно редко. Пожалуй, за всё время я столкнулся только с одним таким человеком.

Когда я сидел в ИВС на Подоле, к нам в камеру бросили на несколько дней дедулю, игравшего в шахматы, как минимум, на уровне мастера спорта. Тихий седовласый старичок, по профессии — учитель пения. Когда мы его впервые увидели, то у всех невольно вырвалось:

— Дедуля, а тебя-то за что?

Старичок грустно вздохнул и, ангельски потупив взор, высокопарно изрек:

— Я жизнь посвятил школе и детям. За это и поплатился. Пал жертвой интриг.

После такого ответа я сразу же почувствовал себя сидящим за школьной партией. Захотелось встать и спеть гимн Советского Союза.

Лица сокамерников погрустнели. Появление скромного учителя пения не предвещало ничего хорошего. Слишком уж не вписывался в местные декорации педагог, “посвятивший себя школе и детям”. Грешным делом мы заподозрили в нем сексуального маньяка-некрофила. Внешность дедули по всем параметрам вписывалась в категорию граждан-тихонь, способных из любви к искусству прикончить домочадцев, а затем, превратив дорогих сердцу людей в гобелены, развесить их на стенах. Так сказать, на долгую память.

Вместе с тем, оказалось, что дедуля совсем не маньяк и очень даже преприятнейший в общении человек. Заточенной об дверной косяк ложкой мы вырезали на деревянном настиле, служившем нам одновременно и кроватью, и полом, шахматную доску, а фигуры нарисовали на кусочках бумаги. Поначалу ничего не получалось — мы постоянно путали фигуры и не могли сосредоточиться на игре, затем привыкли к “временным” неудобствам и играли так, словно это были обычные шахматы.

Не знаю почему, но надзирателям совершенно не нравилось то, что мы играем в шахматы. Видите ли, это запрещено тюремными правилами. Они что-то там орали из-за двери по поводу

карцера, грозились лишиться передачи, а во время утренних обысков отбирали “шахматные фигуры”. Мы рисовали фигурки по новой и, как ни в чем не бывало, продолжали играть. На крики сторожевых псов учитель пения реагировал на удивление спокойно:

– Собака лает, а караван идет. Расставляй фигуры. Нашли кого карцером удивить!

Затем, после нескольких ходов, добавил:

– Подумать только – эти кретины сидящих в тюрьме пугают тюрьмой! Натуральные дегенераты!

Агрессивная, рискованная манера игры дедули совершенно не соответствовала ни его внешности, ни поведению в камере. Очевидно, она была отражением скрытых черт характера. Тщательно спрятанных от посторонних глаз и невидимых во время ежедневного общения. Помню, однажды, когда дедуля поставил мне мат, я заметил на какую-то долю секунды странный блеск в бездне его глубоко посаженных глаз. Такой взгляд невозможно было перепутать с другим. Он брал начало в глухих лабиринтах человеческого естества и лишь изредка, на короткое время, выскальзывал наружу. Это был взгляд сильного, уверенного в себе хищника. Незачем было смотреть на доску, чтобы понять, кто выиграл, а кто проиграл – взгляд, высокомерно скользнувший по камере, сам сказал обо всем.

Дедуля не лгал, когда говорил, что посвятил жизнь школе и детям. Он в натуре работал преподавателем в общеобразовательной школе. Обладая несколько романтическим складом ума, учитель пения втайне мечтал состариться и умереть на рабочем месте. Подобно актерам, умершим прямо на сцене во время спектакля и обязательно при большом скоплении народа.

Однако директор школы на сей счет был совершенно иного мнения, и как только учитель пения достиг почтенного возраста, как его тут же с почетом вытурили на пенсию. Всевозможные мольбы и долгие, тягостные разговоры о том, что “...я ещё полон сил и без учеников мне не жить...” ни к чему не привели. Директор взял на освободившееся место свою любовницу – симпатичную выпускницу консерватории, а бывшему коллеге четко и ясно сказал, что пора отдохнуть и “...пожить в свое удовольствие...”, а в случае чего – “... займитесь репетиторством или выращиванием помидоров на приусадебном участке...”.

Чего-чего, а подобного поворота событий учитель пения никак не ожидал. Он свято верил в то, что без него данное учебное заведение существовать просто не сможет. Однако, стены не рухнули, потолок не обвалился, а ученики и коллеги восприняли отправку старика на пенсию как нечто само собой разумеющееся.

Жизнь для уже бывшего учителя потеряла смысл, вкус и цвет. Он по привычке, сложившейся за долгие годы, вставал в одно и то же время и шел на работу. Часами бесцельно слонялся по школьным коридорам или простаивал в приемной директора с одной и той же просьбой – взять обратно на работу. Хотя бы на полставки, на любых, каких угодно условиях. В ответ – гробовое молчание. Более того, он настолько надоед своими жалобами, что директор в достаточно резкой форме дал указание вахтеру и близко не подпускать не в меру настойчивого пенсионера к школьному порогу. После двух-трех малоприятных сцен в вестибюле (к тому же, в присутствии учеников) дедуля, казалось бы, угомонился. По крайней мере, в школе его больше не видели.

Спустя две недели тело директора школы нашли в сквере неподалеку от дома, где он регулярно, каждое утро, выгуливал ярко-рыжую таксу. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, смерть наступила в результате удушья. Как утверждали свидетели, во время прогулки к директору подошел пожилой человек невысокого роста. Директор не имел ни малейшего желания что-либо с ним обсуждать, а потому демонстративно повернулся к подошедшему спиной, давая тем самым понять, что разговор окончен. Собеседник спорить не стал, неторопливо снял с себя замусоленный галстук и так же неторопливо набросил его со спины на шею владельца бегающей по скверу таксы. Свидетели, издали наблюдая за разыгравшейся сценой, не сразу осознали, что в действительности произошло у них на глазах.

Между тем пожилой человек усадил директора на скамейку и, устало стряхнув со лба пот, удалился прочь. Такса лениво улеглась на землю возле ног хозяина, флегматично уткнув нос в его начищенные до блеска ботинки.

Гулявшая поблизости тощая хозяйка такого же тощего добермана с нескрываемым любопытством приблизилась к скамейке, долго глядявалась в лицо сидящего мужчины, а затем истерически заорала: “Человеку плохо! Валидол! У кого есть валидол?”. Как полагается, собралась толпа зевак. Примерно через час приехала скорая, а ещё через часа полтора у входа в сквер замелькал цвето-музыкой милицейский бобик.

Под конец вторых суток расследования обстоятельств происшедшего героические поиски блюстителей правопорядка увенчались успехом. Личность пожилого человека была установлена, и в тот же вечер учитель пения, “павший жертвой интриг”, расположился рядом со мной на дощатом настиле в тюремной камере. Правда, пробыл дедушка с нами недолго. Его забрали к концу недели так же внезапно, как привели. Однажды утром, во время завтрака, дедулю заказали без вещей, судя по всему — на допрос. Больше мы его не видели.

На подольском КПЗ, когда перебрасывают из одной камеры в другую, обычно заказывают арестантов с вещами. Иногда могут вызвать и без вещей, но тогда надзиратель забирает их через несколько часов или, в исключительных случаях, в конце дня. Что же касается дедулиного кулька с броской надписью “Coca-Cola”, то он простоял в камере более полутора суток. Мне долго не давала покоя мысль, почему кулек забрали не сразу, не в тот же день? Не только от самого старика, но и от его вещей веяло холодом и странной, необъяснимой тревогой.

Можно только гадать, почему правила и порядки в одной тюрьме столь разительно отличаются от правил и порядков в другой. Складывается впечатление, что все эти заведения подчинены разным ведомствам, а не одному. Ума не приложу, чем шахматы не угодили местным царькам на Подоле. На Лукьяновке играй в них сколько угодно. Было бы с кем.

Другое дело — карты. Здесь тюремщики единодушны. Если во время обыска находят самые обычные карты, продающиеся на свободе в любом киоске — крику, вони, разговоров... Откуда, чьи, кто принес в камеру? Кто с кем играл и на что? Ой, взй! Одним словом, жди неприятностей вплоть до карцера и отбития селезенки. Чего они так взъелись на карточные игры? Чем им не нравится, к примеру, рамс, терц, деберц, сека, покер или, скажем, преферанс? Может быть, потому, что с мусорскими мозгами они даже в дурака толком-то играть не умеют? Что поделаешь — бывает. Чем больше наблюдаю за мусорами, тем больше убеждаюсь, что слово “мусор” и слово “мент” вовсе не обозначают профессию гуманоида. Это диагноз, указывающий на количество и качественное состояние мозговых извилин в черепной коробке человекоподобного существа.

Однако вернемся к карточным играм. В человеческом сознании карты прочно ассоциируются с антисоциальными элементами.

Почему-то принято считать, что в карты играют исключительно шулера, ворье, тунеядцы и хулиганы, и ни к чему хорошему подобное времяпрепровождение не приводит.

Отчасти в этом есть некий смысл. Карты — игра азартная. Практически всегда играют “под интерес”. Примеров, когда, казалось бы, умные люди проигрывали за вечер целые состояния и попадали в немыслимые долги, — сколько угодно. К тому же переиграть профессионала практически невозможно. Профессионал на то и профессионал, он так готовит и выстраивает игру, что мяч в ней всегда залетает в одни и те же ворота.

Помимо шахмат и карт в тюрьме можно увидеть, как заключенные играют в домино (козел, телефон, дуб), в нарды (длинные, короткие, бешенные), в кости (тысяча, покер). Во все вышеперечисленные игры играют как под интерес, так и без такового. Вместе с тем не следует расслабляться, если садишься играть без интереса. Игра — штука опасная. Смотришь — сел лох играть без интереса, а под конец игры уже самого себя проиграл. Слишком много придумали люди друг для друга капканов и всевозможных заманух, чтобы технично запрессовать намеченную жертву. Да что говорить? Король Баварии Максимилиан II был свергнут с престола в 1704 году за то, что он на досуге проиграл в бильярд государственную казну.

В зависимости от того, против кого конкретно идет игра, капканы могут быть расставлены изощренно и продумано — в одних случаях, примитивно до неприличия — в других. Помню, как один пассажир, назовем его Васей, арестованный за угоны автомобилей, сел играть в нарды без интереса. Сыграли одну игру. Он выиграл. Вторую сыграли. Он проиграл. Вдруг выигравший объявил, что обговаривали играть без интереса только первую игру, все остальные игры идут под интерес, и Вася ему уже должен. Стоящие рядом свидетели дружно закивали, что выигравший однозначно прав и нечего здесь возмущаться напрасно. Вася не на шутку разозлился и, считая себя крупным специалистом по нардам, от большого ума сел играть дальше, чтобы наказать сокамерника. Однако сокамерник почему-то больше не проигрывал, а Василий играл до тех пор, пока в конце концов не понял, что проигрывать ему уже давным-давно нечего и до конца тюремного срока ему суждено гнить где-нибудь, а на параше. Не сильно радостная перспектива для парня, который ещё вчера бахвалился “подвигами” на свободе и разглагольствовал о том, что у него есть все данные стать лет через пять, как минимум, вором в законе.

Игра — штука опасная не только для самих игроков, но порой и для тех, кто находится рядом. Неписанные правила тюрьмы гласят: в чужую игру влезать нельзя. Некоторые арестанты, из когорты любителей раздавать умные советы, забывают об этом, а потом не знают, как отбиться от свалившихся на голову неприятностей. Не имеет значения, кому такой умник дал совет — победителю или проигравшему. При любом раскладе советчик будет виновен в проигрыше одного из игроков, а так как они играли под интерес, то советчик и должен платить по счету.

Естественно, любителю давать бесплатные советы такая постановка вопроса не нравится, он начинает возмущаться, высказывать недовольство. Слово за слово... В конечном счете выясняется, что за всё нужно платить — за “бесплатный” совет, за любое неосторожное слово, невзначай брошенное в перепалке.

Подобные истории, похожие, как две капли воды, случаются довольно часто. Чаще всего — случайно, реже — игроки сознательно разводят сокамерника, втягивая его в игру. Обычно им в этом помогает кто-то из приятелей, играющих роль посторонних наблюдателей. На начальном этапе их задача состоит в том, чтобы заинтересовать предполагаемую жертву игрой. В таких случаях вокруг игры создается много шума, возни и суеты, да так, что не обратить на происходящее внимание в тесном каменном гробу практически невозможно. Когда первоначальная цель достигнута и жертва стоит неподалеку, наблюдая за игрой, к делу подключается провокатор. Его задача состоит в том, чтобы жертва сказала об игре или об одном из игроков хоть что-то, за что можно было бы ухватиться. Например, (если играют в шахматы) у потенциальной жертвы вырывается: “Я бы пошел конем”. Брошено вскользь и, может быть, даже совершенно безотносительно к данной игре. Однако один из игроков тут же ходит конем. Второй начинает орать:

— Ты чего подсказываешь, я что ли с тобой играю?

Посторонний наблюдатель (или наблюдатели) сочувственно начинает кивать головой:

— Зря ты в игру влез.

Арестант начинает объяснять, что он никому не подсказывал, а вмешиваться в игру — у него и мыслей таких не было. В ответ слышит:

— Ты не съезжай. Влез в игру — отвечай!

И какая-то мелкая шавка пропищит, выглядывая из-за чьей-то широкой спины:

— По всей строгости тюремных законов!

И начинается...

Если абстрагироваться и посмотреть на ситуацию как бы со стороны, то видишь, что в тюрьме ничего принципиально нового не придумали. Что за решеткой, что на свободе — мало кого обрадует, если кто-то влезет в игру или вклинится в чужой базар, однако на воле, в отличие от тюрьмы, подобное поведение чаще всего сходит с рук. Существует масса причин, по которым среднестатистическим гражданам на свободе неловко делать замечания окружающим, ляпающим языком по поводу и без такового. То ли в силу воспитания, то ли боясь испортить отношения, казалось бы, “из-за ерунды”. Впрочем, даже если окажется, что происходящее вовсе не чепуха и кое-кому, судя по всему, таки надо ответить за слова, излишнее любопытство или полезные советы, у виновной стороны есть шанс пусть с позором, но ретироваться с места событий.

Другое дело тюрьма. В тюрьме уходить некуда. За спиной максимум два-три метра пространства и многометровые тюремные стены. Здесь можно рассчитывать только на Господа Бога и на свои собственные силы. Ломиться к мусорам под улюлюканье сокамерников, умоляя, чтобы перевели в другую камеру — глупо, унижительно и, по большому счету, ничего не решает. Тюрьма маленькая, новости в ней разносятся быстро. Таким путем ещё никому не удавалось слинять в сторону. Более того, те арестанты, которые шли на такой шаг, до конца срока попадали в зависимость к операм, становясь, в лучшем случае, заурядными стукачами. В какую бы камеру ломовые не попали — им уже не приходится рассчитывать на уважение со стороны сокамерников со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Я уже отмечал — жизнь в тюрьме патологически гипертрофирована. В бетонном гробу самое незначительное происшествие может вырасти до события вселенского значения. В тюрьме муха раздувается до размеров слона достаточно быстро. Был бы повод. Что уж говорить, если скучные тюремные будни вдруг и вправду разрезает нечто неординарное. Например, внезапная гибель соседа по камере, к которому как-то уже и привыкнуть успел, или появление на горизонте не в меру колоритного пассажира, в результате

чего одни заключенные начинают периодически харкать кровью, а другие расцветают, словно майские розы после весеннего ливня.

Дни за решеткой похожи друг на друга, как капли воды на ржавой тюремной решетке. Месяцы спрессовываются в памяти в один или в несколько дней, словно ты провел в тюрьме не годы, а совершенно незначительный отрезок времени. Впрочем, ничего удивительного в этом явлении нет — человеческая жизнь измеряется не количеством дней в календаре, а тем, *как, чем и насколько* она наполнена. Вот и получается, что некоторые пассажиры, если измерять их жизнь сухим подсчетом прожитых лет, живут достаточно долго, но на самом деле их, казалось бы, длинная жизнь — всего лишь сущий пустяк.

За решеткой выходные дни и праздники навевают на арестантов ещё большее уныние, чем обычные будни. В рабочие дни хоть что-то да происходит — на допросы тягают, из камеры в камеру перебрасывают, в дурку на медкомиссию могут свозить. Хоть и плохонькое, но развлечение. А в выходные и на праздники — хоть волком вой, в коридорах не слышно возни, в общем — никакого движения. К тому же пессимисты начинают тоску нагонять воспоминаниями о том, как они на воле праздники отмечали, словно, их сентиментальные рассказы кому-нибудь интересны. Тьфу! Слушать противно.

Другое дело — Новый год. Это тебе не какой-нибудь там День Независимости и даже не майские праздники. Тут есть о чем вспомнить. За трое суток до новогодней ночи такое движение по тюрьме начинается, что крышу срывает. Санта Клаусы врываются в хату с обысками через каждые полчаса. Попкарь постоянно висит на глазном. Активно блюдут, дабы в камере не появилось нечто недозволенное (наподобие водки и наркоты), а заодно высматривают — что бы да слямзить у арестантов. Знают антихристы, что накануне Нового года родственники заключенных готовят передачи побогаче и какой-нибудь подарок стараются вложить: одни — теплые домашние носки, другие — красивый спортивный костюм. В зависимости от фантазии и материального состояния оставшихся на свободе.

Чем ближе бой курантов — тем лучше настроение у тюремного персонала. Кое-кто из надзирателей уже не вполне устойчиво передвигается на ногах, но при этом бдительности не теряет — скачивается многолетний опыт работы. Всё, что можно было ото-

брать, у заключенных давно отобрали и раздеребанили между собой, а теперь лениво расхаживают по тюрьме, как те павлины по зоопарку. Фуражка на затылке, грудь колесом, морда красная — типичные представители украинских правоохранительных органов.

Не знаю, как кому, но мне раньше не приходилось встречать Новый год в столь специфичной и колоритной обстановке. В последние годы новогодние праздники проходили спокойно и по-домашнему тихо, без какой-либо претензии на оригинальность. А тут — такой коллектив! Незабываемая атмосфера!

К новогодней ночи арестанты готовились заблаговременно. С продуктами в тюрьме, прямо скажем, не густо, поэтому всё, что могло претендовать на звание вкусной и здоровой пищи, заранее, недели за три, откладывалось в сторону.

Утром 31-ого ни с того, ни с сего сокамерники основательно переругались между собой. Очевидно, для разрядки решили выплеснуть друг на друга всё то, что накопилось в душе за прошедший и, судя по отзывам, далеко не самый приятный год. Правда, до кровопускания дело не дошло — прибежали гуманоиды с дубинками и для порядка двоих, причем — не самых буйных, перекинули в соседнюю хату. Вместо них в камере появились мутный кавказец, который сразу же юркнул под одеяло и слез с пальмы только без пяти минут двенадцать, и Душечка — веселый толстяк с кульком конопли.

То, что Душечка был мусорским от начала и до конца — сомнений не вызывало ни у кого из здравомыслящих арестантов, но его кулек пришлось настолько кстати, что никто не стал рыться в чужой биографии. Публика курнула и заметно повеселела, кое-кто для пушшего кайфа выпил грудку таблеток. Одним словом, настроение всё больше и больше стало напоминать праздничное.

Кульминацией дня стало приготовление торта. До этого никто не выделялся ни кулинарным талантом, ни опытом в подобных делах. Стол накрыли огромным куском целлофана, на котором и начали мешать всё подряд. Какого-либо конкретного рецепта, естественно, не было. Торт делали интуитивно, отталкиваясь от воспоминаний. Кому-то показалось, что в нем должна быть курага — он и высыпал туда кураги сколько хотел. Другому почудилось, что торт недостаточно сладкий — тут же растопили несколько плиток шоколада в тюремном тромбоне. Полученной смесью полили бесформенную массу, лежащую на целлофане.

По мере того, как в светлых арестантских головах рождались всё новые и новые идеи, нечто под кодовым названием “торт” разрасталось, занимая всё больше и больше места. В процессе приготовления возникла проблема — торт принципиально не хотел застывать, расплываясь в стороны вместо того, чтобы расти вверх, как было задумано первоначально. Пока часть арестантов мешала в тромбонах смесь, которая, по их мнению, приведет к застыванию, вторая часть сокамерников останавливала расплывание, обкладывая торт по периметру корками хлеба. Третьи давали ценные указания. Кому-то пришла в голову идея сшить нитками корки хлеба, чтобы торт имел более ясные очертания. Возникла дискуссия. Решили не сшивать, дабы не выковыривать во время еды из зубов нитки.

Самое удивительное, что ближе к полуночи торт таки застыл и на вкус получился на редкость удачным. Пожалуй, это был один из самых вкусных тортов, какой я в своей жизни когда-либо пробовал.

Около двенадцати уселись за стол — совершенно разные люди — как по возрасту, так и по взглядам на жизнь. С разными судьбами, с разным прошлым и ещё более разным будущим. Мы сидели на деревянной скамье, и на какое-то время все различия между нами были забыты. Какая разница, кто и куда держит путь, кому в Ад, кому в Рай, кто хищник, а кто добыча? Все мы были равны, и каждый из нас хотел верить в то, что все беды и несчастья вместе со старым годом уйдут в небытие, что новогодняя ночь подарит чудо, и лучшие дни впереди. Никто не хотел вспоминать о том, что ровно год назад мы тоже о чем-то мечтали...

Насколько я помню, на воле принято открыть в полночь бутылку шампанского, и радостно разливая по бокалам искрящийся напиток, что-нибудь пожелать. Обычно воздух сотрясают возгласами: “С Новым годом!” и “С Новым счастьем!” Да ещё ракету запустят в ночное небо. В цивилизованных странах правительство развлекает население разноцветными фейерверками и ёлку на центральной площади устанавливают высотой в небоскреб.

У нас на столе тоже стояла ёлочка, аккуратно вырезанная лезвием из новогодней открытки. Ну и что, что маленькая, ну и что, что ненастоящая? Многие из тех, кто празднуют Новый год дома, также ставят на стол небольшие искусственные елки. Дешево и сердито. Только вот самый главный тост, который произносят в тюрьме, никогда не услышишь по ту сторону тюремных ворот:

— Свободы, братва!

Иногда добавляют:

— Побольше Удачи!

Оно и понятно — на воле люди не ценят то, что имеют. Желают себе и другим того, чего у них нет или, может быть, есть, но в недостаточной мере. На самые простые, очевидные и ценные вещи чаще всего никто не обращает внимания. Ну кому, скажи, придет в голову пить за свежий воздух, за чистую воду, за солнечный свет? Сама постановка вопроса звучит как-то глупо, смешно...

Душечка мечтательно прогнусавил, отхлебнув из тромбона чифир:

— Эх, девчонок бы сюда...

Заключенные понимающе хмыкнули. Некоторые не прикасались к женщинам уже несколько лет.

Дениска смачно высморкался в подушку:

— На что тебе эти мандавошки? От них одни проблемы! Головной боли не оберешься...

Глава четырнадцатая

СЕКС И ТЮРЬМА

*“- Боже мой, как я ошибся! –
Сказал ежик, слезая с кактуса”
(ситуация)*

Когда заходит речь о таких малопривлекательных местах, как тюрьма, граждане, которые почему-то ещё не успели побывать за решеткой, нередко интересуются, лениво потягивая из кружки пиво: “А как там обстоят дела с сексом?”.

Вопрос, как по мне, несколько придурковатый. Отчего-то не задаются вопросами, как там, в тюрьме, со свежим воздухом или с едой. Обывателей в первую очередь интересует именно секс. Как говорится, у кого что болит – тот о том и спрашивает.

Помню, ещё на свободе мне пришлось пару раз присутствовать во время разговоров на подобную тему. Может быть, кому-то и повезло, но лично я ни разу не услышал ответ, хотя бы отдаленно относящийся к разряду умных. Обычно спрашивающий умничал, выдвигая гипотезы о роли гомосексуализма и мастурбации в тюремных условиях, а отвечающий (из числа освободившихся зеков) напускал на себя глубокомысленный вид и, как дятел, кивал головой, изображая из себя человека знающего и во всех отношениях опытного. Оба несли такой бред, словно находились не в пивной, а на приеме у психиатра.

Как бы там ни было, а подавляющее большинство homo sapiens живет крайне примитивно. Их существование сводится к тому, чтобы заработать какие-то деньги (желательно, не прикладывая чрезмерных усилий), поплотнее набить жратвой внутренности, посидеть на унитазе, сходить раз в полгода на футбол и, влив в себя стакан водки, завалиться в постель с какой-нибудь шлюхой. Подобное существование мало чем отличается от жизни других животных класса млекопитающих. За исключением того, что они, в отличие от человека, не разрушают собственный организм путем поедания, вливания, вдыхания и вкалывания в себя всевозможного дерьма, значительно сокращающего продолжительность жизни.

Теперь относительно секса. В реальной жизни среднестатистических граждан он такой же, как, скажем, курение – монотон-

ный, однообразный и невообразимо скучный. Ничего общего с тем сексом, который нам показывают на экранах кинотеатров, он не имеет. Вместе с тем, подобно тому, как курильщик не может представить себе жизнь без сигареты, так и большинство homo sapiens не могут представить себе жизнь без этих смешных и глупых движений туда и обратно.

...Над головой у меня что-то заворочалось и заскрипело. Это Костлявый, кряхтя, сполз с пальмы.

– А ты всё пишешь...

По его интонации сложно было понять – то ли он спрашивает, то ли утверждает, констатируя факт. Увидев название главы, Костлявый задумался, что само по себе для него было совершенно не характерно. Думал он долго – минут сорок. После того, как компьютер в голове у Костлявого перебрал все возможные варианты, парень с удивлением уставился на меня:

– О чем ты собрался писать? В тюрьме секса нет.

И он был прав на все двести. О какой сексуальной жизни можно говорить, находясь в таких скотских условиях?

С какой стороны ни подходи, единственным возможным вариантом ответа на вопрос: “Как там с сексом?” – могло быть только одно – убрать на время отсидки из сознания всё то, что связано с этим коротким и вредным словом. Выключить, подобно тому, как мы выключаем яркий свет, повернув внутри себя выключатель усилием воли. Когда-нибудь, когда выберемся на свободу, шелкнем его в обратную сторону. Ну, а пока о сексе лучше не думать. Что касается сексуальной энергии, то её разумнее всего научиться трансформировать и направлять в другое русло. Попытаться, к примеру, использовать во время выполнения различных физических упражнений, направленных на совершенство тела и укрепление воли.

Некоторые пассажиры почему-то панически боятся длительного воздержания. Им кажется, что если забыть о сексе на много лет, то потом вернуться к нормальной интимной жизни будет уже невозможно. Подобные опасения совершенно напрасны (за исключением тех случаев, когда арестант зацикливается на собственных переживаниях до такой степени, что они приводят его к устойчивому неврозу). Ещё никому и никогда воздержание не повредило. Скорее – наоборот. По большому счету, потенция и способность к полноценному сексу – это вопрос скорее к психике человека, а не к его физиологии. С физиологической точки зре-

ния здесь всё понятно — организм должен быть способен давать достаточный прилив крови к тазобедренному суставу. Всё остальное — возбуждение, экстаз и так далее и тому подобное — происходит в человеческом мозге.

Так что спи спокойно. Если ты в хорошей физической форме и у тебя всё в порядке с головой, то воздерживайся хоть тридцати лет — после выхода на свободу ты сможешь иметь полноценные интимные отношения. Не беспокойся о сексе. Без него, к счастью, за решеткой жить можно. Это не воздух. Вот только жаль, что лучшие годы жизни проходят в тюрьме, и их не вернуть. Впрочем, это уже другая проблема.

Зрелые люди относятся к воздержанию достаточно спокойно. Чего не скажешь о малолетках. Такое впечатление, словно у них шило торчит в заднем проходе, а вместо мозгов пачка маргарина. Представители подрастающего поколения судорожно бегают по хате с вырезками из порножурналов, рассказывают друг другу эротические истории, смакуя подробности, и зависают на параше по несколько раз на день. Однажды Костлявый заловил Душечку во время оргазма.

— Дрочит, падло, на параше, — искренне возмутился Костлявый, стоя посреди хаты. — Братва, что делать с ним будем?

Мнения, как всегда, разделились. Одни утверждали, что тем самым Душечка поставил камеру на грань экологической катастрофы. Другие поддерживали сокамерника, считая подобные действия делом сугубо личным, которые никоим образом не отражаются на жизни тюрьмы.

Разгорающаяся дискуссия чем-то стала напоминать дебаты в украинском парламенте. Особенно после того, как Петюня Фастовский, дабы снять напряжение, предложил отписать строгачам — прямо как наши депутаты, которые чуть что бегут за советом в Европарламент. В конечном итоге решили разбудить дядю Гришу и спросить, что он с высоты своих лет думает по данному поводу.

Сонный Степаныч не сразу въехал, чего от него хотят, а когда понял — полез обратно под одеяло:

— Дрочите ему по очереди, а мне не мешайте спать.

После такого ответа желание спорить у сокамерников пропало.

Похожих на Душечку любителей самоудовлетворения бегают по тюрьме сколько угодно. Все они свято верят в то, что мастурбация абсолютно безвредна для организма, и не понимают, отчего

многие из них так быстро, лет в тридцать, превращаются в импотентов. Хотя что в этом странного? Ничто не в состоянии заменить постель с любимой женщиной, а любая подмена не проходит бесследно для психики человека. Для того, чтобы такой, как Душечка, после выхода на свободу мог возбудиться, ему нужна будет уже не красивая девушка, грациозно лежащая на белоснежных подушках, а заплыванный, потрескавшийся кафель возле вонючей параша, на который он кончал в течение последних нескольких лет.

Ладно, Бог с ним, с этим Душечкой. Он мне ещё в камере успел надоесть. В конце концов, пусть сам как хочет, так и решает свои проблемы. Самое главное, что от его сексуальных фантазий не страдают посторонние люди, а то у некоторых бывает, как в том анекдоте про Вовочку — проснулся, а голова в тумбочке.

О задумчивом Гоше я уже как-то упоминал, когда писал о камере предварительного заключения. Поклонник индийского кинематографа спал на деревянном помосте в камере на Подоле между мной и Асланбеком, утопившим прохожего за два ящика водки (если перевести в спиртное те деньги, которые Аслан у него отобрал). В отличие от вспыльчивого соседа, Гоша вел себя достаточно тихо, время от времени печально вздыхая, когда речь заходила о возможной отмене моратория на смертную казнь.

На сей раз Гошу привела за решетку банальная ревность, правда, с летальным исходом. До этого его сажали за хулиганство и квартирные кражи.

Вернувшись в родные края после четвертой, самой длительной командировки в места “не столь отдаленные”, Гоша решил: “Всё. Хватит. Устал. Пора начинать новую жизнь”. По его мнению, за последние десять лет зона значительно изменилась в худшую сторону. Жрать нечего, вокруг одни наркоманы, да и здоровье уже далеко не то, что в двадцать лет.

Вначале всё складывалось как будто безоблачно. Устроился работать подсобным рабочим на хлебзавод. Там же познакомился с миловидной женщиной средних лет. Приятная во всех отношениях дамочка, без детей, живущая после развода вместе с родителями — мирными, в меру ворчливыми стариками. Мимолетное знакомство достаточно быстро переросло в глубокое светлое чувство, и Гоша перебрался к ней жить. Родители невесты вначале пытались робко протестовать — квартира-то их, а не дочери, да и прошлое потенциального зятя вызывало массу вопросов. Однако Гоша не пил (разве что пиво), курил мало, исправно приносил

получку домой. В конце концов старики махнули рукой: “Пусть живут. Лишь бы дочь была счастлива”.

...В ту ночь Гоша спал, как обычно, — рядом с любимой, под теплым байковым одеялом. Ему снилась Ялта, безбрежное синее море, которое он видел только по телевизору, а с проплывающих мимо набережной кораблей доносилась приятная тихая музыка. Один из корабликов приблизился к берегу, и вдруг Гоша увидел на корме женщину своей жизни в обнимку с толстым, плешивым казаком.

От неожиданности Гоша проснулся. Он сразу толком-то и не понял, где находится. В комнате и за окном темно. Ночную тишину лишь изредка нарушал шум проезжавших мимо машин. Не было ни моря, ни Ялты, ни кораблей. Любимая спала рядом, свернувшись калачиком под одеялом. Казалось бы, всё в порядке. Ложись и спи. Однако плешивый казах почему-то не хотел выветриваться из Гошиной головы, поэтому, перед тем как снова уснуть, Гоша крепко обхватил любимую за шею и прижал даму к себе.

На следующее утро Гоша проснулся в восемь утра. Женщина неподвижно лежала рядом с открытым ртом. Попытки её растормошить к положительным результатам не привели. Когда до Гошиных мозгов наконец-то дошло, что возлюбленная вряд ли когда-либо проснется, он не придумал ничего лучшего, чем спрятать тело под кровать и как ни в чем не бывало отправиться на работу. Не знаю, что там конкретно варилось в Гошиной голове, но, исходя из его дальнейших поступков, Гоше, твердо решившему стать на путь исправления, было по-человечески жалко выбрасывать любимую куда-нибудь на помойку или закапывать в грязную землю на территории ближайшего сквера.

Исчезновение невесты совершенно не отразилось на ставшем уже привычным укладе Гошиной жизни. (Вот только завтрак ему теперь приходилось готовить самому). На ночь, когда в квартире все засыпали, Гоша доставал подругу из-под кровати и укладывал под одеяло рядом с собой. Утром — запихивал обратно, аккуратно прикрывая тело подвернувшимся под руку барахлом. Когда же родственники невесты всполошились и стали приставать с расспросами на тему: “Где твоя любимая?”, — спокойно и как-то грустно отмахнулся: “У нее бы лучше спросили”. Старики, помня причины предыдущего развода, сочувственно промолчали.

Так продолжалось дней шесть, пока в квартире не появился странный, неприятный запах, доносившийся из комнаты молодоженов. Отец Гошиной избранницы не поленился и заглянул под

кровать. Можно только предполагать **что** он испытал, отодвинув спортивную сумку.

Гошу взяли прямо в подъезде, когда он с двумя килограммами сосисок возвращался домой после работы. На всякий случай, чтобы не буйствовал, дали дубинкой по голове и без китайских церемоний запихнули в милицейский уазик. Гоша не на шутку распахнулся:

— Да как вы могли? — кричал он родственникам несостоявшейся невесты. — На меня? Мусоров?!!

Успокоился Гоша только после того, как менты привезли его в родной райотдел и затолкали в завшивленный обезьянник перед тем, как определить в КПЗ.

“Вот это любовь!” — вздохнет романтик, привыкший с восхищением смотреть на звездное небо сквозь открытую форточку. “При чем здесь любовь? — возразят и ухмыльнутся другие. — Ваш Гоша — натуральный психопат. Ему светит вышка? Так туда ему и дорога”.

И тем, и другим легко делать выводы. Ещё проще — судить. Там, на воле, всё ясно и до предела понятно. Для них все заключенные не более чем пустое место, некие абстрактные личности из замусоленного милицейского протокола. Для нас же это реальные, живые люди, находящиеся не где-то на Марсе, а живущие бок о бок с нами в одной и той же клетке. К тому же быть судьей со всех точек зрения несравнимо приятней, чем быть подсудимым. Открыл себе уголовный кодекс, прикинул, что там причитается согласно буквы Закона, и впаял по максимуму (дабы, прослыв “справедливым”, было легче сделать карьеру) или по минимуму (если взятку дадут). Ничего страшного не произойдет, если суд слегка перестарается. Справедливость на Украине обязательно восторжествует, и заключенного посмертно реабилитируют. Примеров сколько угодно.

Теперь трудно сказать, где в действиях Гоши и вправду имело место некоторое подобие большого и светлого чувства, а где — заурядный сдвиг по фазе, наблюдаемый у большинства заключенных. Судебно-медицинская экспертиза признала Гошу психически здоровым гражданином Украины и “вменяемым” на все сто. Его забрали от нас и отправили по этапу за день до того, как следовательно вменил Асланбеку ещё одно разбойное нападение, кажется, в Харькове. Там Аслан как будто кого-то подрезал накануне Международного женского дня.

Унылый Гоша был далеко не единственным пассажиром, кого время от времени одолевали всевозможные фантазии на сексуальной почве. Если брать по большому счету, то его ревность выглядела совершенно безобидно рядом с идеей фикс Петюни Фастовского.

По ту сторону тюремных ворот у Петюни не осталось никого, за исключением девяностолетней бабушки, которая, невзирая на почтенный возраст, регулярно носила внучку скромные передачи и каждый раз трогательно вкладывала в передачу чистый носовой платочек, на котором неровным почерком были написаны строки из Библии.

Петюня также всем сердцем любил бабулю. Правда, эта любовь проявлялась у него несколько своеобразно. Парень мечтал выйти на свободу и трахнуть не какую-то там актрису из Голливуда, а родную бабушку, причем, в достаточно забавной форме – просверлить в голове, в области темени, дырку, увидеть, как там, внутри, пульсирует кровь, и кончить, совершив туда половой акт. Представляю радость дряхлой старушки, когда любимый внучок вернется в родные края!

Люди во всех отношениях – странные существа. Душат друг друга, стреляют, топором рубят. Потом вешаются, как Юра. На ровном месте выдувают из пустяка такой огромный мыльный пузырь, что всем вокруг, включая самого виновника торжества, становится не по себе.

Помню, в хату бросили парня лет тридцати. Говорят, банкир по профессии. К тому же с двумя высшими образованиями. На вид – как будто неглупый. О себе он рассказывал мало. Сразу же забился в угол, сел на корточки и стал тихо, но уверенно сходить с ума, раскачиваясь слева-направо. Мы вначале думали, что это он так на свою десятку реагирует, которую ему в прокуратуре нарисовали. Оказалось, что нет. На скучные мусорские разговоры о хищении в особо крупных размерах, якобы имевшем место во вверенном ему банке, парень не обращал никакого внимания. Его волновало другое.

В сердце каждого мужчины живет Мечта – встретить самую прекрасную в мире женщину, женщину из сказочных снов и таинственных грез, ту единственную, рядом с которой блекнут все сокровища мира. За мгновение с Ней мужчина готов платить жизнью, и нет для него высшей награды, чем Её согласие принять этот дар.

Кому-то со стороны подобный обмен может показаться слишком уж неравноценным или глупым, скорее всего. Так думают те, кто не знает, что значит прикоснуться к Мечте. Им незнакомы мгновения, пронзенные неземным светом, в которых жизнь пульсирует настолько ярко и сильно, что рядом с ними десятки лет представляются не более, чем унылым и бесцветным потоком времени.

Увы, так устроен мир, что для подавляющего большинства людей Мечта так и остается Мечтой. Красивой и недоступной. Кому-то просто не повезло. Другой прошел мимо и не заметил. Третий пришел слишком рано или чересчур поздно. Четвертый метался, кочуя из постели в постель, всякий раз надеясь проснуться в тени райского сада, а не среди выжженной пустыни Пресыщения с привкусом Отвращения на губах. В реальной жизни чрезвычайно редко встречаются те, о ком можно с уверенностью сказать: “Ему действительно повезло”. Другими словами, если говорить языком дедушки Бори, снять классную девчонку так же трудно, как раскрутить лоха на крупную сумму денег.

Тридцатилетний банкир воистину родился под счастливой звездой. Судьба дала ему всё то, о чем можно было только мечтать: молодость, красоту, отменное физическое здоровье (судя по спортивному телосложению парень на воле регулярно навещался в тренажерный зал), деньги (не каждый в состоянии позволить себе ходить по тюремной камере в костюме за полторы тысячи долларов), положение в обществе. В двадцать четыре года он женился на восемнадцатилетней девушке с огромными, черными, как ночь, глазами.

Сказать, что парень боготворил жену – всё равно, что ничего не сказать. Дикая, необузданная страсть, словно бездна, всецело поглотила его. Он наслаждался возлюбленной по много раз в день, и чем больше её имел – тем сильнее разгоралось пламя желаний. Тело любимой женщины превратилось для него в настоящий наркотик, он настолько сильно к ней привязался, что испытывал физическую боль, когда её не было рядом.

Обычно с годами страсть утихает. Место любви занимает привычка, дружба, взаимное уважение, нежелание что-либо менять в ставшем уже привычным укладе жизни. Так бывает чаще всего, но не с теми, кто встретил Мечту. У них всё происходит в точности наоборот, чем у среднестатистических граждан. Их желания возрастают, чувства становятся острее осколков льда, сила страсти с

каждым годом нарастает, как шторм, черпая силы из неподвластной разуму Бездны.

Впервые за неполные семь лет парень должен был спать вдали от возлюбленной. Впервые он испытал чувство разлуки, и острый яд ревности обжег изнутри его сердце. Ему казалось, что там, на свободе, все мужчины хотят именно Её, а он не в силах разорвать железные прутья на окнах и вернуться домой, выкинув вон всех тех, кто, быть может, в эту минуту стоит в спальне любимой. Осознание собственного бессилия, многократно умноженное на страсть и на ревность, настолько истожили парня, что буквально за несколько дней он потерял с десятков килограмм и на висках появились седые волосы.

Откровенно говоря, я никогда ранее не видел, чтобы физическая оболочка человека так быстро менялась у меня на глазах. Мы прекрасно понимали, что помочь ему может только он сам, и больше никто. Убеждать парня в том, что необходимо усилием воли подчинить себе страсти, эмоции, чувства? Что в тюрьме невозможно выжить, не научившись ждать и терпеть? Давать советы всегда проще, только вот толку от них...

Душеспасительные беседы сокамерников, направленные на выведение банкира из затянувшейся депрессии, к положительным результатам не привели. Когда уже никто из арестантов не сомневался в том, что парень таки свихнется не сегодня, так завтра, свой пятак в разговор вставил Дениска. Юное дарование долго ухмылялось, свесив голову с пальмы, а затем философски продекламировало:

– Попал в тюрьму – меняй жену.

Однако этого Дениске показалось мало, и он решил развить тему:

– Ну потрахается она с соседом, дабы квалификацию не терять и шоб между ног не заржавело – так шо тут такого? От тебя сейчас всё равно толку никакого, а ей для организма надо. Да ты, братуха, не переживай: она к тебе на лагерь ездить будет – там можно, а освободишься лет через десять-пятнадцать – опять душа в душу жить будете, раз она тебе так по кайфу.

Пожалуй, это была самая длинная речь, которую я когда-либо слышал от Дениски. Не знаю, с чего он взял, что жена банкира обязательно должна с кем-то кувыркаться, пока любимый сидит на крытой, и откуда такая уверенность в том, что ему впаяют то

ли десять, то ли пятнадцать. Как бы там ни было, но малый искренне хотел успокоить и подбодрить сокамерника.

Самое интересное, что это ему удалось. Банкир молча встал, подошел к Дениске и без вступительных слов так зарядил юному дарованию между глаз, что тот вместе с матрасом, на котором лежал, улетел между нар. Да так, что пришлось потом водой отливать. Ума не приложу, как Денис во время приземления на бетонный пол не проломил свою умную голову.

Наблюдая за траекторией Денискиного полета, банкир впервые за время нахождения в камере улыбнулся – широкой, открытой улыбкой. Было видно, что парень наконец-то отвлекся от тяжелых мыслей, и к нему постепенно возвращается интерес к жизни.

Я видел на фотографии жену этого парня. Банкир таскал во внутреннем кармане пиджака дюжину фотокарточек, переданных с воли, и иногда, по просьбам трудящихся, показывал их изнывающим от скуки сокамерникам.

На снимках красивая стройная девушка стояла в купальнике (настолько открытом, что чуть было не сказал “без него”) среди высоких пальм на берегу Тихого океана, словно фея из сказки. Неудивительно, что парень так её ревновал.

Как-то, во время очередного просмотра фотоснимков, рыжий малолетка из подрастающего поколения карманных воров долго вздыхал, рассматривая фотокарточки из-за плеча рослого арестанта, а потом побежал мастурбировать на парашу. (Представляю, как бы он среагировал, увидев девушку наяву!). Банкир никак не ожидал увидеть столь специфическую реакцию сокамерника на фотографии любимой жены. Он растерялся, не зная, как реагировать на случившееся, – бить морду, как Дениске, что-то сказать (но что?) или сделать вид, будто ничего не случилось. Подумав немного, парень молча спрятал фотографии и, не говоря ни слова, лег спать. Больше я не видел, чтобы он кому-либо показывал свои фотоснимки.

Некоторые заключенные таскают за собой из камеры в камеру толстые пачки фотографий с изображением родственников, друзей, подруг и вообще – кого там только нет. Им так нравится. Это их право. Однако, на мой взгляд, хранить в тюрьме фотографии близких людей – плохая примета. Им незачем – пусть даже на фотографиях – находиться в этом зверинце. К тому же снимки

имеют странное свойство впитывать энергию рассматривающих их людей. Не говоря уже о том, что крайне неприятно слышать, как какое-то быдло в погонах станет обсуждать твоих родных, найдя фотографии во время обыска.

В тюрьме, как, впрочем, и на свободе, покушается всё — пища, чистая вода, свежий воздух. За деньги заключенного могут перевести из сырой камеры, с покрытыми плесенью стенами, в сухую, устроить свидание с близкими, передать что-то на волю и с воли. При желании можно найти способ заплатить тюремщику сто долларов США за то, что тот организует сексуальную пятиминутку в грязном тюремном боксе.

Ни для кого не секрет, что в тюрьме сидят не только мужчины, но и женщины, многие из которых не прочь поразвлечься. Встречаются и те, кто сознательно стремится к половому контакту без разницы с кем — лишь бы забеременеть и тем самым заслужить снисхождение у суда, да и в лагере с младенцем на руках есть шанс быть освобожденной от принудительных работ на благо Отечества. Когда ребенок, подрастая, становится не нужен, о нем постепенно забывают, и он растет, предоставленный сам себе. На языке людей это называется “с ранних лет приучать детей к самостоятельности”. Звучит педагогически грамотно, по крайней мере, не режет слух добропорядочных граждан.

Трудно сказать, что может быть хорошего и приятного в таких вот пятиминутках. Это, если можно так выразиться, на любителя. Человек, знающий истинную цену любви, вряд ли позарится на подобные развлечения. Если, конечно, тюрьма не превратила его в животное.

В тюрьме секса нет, но именно секс привел многих на скамью подсудимых. Я уже рассказывал о Гоше, Отелло наших дней; о Дениске, которому плюс к убийству при особо отягощающих припаяли ещё и изнасилование, о Юре, опять-таки на сексуальной почве зарубившим супругу, а потом покончившем счеты с жизнью. Да что говорить? Сексуальный подтекст лежит в основе значительно большего количества человеческих поступков, чем может показаться на первый взгляд. В одних случаях его почти не заметно (например, когда подросток ворует, чтобы иметь возможность заплатить проститутке, и его привлекают к уголовной ответственности за воровство), в других — он выражен особенно ярко.

В газетах пишут, что проблема с потенцией стоит во всем мире достаточно остро, и врачи постоянно бьются над тем, как её

увеличить. Вот уже “Виагру” для тех, кто не может, придумали и ещё что-то там изобретают.

По правде говоря, все эти разговоры о потенции звучат как-то нелогично. Если у мужского населения стоит хуже, чем с десятью лет тому назад (как утверждают сердобольные журналисты), то откуда взялось такое количество граждан планеты Земля? Их уже, согласно статистике, за шесть миллиардов перевалило. Самое время придумать нечто для уменьшения народонаселения, а не наоборот.

В этом отношении ситуация, сложившаяся на Украине, разительно отличается от того, что происходит в других странах мира, включая недоразвитые банановые республики. В тех странах население растет, а на Украине неуклонно уменьшается, причем очень быстро. Если и дальше пойдет такими темпами, то ещё при нашей жизни граждан страны, гордящихся своей “независимостью”, будет в два-три раза меньше, чем на сегодняшний день. Однако вышесказанное вовсе не означает, что люди не задумываются над взаимоотношениями полов. Как раз наоборот. Судя по количеству изнасилований, население активно интересуется данным вопросом. Особенно в теплое время года.

...Случай со Стасом привлек внимание сокамерников как неординарностью происшедшего, так и дальнейшим поведением уже бывшего студента первого курса экономического факультета. На свободе судьба свела застенчивого, интеллигентного юношу с сорокадвухлетним Васей, имевшим две судимости и в общей сложности четырнадцать лет лагерей, а также тридцатидевятилетним Пашей, убежденным алкоголиком с отсиженной восьмеркой за плечами. Вся эта троица жила в разных подъездах одного и того же дома на Харьковском массиве. Родители Стаса купили в новом доме просторную четырехкомнатную квартиру, а Пашу с Васей переселили в разное время в этот же дом во время расселения коммуналок из центральных районов столицы.

Стаса, имевшего представление об окружающем мире преимущественно из научно-популярной литературы, тянуло ко взрослым дядям, чье прошлое было окутано ореолом таинственности и уголовной романтики. С ними вчерашний школьник чувствовал себя мужественнее и взрослее. В свою очередь, Стас интересовал дядь тем, что послушный мальчик всегда находил в карманах у родителей деньги на бутылку водки.

Для Стасика и компании предшествовавший аресту вечер поначалу мало чем отличался от вечеров предыдущих. Пили, как

обычно, в Васиной однокомнатной квартире. Стас принес водку и пиво, а Паша подсуетился насчет закуски. Выпив, взрослые дяди ударились в тюремные воспоминания и нравоучительные беседы. Изрядно охмелевший Стас жадно слушал приятелей.

Водка быстро закончилась. Стало скучно. Троица отправилась побродить по массиву. Не сидеть же весь вечер в четырех стенах! Возле коммерческого киоска купили ещё одну бутылку. Слово за слово — разговор зашел о женщинах. Кто, когда, как и с кем. Стасу похвалиться было нечем — у него не было близости с женщиной.

— Ну ты даешь! — захихикал Паша, подшучивая над студентом, — Не дают или сам не можешь?

Стас обиделся, задетый за живое.

— Не бойсь, — Вася покровительственно положил руку на плечо парня. — Мы сейчас это дело мигом исправим.

Вечерняя прогулка по массиву постепенно переросла в охоту на одиноких женщин. Однако потенциальные кандидатки в любовницы почему-то не гуляли поодиночке. Две смазливые девицы, ждавшие автобуса на остановке, презрительно смерили троицу взглядами, а культурная с виду дамочка в мини послала их подальше. Приятели спорить не стали, так как дело происходило в людном и освещенном месте, и отправились дальше. Временные неудачи не только не убавили пыл, а наоборот — усилили охотничий азарт.

Из подъехавшего рейсового автобуса выпорхнула группа школьниц, и громко переговариваясь друг с другом, пошла вдоль дороги. Троица, не сговариваясь направилась вслед. Возле длинной многоэтажки худенькая девчушка лет четырнадцати отделилась от группы. Догнать её не составило большого труда.

Изложение приятелями в протоколах допросов дальнейших событий существенно отличалось друг от друга. Каждый пытался взвалить вину за содеянное на других, отводя себе скромную роль пьяного наблюдателя. Следствие, тем не менее, установило, что школьница была зверски избита. После чего взрослые дяди удерживали девчушку за руки и ноги, а Стас вступил с ней в определенные отношения, лишив, таким образом, девственности и её, и себя. Когда Стас притомился, его сменил Паша, а Вася, в свою очередь, решил внести разнообразие в отдых. Он сделал глубокий надрез перочинным ножом чуть ниже соска на правой груди и совершил половой акт в открытую рану.

Девчонка лежала на спине. В разорванной одежде, в крови, без сознания. В каких-то ста метрах от происходящего проезжали машины, люди возвращались домой. Совсем рядом, но никто ничего не заметил. Или не хотел заметить?

— Неужто сдохла? — поинтересовался Паша после того, как все трое начали застегивать брюки.

— Очнется, — дрожа от страха, выдавил Стас.

— Разуй глаза, студент. Не выдержала маленькая твоей страсти. Да не бойсь. Лови ключи. Сбегай ко мне на хату. Принеси старое одеяло, что под кроватью, и канистру захвати. Она на балконе. Мы её в одеяло завернем и подпалим. Прохожие подумают, что мусор горит. Огонь все следы уберет. Только давай по-быстрому — одна нога здесь, другая — там.

Стасик был послушным мальчиком. Быстренько сбегал (благо недалеко), помог приятелям завернуть школьницу в одеяло. Паша облил одеяло бензином. Вася поджег... Приятели уже собрались расходиться по домам, как возле них остановилась патрульная машина с нарядом милиции.

Единственное, в чем троиче повезло, так это в том, что девчонка выжила, хотя и осталась калеккой на всю оставшуюся жизнь. Вина всех троих была полностью доказана. Взрослые дяди не отпирались, а вот Стас упорно не хотел садиться в тюрьму. Бывший студент-экономист решил закосить под душевнобольного, рассудив, что провести пару лет на дурке лучше, чем отбарабанить петухом пятнашку на зоне.

Не могу сказать, что путь на свободу, который выбрал студент, был самым приятным и легким. Даже Лупоглазый, отчаявшийся дожждаться суда, и тот хихикнул:

— Семь лет сию, а такого красавца вижу впервые.

Чего только не делал Стасик, чтобы убедить окружающих в том, что у него с мозгами не всё в порядке! Раздевался догола и прыгал, как Тарзан, по пальмам, цитируя классиков марксизма-ленинизма. Нужду справлял прямо в тюремную миску. Однажды выкрутил лампочку и стал её есть. Дня два чудил, пока не начал общаковую посуду в параше мыть. Тут у братвы терпение лопнуло и несостоявшегося экономиста выломали из хаты.

— Послал Господь сокамерничка... — процедил сквозь зубы Максимка после того, как за Стасом захлопнулась дверь. — Ума не приложу, чего этой твари на свободе не доставало?

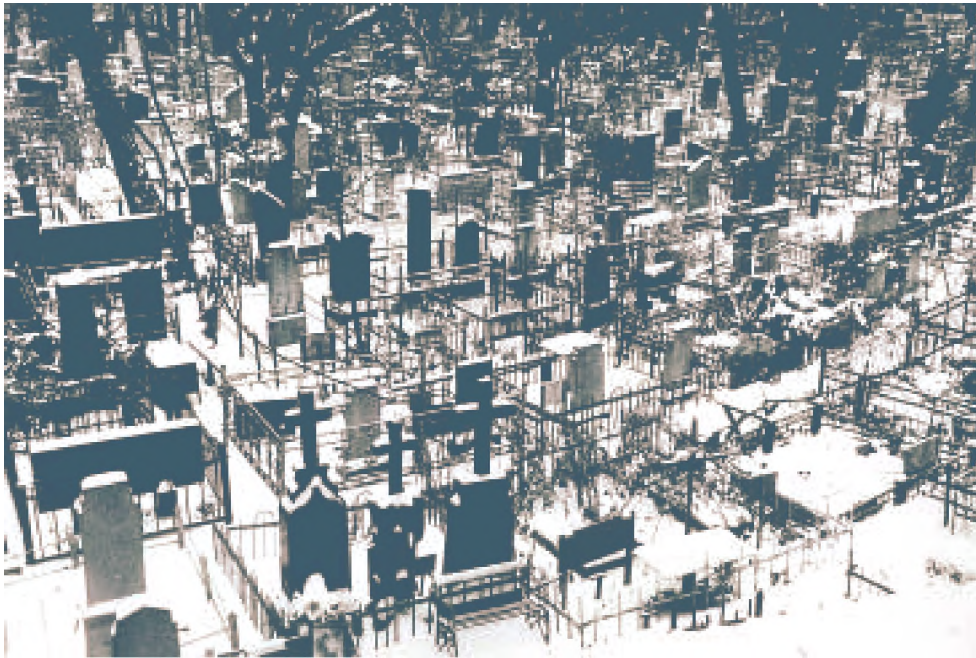
— Чужая душа — потемки, — нервно выдавил Лупоглазый, впадая в депрессию, — Степаныч, а Степаныч, как тебе Стасик, а?.. — повернулся он к дяде Грише.

Степаныч, завернувшись в одеяло, сидел на наре и, не обращая внимания на внутрикамерную возню, читал Новый Завет в потрепанном переплете.

Глава пятнадцатая

ЖИЗНЬ ЗА ПРЕДЕЛАМИ “Я”

*“ Жизнь наиболее остро чувствует тот,
кто балансирует над пропастью Смерти ”
(из дневника)*

Вне зависимости от того, кем человек называет себя – верующим или атеистом – в глубине души он верит в то, что **там**, за последним ударом сердца, продолжается жизнь, не прекращающаяся ни на мгновение после физического разложения тела. Крайне тяжело думать о том, что с обратной стороны финишной ленточки не написано слово “Старт”, что **там** нет **ничего**, что жизнь, какой бы она ни была, существует только здесь и больше нигде.

В тайниках сознания человек время от времени рисует невозможные страдания в пламени Ада и блаженства Рая, умноженные на исполнение **всех** несбывшихся желаний в качестве награды за пройденный путь. И то, и другое люди представляют себе довольно отчетливо, отталкиваясь от уже имеющегося опыта и по аналогии с черными или светлыми днями из прожитой жизни.

Без особого труда человек в состоянии вообразить всё, что угодно, но только не то, с чем ещё никогда не приходилось сталкиваться. Трудно объяснить, что такое любовь, тому, кто не умеет любить. Теоретически он тебя, может быть, и поймет или, по крайней мере, сделает вид, что понял. Однако как только ты отвернешься, – через секунду рассмеется в спину, выразительно покрутив пальцем возле виска.

Нетрудно понять, что такое двухмерное или трехмерное пространство, представить и то, и другое – проще простого. Однако попробуй задуматься над тем, как выглядит четырехмерное или пятимерное пространство и уже через пару минут мозговые извилины расплавятся, словно воск. Представить себе, что это такое, и не свихнуться могут только те, кто там побывал.

Человек способен нарисовать в воображении Рай, может напрячься и придумать, как выглядит Ад, но только не абсолютное **ничего**, с которым он **никогда** не сталкивался. Даже когда человек спит глубоким сном, теряет сознание или находится в коме,

“...Крайне тяжело думать о том, что с обратной стороны финишной ленточки не написано слово “Старт”, что там нет ничего, что жизнь, какой бы она ни была, существует только здесь и больше нигде...”

его мозг продолжает работать. Чтобы достоверно рассказать о смерти, необходимо пережить её и вернуться обратно в тело, что само по себе уже невозможно. По крайней мере, в то тело, которое у тебя до этого было. Те, кто испытали состояние клинической смерти, только приблизились к роковой черте, но смерть как таковую они не узнали, потому что были живы и продолжали жить во время остановки сердца и прекращения дыхания. Их состояние оценивалось как критическое и порой внешне напоминало смерть, но вместе с тем это всё ещё была жизнь, и то, что они описывают в своих воспоминаниях, является описанием состояния жизни, а не состояния по ту сторону бытия.

Несмотря на изобилие умных книг, на армии священников и толпы ученых, вопрос: “Что там?” – по-прежнему остается открытым для большинства из тех, кому ещё не наскучило думать. Как и много тысяч лет назад, на вышеназванный вопрос по-прежнему существует два варианта ответа.

Ответ первый – самый простой. Homo sapiens ничем не лучше других представителей животного мира. Они рождаются, живут и умирают подобно другим млекопитающим. Всё чрезвычайно ясно, до предела понятно, и нечего строить иллюзии.

Согласись, довольно непривычно звучат рассуждения о том, что существует потусторонняя жизнь у кошек, собак, канареек или у любимого хомяка, который, потешно надув щеки, жуёт в данный момент листик капусты. Более того: тот, кто утверждает, что у животных имеется нечто, что мы называем душой, имеет реальный шанс, в лучшем случае, быть осмеянным окружающими, если, конечно же, его не сочтут форменным идиотом и не побегут вызывать санитаров с носилками.

Люди, с аппетитом жующие свинину на обед, совершенно не задумываются о том, куда конкретно они отправили добродушного хрюшу – в Рай или в Ад, и кого конкретно потерял местный свинарник в лице съеданного Пятачка. (Кстати, когда свиньям удаётся полакомиться человечинной, они также не задаются подобными вопросами).

Человек разумный спокойно убивает и употребляет в пищу живые существа, совершенно не беспокоясь о том, что у них вдруг может оказаться какая-то там душа, что они также, как люди, умеют радоваться, грустить и всякое тому подобное. Человек убежден, что ничего похожего у других представителей животного мира нет и быть не может. А если вдруг у Пятачка окажется ещё одна

жизнь, так это, в принципе, к лучшему – съедем его ещё раз. Так думают люди.

Никому из них не хочется думать о том, что если **ни у кого** из живущих существ нет иной жизни, кроме той, которая им уже однажды дана, то почему для людей должно быть сделано исключение? Ведь не бывает такого, чтобы все живые существа жили по одним законам природы, а человек – по другим.

Однако, невзирая на доводы разума, люди упрямо толкают себя на вершину мироздания, настойчиво утверждая, что именно человек, а не весело виляющий хвостом Шарик из соседнего подъезда, создан “по образу и подобию”. **Только** у людей есть душа, **только** люди умеют думать – у всех остальных живых существ это дело заменяют рефлексы. Условные и безусловные, как утверждал дедушка Павлов. Цивилизация имеет место быть опять-таки **исключительно** у людей, и **только** человек имеет право на загробную жизнь. Складывается впечатление, что Вселенная создана исключительно для того, чтобы прислуживать человеку. Если бы инопланетяне послушали homo sapiens со стороны, то наверняка бы решили, что у граждан планеты Земля натуральная манечка и им в натуре не хватает айболитов в белых халатах. (Кстати, а не поэтому ли всех праведников и апостолов рисуют, как правило, в белом?)

Как бы там ни было, но первый вариант ответа редко кого устраивает. За исключением угрюмых пессимистов и, как ни странно, очень сильных людей. Обычно умирать не хочет никто. Все хотят жить вечно. Продолжительность жизни в две тысячи лет или в миллион никого не устраивает. Людям нужна именно Вечность. На меньшее никто не согласен. Потому-то второй вариант ответа людям нравится намного больше, ибо во втором варианте человек не умирает, а переходит из одного состояния в другое. Умирает и распадается только тело – душа живет вечно.

Правда, **как** именно живет душа после того, как расстанется с телом – до конца не понятно. Великие, пытаясь внести ясность, окончательно запутали данный вопрос. Мнений столько, что у неискущенного человека голова идет кругом. Невесть откуда появившиеся представители всевозможных религиозных концессий в погоне за истиной (а чаще всего – за кошельками потенциальных прихожан) активно тянут к себе, убеждая среднестатистических граждан, что их вера – **единственно правильная**, а всё остальное – ересь и чушь. Впрочем, то же самое можно услышать и через догору напротив, в любой другой церкви.

Обыватели в шоке — куда бежать? В какие двери ломиться? На этом свете пугают тюрьмой, а кто в тюрьме — карцером, на том — немислимыми страданиями в пламени Ада. Неудивительно, что в такой обстановке редко встретишь человека с уравновешенной нервной системой. Всю жизнь ищешь мудрецов, а постоянно встречаешь дебилов и психопатов.

Вопрос веры — ключевой вопрос в жизни каждого человека. От того, какой им будет сделан выбор, напрямую зависит и то, какая именно модель жизни будет отработана на его совершенно конкретной судьбе. Более того — сделанный выбор формирует не только собственное будущее, но и будущее потомков, ведь последствия выбора автоматически отражаются на всех тех, кто придет в мир следом за ними.

Иногда целые поколения вынуждены тяжело расплачиваться за необдуманный кем-то поступок или неверно сделанный шаг. Зерна ненависти, посеянные на Ближнем Востоке несколько тысячелетий назад, заставляют и сегодня арабов и евреев убивать друг друга. Убивать несмотря на то, что по крови они являются родственниками: и у тех, и у других один и тот же праотец — Авраам. Яркий пример того, как локальный семейный конфликт может со временем перерасти в затяжную бойню, затягивающую в водоворот распрей всё новые племена и народы.

В обыденной жизни люди крайне легкомысленно относятся к вопросам веры или неверия (что, в свою очередь, также является разновидностью веры, построенной на принципах отрицания). Они выбирают ту религию, которая им удобнее, подобно тому, как покупатели выбирают обувь в универсаме. Отражает ли она свет Истины или нет — вопрос десятый. Главное, чтобы костюмчик сидел. Чтобы было модно, престижно и помогало в быту или в карьере. Впрочем, даже на таком примитивном уровне люди, именующие себя разумными, думают редко. Чаще всего они записываются во всевозможные церкви, партии и общества, повинувшись исключительно стадному чувству — “Все побежали, и я побежал”. Куда? Зачем? И главное — во имя чего? Если такие вопросы и возникают, то ответы на них обязательно даст тот, кто возвышается на трибуне над всеми. Простые, понятные, доступные. Он знает ответы на любые вопросы, потому что там, наверху, он обязан их знать.

Чтобы человек всерьез задумался над тем, что его в действительности ждет за чертой и в своих поисках приблизился к Исти-

не, обязательно должно произойти нечто такое, что могло бы послужить толчком для более глубокого осмысления бытия. Отвлеченные, абстрактные размышления от “нечего делать” не дают ни малейшего результата, превращаясь в обычное академически-тошнотворное словоблудие.

О Боге может говорить только тот, кто физически его ощутил. Рассказать о небытии может только тот, кто там побывал. Однако тот, кто вспомнил прошлые жизни и увидел будущее, не станет говорить об этом толпе. У каждого свой собственный путь к постижению Истины, и каждый обязан пройти его сам.

Спекуляция на духовности, попытки извлечь прибыль из духовных поисков ищущих, коммерциализация собственных откровений, если таковые и открылись на определенном этапе пути, неминуемо приводят к деградации и внутреннему обнищанию. Велик соблазн объявить себя пророком или отцом нации. Обычно никто не задумывается над тем, к чему приведет путь алчности и гордыни, и что может произойти Завтра, если Сегодня сулит неслыханные материальные выгоды и власть, которая влечет к себе, словно наркотик.

Человек не такое существо, чтобы он ни с того ни с сего бросил то, к чему стремится подавляющее большинство влюбленных в золото homo sapiens и ломанулсся куда-нибудь в монастырь с перспективой быть распятым блюстителем закона на дешевом, но добротном сбитом кресте. Повторяю — в жизни должно произойти нечто, что заставит человека кардинально изменить свое отношение к миру. Что это будет? Внезапная утрата близкого человека, тяжелая болезнь, потеря свободы? Что? Этот толчок, как последняя капля воды, переполнившая годами заполнявшуюся чашу, может быть как явным, так и совершенно незаметным для посторонних глаз. Человек может измениться в мгновение ока, однако это вовсе не означает, что его изменило именно то событие, после которого произошла перемена. Оно явилось всего лишь последней точкой, за которой результат происходящего внутри человека стал видимым для окружающих.

Как правило, в повседневной жизни человек концентрирует внимание исключительно на внешней стороне жизни. Это понятно — для того, чтобы выжить, необходимо считаться с окружающим миром и каждый раз выбирать наиболее приемлемую модель поведения во взаимодействии с ним. Вместе с тем, для того, чтобы сделать верные выводы, а вслед за ними и наиболее правильный

шаг, людям зачастую хронически не хватает времени на то, чтобы осмыслить и проанализировать всё, что успело накопиться в извилинах мозга. Может быть, это и звучит несколько странно, но тюремные камеры и монастыри – идеальные места для раздумий и переработки информации, хотя и не следует сбрасывать со счетов тот малоприятный факт, что мозги большинства затворников не выдерживают психической нагрузки. Почему-то не любят говорить о том, что полная изоляция от внешнего мира на протяжении длительного промежутка времени приносит определенную пользу только сильным и подготовленным людям. Для всех же остальных подобные опыты заканчиваются весьма плачевно. Особенно это касается тех случаев, когда человек не по своей воле оказался в изоляции, и у него нет возможности прекратить испытание.

Об отрицательных сторонах вынужденной изоляции в местах “не столь отдаленных” мы уже не раз говорили. Поговорим теперь о тех немногих положительных аспектах, которые возникают, когда человек остается наедине с собой. Как бы там ни было, но мозг продолжает работать, и подобно тому, как для всего организма необходима пища, так и для полноценной работы и дальнейшего развития серое вещество внутри головы нуждается в пище, правда несколько иного рода, чем та, которую потребляет желудок.

Сытый человек, никогда не испытывавший чувства голода, не поймет, что значит голод, хотя и покивает сочувственно головой. Ему не понять, что между истинным голодом и чувством голода, возникшим в результате запланированной (а не вынужденной) голодовки и во время всевозможных диет, существует огромная разница. Это на уровне желудка. Ещё тяжелее человеку со стороны вообразить себе то, что происходит с мозгом, очутившимся в информационном вакууме.

На начальном этапе, когда извне прекращается информационный поток (если быть более точным – он сокращается, так как органы чувств продолжают работать и постоянно передают в мозг импульсы, свидетельствующие об изменениях в окружающем мире), складывается впечатление, будто бы с головы свалилась, внезапно растворившись в пространстве, огромная тяжесть. Думать становится легче, мыслительная деятельность протекает быстрее. Многие деловые люди, внезапно вырванные из привычных условий жизни и сидевшие со мной в одной камере, говорили одно и то же с некоторой долей удивления в голосе: “Я впервые выспался за многие годы”! И это при том, что они спали, не

снимая одежды, на вонючих деревянных досках, а не в теплой постели на шелковых простынях!

Это происходит вследствие простой причины – мозг отдыхает и сознание становится более ясным. Как правило, люди на воле отдыхать не умеют. Вернее, они думают, что отдыхают, хотя на самом-то деле к реальному отдыху, приносящему пользу организму, их отдых не имеет ни малейшего отношения.

В первый месяц заключения мозг, перерабатывавший на воле огромные объемы информации, действительно отдыхает, невзирая на то, что сотрудники правоохранительных органов, “создавая условия”, пытаются всячески навязать арестанту побольше отрицательных эмоций, чтобы его сознание заклонило исключительно на негативе и подследственного было легче сломать во время очередного допроса или, как они любят говорить, – “беседы”.

По окончании периода, который мы условно назвали периодом “отдыха”, мозг вновь включается на прием больших информационных потоков, к получению которых он привык на протяжении довольно-таки длительного периода времени, предшествующего отдыху. И вот здесь-то и происходит самое интересное – мозг готов принимать огромные объемы информации, но её нет. Наступает период информационного голода и, чтобы загрузить мозг, сознание переключается с внешнего на внутренний мир, на обработку ранее поступившей, но доселе невостребованной информации. На этом этапе человек как бы заново открывает себя. Постепенно он начинает осознавать, что та Вселенная, которая находится за пределами тела, ничуть не больше той бездны, которая находится в нем самом.

Человеческий организм совершенен, хотя люди почему-то предпочитают утверждать обратное. (Очевидно для того, чтобы таким образом оправдать свои собственные недостатки.) Когда у человека в силу каких-либо причин выходят из строя одни органы чувств – с удвоенной силой включаются в работу другие. К примеру, у потерявшего зрение обостряется слух и другие органы чувств.

Когда человек внезапно теряет свободу и оказывается за решеткой, у него обостряется интуиция, появляется некое шестое чувство, при помощи которого он получает информацию о событиях, происходящих во внешнем мире, и нередко приходится сталкиваться с парадоксом – сидящий в заточении намного лучше осведомлен о том, что происходит на воле, чем тот, кто свободен

и находится в гуще событий. Заключение не понимают и не задумываются над тем, почему это происходит именно так, но то, что многие из них физически ощущают то, что испытывают их родные, находящиеся далеко за пределами тюремных стен, — неоспоримый факт. Постепенно к попавшему за решетку приходит понимание (пусть даже и на примитивном уровне) общеизвестного факта — видимый мир всего лишь ничтожно малая часть необъятного и прекрасного мира, в котором каждому из нас суждено прожить жизнь.

...В тюремной камере нет телефона. Нет возможности позвонить влиятельным друзьям, родственникам или просто знакомым, чтобы попросить о помощи или разумно скорректировать действия тех, кто уже помогает. Подследственных сознательно прячут подальше от внешнего мира, дабы они не могли “воспрепятствовать установлению истины по делу”, как написано в постановлении прокурора. У заключенных нет денег, которые дают определенную власть в материальном мире и ощущение, пусть чаще всего и иллюзорное, но свободы. Имя, даже если арестанта назвали в честь всемирно известного прадеда, за решеткой ровным счетом ничего не значит.

Сидеть в тюрьме и надеяться на помощь извне — полезно для психики, но надеяться **только** на помощь с воли — величайшая глупость. В тюремной камере можно рассчитывать исключительно на себя и на те, порой труднообъяснимые при помощи логических доводов разума силы, которые таятся как внутри нас, так и вне.

Трудно встретить арестанта, который не читал в заключении религиозной литературы или, на худой конец, не поинтересовался бы — а что там, собственно, написано? На свободе по этому поводу думают примерно так: раз арестант попросил передать ему в камеру Библию, то наверняка он стал на путь исправления и раскаивается в содеянном. Пусть не полностью, а хотя бы частично. Подобной точки зрения придерживается и тюремное начальство, разрешающее передавать заключенным книги религиозного содержания. К тому же верующими управлять проще. Они более послушны и не такие буйные, как их сокамерники — атеисты.

Однако истинная причина интереса к религии, как правило, имеет мало общего с раскаянием как таковым. Наблюдая за тем, **как** заключенные читают Библию, я невольно вспоминаю анекдот о Мойше, который развешивал белье и сорвался с балкона. Летит вниз с десятого этажа и перепугано шепчет: “Господи, если я толь-

ко останусь жив, клянусь — брошу пить, курить, перестану жене изменять, тещу буду мамой называть, полочку — всю, до копейки, стану домой приносить, буду усердно молиться и все Твои заповеди соблюдать...” Тут Мойша цепляется за дерево, ветки отбрасывают его в сторону и он приземляется на кучу песка. Полежал минуту, другую. Пошевелил рукой, затем ногой, приподнялся — как будто бы цел и ничего не сломано. Мойша неторопливо отряхнулся, посмотрел вверх и задумчиво выдохнул: “Секунды три летел, а столько всякой х...ни в голову влезло!”.

Я думаю, что глубоко верующими людьми, которых то или иное религиозное течение интересует как путь, становятся не более одного процента заключенных. Процентом двадцать листают религиозные книги от нечего делать, убивая таким образом скучное тюремное время. Все остальные преследуют, пусть не всегда осознанно, но абсолютно конкретную цель.

Сквозь материю и видимое пространство протекают мощные потоки энергии, чья власть несоизмеримо выше тех сил, которые властвуют на земле. Власть этих потоков не имеет границ. Те виды сил, с которыми мы сталкиваемся в повседневной жизни, легко объяснимы, они примитивны по механизму воздействия и в реальности являются всего лишь слабым отражением высших космических сил.

Человек в состоянии быть проводником могущественных потоков энергии и направлять их в нужное ему русло. Овладение высшим знанием дает человеку фантастическую силу и власть, при помощи которых он может добиться поставленной цели. Для него не составит труда заставить работать на себя других заключенных или выбраться на свободу. Со стороны складывается впечатление, словно перед нами счастливчик, родившийся под удачной звездой, которому отчего-то невероятно везет. (Собственно говоря, подобное происходит и в тех случаях, когда человек попадает в ситуацию, при которой невольно пропускает сквозь себя потоки энергии, однако, когда это делается осознанно, — сила и влияние значительно выше, а удача не так изменчива, как в неконтролируемых случаях).

В суровых условиях тюремного быта люди интуитивно и, чаще всего, совершенно неосознанно тянутся к высшим знаниям, к неведомой для них, но физически ощутимой силе, потому как это единственное, на что они могут рассчитывать.

Для неподготовленного человека медитативная практика представляется не иначе, как сложная и запутанная система, оку-

танная дымкой мистики и пугающая разнообразием духовных упражнений, входящих в нее. Отчасти это верно, но только отчасти. В действительности самые, казалось бы, запутанные и изощренные системы являются невероятно простыми и ясными. Самое главное в них — сделать правильно первый шаг (на который из-за кажущейся легкости начинающие не обращают пристального внимания). Все последующие шаги и виртуозная, воистину ошеломляющая техника мастеров являются всего лишь упражнениями, направленными на усовершенствование самого первого шага.

Мне приходилось сталкиваться с теми, кто практиковал медитацию за тюремной решеткой. Юстас, к примеру, выполнял простейшие упражнения, однако они были доведены до совершенства. Другой заключенный, вместе с которым мы оказались в одной клетке на Лукьяновке, практиковал чрезвычайно сложную технику, но в силу того, что упражнения выполнялись некачественно и, я бы сказал, — грязно, эффект был несравнимо ниже, чем у Юстаса в камере предварительного заключения. Однако, несмотря на некачественно выполняемые упражнения, уровень его психического здоровья был значительно выше, чем у других заключенных.

Согласно статистике, люди, попавшие в экстремальные ситуации (а нахождение в тюрьме является одной из таковых), значительно чаще практикуют медитативные упражнения, чем те, кто живет сытой жизнью на воле. Впрочем, что удивительного? Их подталкивает к этому сама жизнь, банальное желание выжить, несмотря ни на что.

К сожалению, в неволе крайне редко встречаются умственно полноценные и здравомыслящие *homo sapiens*, а те немногие, с признаками мыслительной деятельности, с кем приходится временно сталкиваться в коридорах тюрьмы, редко когда занимаются духовной практикой на профессиональном уровне. Обычно заключенные не выполняют сложные упражнения, ограничиваясь молитвой, погружаясь в неё неосознанно, стихийно концентрируя внимание на произносимых мысленно или вслух словах.

На протяжении всей человеческой истории молитва по-прежнему является наиболее доступным и действенным медитативным упражнением для людей с разным уровнем подготовки. Молитва — это не только возношение ума и сердца к Богу, как принято говорить. Молитва способствует очищению сознания от тяжелых, отрицательно заряженных мыслей. Многим она придает силы. Для многих она становится первой ступенью Пути.

Чем меньше камера — тем легче практиковать медитативные упражнения, потому как чем меньшее количество людей тебя окружает — тем меньше сил приходится тратить на взаимодействие с окружающим миром (за исключением тех случаев, когда для нейтрализации невесть откуда появившегося в камере дегенерата приходится тратить значительно больше внутренней энергии, чем на десяток бродяг с ярко выраженным уголовным прошлым).

Время от времени тюремщики в качестве наказания бросают заключенного в одиночку. Казалось бы, ну какое это наказание? Никто на мозги не капает, за исключением разве что самих тюремщиков. Живи себе спокойненько, отдыхай, не опасаясь, что подсланный провокатор натравит на тебя сокамерников, обкуренных травкой.

Однако не всё так просто, как может показаться на первый взгляд. Как выяснилось, очень многие люди физически не выносят одиночества. Сидя в большой камере, они бесконечно ноют, видя причину всех своих бед и несчастий исключительно в сокамерниках, которые их окружают. Однако стоит им оказаться в одиночке, как уже на вторые сутки они начинают биться головой о стену и просят перевести их обратно, туда, где над ними издевались и где им было **невыносимо**. Они согласны терпеть любое соседство, лишь бы не остаться наедине с самими собой. Не правда ли — странно? Как всё-таки интересно устроены люди...

Разница между неподготовленным человеком и тем, кто уже идет по Пути, состоит, прежде всего, в том, **как** они воспринимают испытания, с которыми приходится сталкиваться. Неподготовленные люди всегда рассматривают их не иначе, как черную полосу в жизни. Чем слабее человек, тем громче он начинает ныть — мол, “удача отвернулась”, и впадает в депрессию, тем самым ещё больше осложняя ситуацию, в которой оказался, а к какому финалу приводят депрессивные состояния, известно всем. Как правило, это — самоубийство, тяжелое психическое заболевание или судорожные попытки выйти из штопора при помощи алкоголя и наркотиков, приводящих к медленному самоуничтожению организма, что по сути является тем же самоубийством, но только растянутым во времени. Такой вариант обычно выбирают трусливые *homo sapiens*, не способные на более-менее решительные поступки.

Жизнь как отдельно взятого человека, так и человечества в целом не может протекать в тепличных условиях, без борьбы и без экстремальных ситуаций. Это необходимые требования для полно-

ценного существования как отдельных людей, так и целых народов. Любые испытания, будь то испытание одиночеством, воздержанием или молчанием, — не более чем упражнения, только более высокого порядка, чем те, к которым мы уже успели привыкнуть, направленные на то, чтобы закалить человека и сделать его более устойчивым в вихре жизненных бурь. Как испытания, а не как неудачи, воспринимает здравомыслящий человек трудности, возникшие на пути, четко и ясно осознавая, что все преграды, какими бы они ни были, существуют исключительно для того, чтобы их преодолевать, а не для того, чтобы о них разбиваться.

Испытание молчанием несколько необычно для людей в силу того, что человек — невероятно болтливое существо. Вне зависимости от того, надо это или не надо, — молотит языком круглые сутки. Даже во сне умудряется что-то сказать. Заставить человека заткнуться, особенно в те минуты, когда это жизненно необходимо (например, во время допроса), — занятие неблагодарное и, прямо скажем, трудновыполнимое. Пока не выговорится — не успокоится. Чем умело и пользуются опера.

Тот, кто хотя бы раз побывал в экстремальной ситуации и продолжал идти к намеченной цели, даже когда уже не оставалось никаких сил, знает, что с любым сказанным словом из организма уходит энергия, и чем больше говоришь — тем больше теряешь сил. Это хорошо известно врачам, поэтому они запрещают тяжелобольным пациентам долго разговаривать с родственниками, пришедшими их навестить.

Умение накапливать энергию во время безмолвной медитации и контролировать её потерю во время ведения разговора — чрезвычайно ценное качество, над которым работали и работают все, кто идет по пути к совершенству. Так, Махатма Ганди уделял внимание не только ежедневным медитативным упражнениям, но и полностью погружался в молчание на один день в неделю. Это помогло ему восстанавливать силы и в тюрьме, и во время изнурительной борьбы за независимость Индии.

О том, что Ганди — один из духовных учителей нашего времени, известно каждому мало-мальски образованному человеку, но только в тюрьме я по-настоящему понял смысл его слов и осознал, что в действительности означает принцип непротивления злу. Учение Ганди ценно ещё и тем, что оно применимо на практике, когда необходимо вначале нейтрализовать, а затем путем подавления уничтожить противника, чья внешняя и видимая сила многократ-

но превышает твою. Используя уроки Махатмы Ганди, горстка безоружных людей в состоянии эффективно противостоять тоталитарному режиму, опирающемуся исключительно на грубую физическую силу и страх.

Если Бог за нас, то кто против нас? Ну и что, что за спиной стоящих у власти хорошо вооруженная и обученная армия? Влияние и власть в материальном мире изменчивы и иллюзорны. Между тюремной камерой и постом главы государства расстояние менее чем в один шаг... Находясь за решеткой, Ганди впервые сформулировал основы учения, всколыхнувшего не только Индию, но и весь мир.

...Я открываю глаза и возвращаюсь с берегов Ганга на тюремные нары. Я вернулся с прогулки и отдохнул в то время, как мои сокамерники не выходили из клетки. Они живут, вернее, думают, что живут, затравленно слоняясь по камере. Как я уже писал, большинство заключенных круглые сутки висит на нарах. По-моему, единственное, о чем они жалеют, так это о том, что не могут спать двадцать четыре часа в сутки, и им приходится время от времени просыпаться, чтобы поесть, сходить на парашу и постоять лицом к стене во время очередного обыска.

Сон — удивительное состояние, при котором тело спит, а сознание отправляется в путешествие, переносясь в иные времена и пространства. Во сне нет тюремщиков, нет нар и нет стен, опутанных сетью колючей проволоки. Только безграничное чувство свободы, легкость полета и, может быть, слабое ощущение прохладного ветра. Иногда, просыпаясь, не можешь понять: в чем больше реальности и что именно является сном — тюремная камера или тот мир, откуда ты вернулся несколько мгновений назад.

Большинство заключенных живет сегодняшним днем. Им глубоко плевать на то, что с ними будет через полчаса, не говоря уже о том, что ждет за чертой Жизни и Смерти. Для таких арестантов сон — единственная связь с миром за пределами “Я”. Наиболее ярко это проявляется у тех, чья жизнь висит на волоске — они видят будущее настолько отчетливо, что начинают панически бояться погружения в сон. Они не в состоянии понять, что в действительности видят во сне, но, слушая их рассказы, начинаешь понимать, как готовят человека к физической смерти и переходу в иные миры.

Кто-то уже находится там. Другим, подведя к открытой двери и вернув обратно, показали, что ждет их по ту сторону бытия. Тре-

ты увидели продолжение своей жизни в том виде, в каком бы она была, если бы они не совершили роковой шаг, резко изменивший течение их судьбы. Четвертые разговаривают с мертвыми, которые приходят к ним в снах...

Странные чувства испытываешь, сидя рядом со здоровым человеком, как принято говорить – в расцвете сил, который в данный момент ест, пьет, спит, радуется какой-то мелочи, а ты сидишь рядом с ним и видишь, что он скоро уйдет, и невольно начинаешь по-иному оценивать свой собственный путь.

Люди во все времена стремились узнать, что их ждет в будущем, но мало кто задумывается над тем, что видеть и знать – страшное и тяжелое бремя. Иногда лучше быть слепым и глухим. Так легче ходить по земле. Так проще жить.

Крайне редко встречаются те, которые понимают, к чему они прикоснулись во время медитации или сна, чаще всего увиденное стремятся поскорее стереть с холста памяти. Людям свойственно не думать над тем, что им малопонятно и что вызывает неприятные, тревожные чувства. Они по-прежнему верят исключительно в то, что могут пощупать руками, всё остальное воспринимают не иначе, как чушь.

Им показывают выход, но они не хотят видеть его.

Им предлагают помощь, но они упрямо отказываются от неё, наивно полагая, что те, кто остался на свободе, обязательно помогут, не отвернутся и не скажут, вздохнув с облегчением: “Теперь есть козел отпущения, на которого всё можно списать”. Люди предпочитают смотреть на мир сквозь розовые очки и жестоко страдают, когда придуманные ими иллюзии в реальной жизни оказываются именно тем, чем они и являются на самом-то деле – легкой дымкой, растаявшей над линией горизонта.

Глава шестнадцатая

ТЕМ, КТО ОСТАЛСЯ НА ВОЛЕ

“Друзья?”

Значение этого слова мне незнакомо...

Шарль Бодлер

Сколько можно болтать о том, что в окружающем мире есть место дружбе наподобие той, в какую мы верили в детстве? Что существуют какие-то там друзья и что для кого-то из тех, кто имеет возможность **свободно** беседовать с любовницами по радиотелефону, опустив задницу в мягкое кресло, ты можешь представлять какую-то ценность? Бред. Как могла такая очевидная глупость попасть в твою умную голову? Неужели ты так до сих пор и не понял, что **друзей не бывает**? Что же касается ценности... Не зря говорят: “Незаменимых людей нет”. К счастью, ты не настолько наивен, чтобы думать, будто бы замену тебе на свободе всё ещё не нашли.

В юности, читая старинные рукописи, в главах, посвященных восприятию человеком окружающего мира, я нередко сталкивался с понятием “иллюзия”. Древние писали не о том, что Вселенной вне нас не существует, а о том, что реально существующая Вселенная имеет мало общего с её отражением в человеческих головах. Люди, трезво и беспристрастно воспринимающие окружающую действительность и самих себя, в этой самой действительности встречаются до обидного редко. Кого из *homo sapiens* ни возьми — каждый норовит построить свой собственный (обязательно выше, чем у других) воздушный замок, твердо верит во всевозможную чушь и настойчиво утверждает, что именно он, а не сосед по камере, является центром мироздания. Невольно убеждаешься, что людям, в частности, и народам, в целом, больше нужен главврач, а не президент или, скажем, секретарь Организации Объединенных Наций.

В первые дни заключения никто из сокамерников не мог поверить, что это таки именно он угодил за решетку. Затем в голове назойливо кружилась мысль, что **это всё**, может быть, ненадолго (?!). Покружив над руинами дурацких иллюзий на тему законности и справедливости в украинском государстве, данная мысль,

“...Больнее всего поверить, что там, за тюремным забором, ты совершенно никому не нужен и всем глубоко плевать на то, что ты влип не в самую лучшую в своей жизни историю...”

как правило, успокаивается, перестает будоражить воображение и, нажужжавшись, словно пчела, окончательно куда-то пропадает, заблудившись внутри черепной коробки.

М-да... С иллюзиями расставаться всегда нелегко. Больнее всего поверить, что там, за тюремным забором, ты совершенно никому не нужен (а это как раз то, что пытаются внушить подследственным служители правопорядка, чтобы сломить их волю) и всем глубоко плевать на то, что ты влип не в самую лучшую в своей жизни историю. Мне неприятно об этом говорить, но зачастую такое положение вещей соответствует истине. Если же твои родители, жена, дети и ещё два-три близких человека почему-то продолжают бороться за твою свободу и отчего-то тебя любят и ждут, поверь мне — ты счастливейший человек на земле. У тебя есть максимум из того, о чем только можно мечтать.

На свободе и в заключении совершенно разное восприятие не только времени и пространства, но и, казалось бы, самых заурядных и понятных вещей. Не знаю почему (быть может, посмотрелись западных фильмов?), но те, кто остался на воле, свято верят, что ты спишь на белоснежной простыне в теплой постели и тебя неплохо (!), но умеренно кормят, а тюремщики обращаются к тебе исключительно на “вы” и “будьте любезны”. Эти наивные существа уверены, что тебе не хватает только свободы, а всё остальное — как дома. Только чуточку хуже. У них тупо не хватает фантазии представить, **в каких** условиях можешь ты находиться на самом-то деле, и что первобытнообщинный строй может существовать в самом центре, пусть только географически, но всё же Европы. Впрочем, объяснять живущим на свободе, чем в корне отличается их бытие от нашего, зачастую глупое и бесперспективное занятие. Как говорится, городским трудно проникнуться проблемами сельского хозяйства.

Когда ты был свободен и у тебя всё шло хорошо, вокруг вертелось неимоверное количество разнокалиберных друзей, знакомых, коллег по работе и ещё Бог знает кого. Однако, как только запахло жареным, все куда-то испарились, словно по мановению волшебной палочки.

А-у-у! У-а-а!

Тихо. Никого не докличешься. Не удивляйся. Ничего необычного в поведении окружающих нет. С тобой общались, перед тобой заискивали и дарили подарки исключительно ради собственной выгоды, а вовсе не потому, что ты такой хороший и при-

ятный в общении человек. Один человек достаточно быстро забывает о другом, как только тот, второй, перестает быть ему нужен.

Впрочем, это ещё не самое плохое из того, что может произойти. О тебе могут помнить. Кто даст гарантию, что твоё имущество сейчас не делят между собой бывшие соратники в борьбе за денежные знаки, а на твою скромную персону не продолжают вешать дохлых собак? Представляю, как ты будешь приятно удивлен, когда всё узнаешь! Что интересно — никто не станет задумываться над тем, как это может отразиться на твоей дальнейшей судьбе. Мол, какая для него разница — всё равно сгниет за решеткой...

У одного из бывших сокамерников, назовем его Степой, осталось на свободе в обороте фирмы сто двадцать тысяч долларов США, не считая всевозможной чепухи, вложенной в оргтехнику и ремонт офиса. На воле остались два компаньона. По совместительству — друзья детства. Партнеры по бизнесу, погрузив некоторое время и изрядно поволновавшись, дабы волна неприятностей не коснулась их самих, распорядились деньгами следующим образом:

- десять тысяч передали семье арестованного друга. Естественно, от своего имени и в виде бескорыстной помощи, чтобы ни у кого не возникали сомнения по поводу их порядочности;
- десять тысяч дали следователю, чтобы он засадил приятеля по принципу “чем на дольше — тем лучше”;
- оставшиеся сто тысяч поделили поровну, а так как освобождение бывшего коллеги планировалось не ранее, чем через пятнадцать лет, никто особо не торопился технично и красиво обыграть данную комбинацию.

Степа, однако, не собирался долго засиживаться в местах “не столь отдаленных”. Тюремное движение его напрочь не интересовало, а всевозможные воровские приколы местного производства он считал форменным идиотизмом, чем приводил в бешенство отдельных поклонников тюремного быта. Учитывая тот факт, что отдых на Средиземноморском побережье Степе нравился значительно больше, чем сон на казенных нарах, для меня нет ничего удивительного в том, что этот целеустремленный и волевой человек всё же вышел на свободу, не дожидаясь ни суда, ни приговора. Дело в отношении Степы было поначалу выделено в отдельное делопроизводство, а затем и вовсе прекращено.

Не знаю, насколько сильно обрадовались друзья детства, увидев Степу на свободе, но один из них через некоторое время куда-то делся. Второму повезло больше — он бросил всё и успел съездить в Израиль. Добросовестный следователь и кое-кто из чиновников, помогавших упрятать Степу за решетку, вынуждены были поменять место работы, а зная Степин характер, я думаю, что это только начало.

В который раз прихожу к выводу, что люди довольно наивные и глупые существа. Им почему-то кажется, что всё забудется и затрется. Что можно безнаказанно врваться с обыском в чужие квартиры, размахивая перед носом постановлением прокурора, и ломать чьи-то судьбы в угоду собственной карьере и, конечно же, ради наживы. Упиваясь собственной безнаказанностью, они забывают простейшую, как забор, истину — **ничто не проходит бесследно**. Любое слово, любое действие, любой импульс обязательно возвращаются и в самый неожиданный момент бьют с удвоенной, с утроенной силой. Всею своё время.

Впрочем, хватит о слугах правопорядка. С ними и так полная ясность — они свою судьбу выбрали сами. Поговорим лучше о тех, с кем приходилось сталкиваться на воле, в обыденной жизни. Как они отреагировали на арест?

Больше всего меня взбесили обыватели, топтавшие со своими малолетними отпрысками на детской площадке, где обычно гуляют мои дети. Странно, правда? Ведь если объективно смотреть на вещи, как раз их отношение к происходящим событиям ну никак не могло ни на что повлиять. Очевидно, так устроен человек, что порой ничтожные мелочи ранят сильнее, чем целенаправленные удары.

Некоторые из тех, кто совсем еще недавно лез из кожи вон, стремясь завести знакомство с моими малышами, и расхваливал их во весь голос, вдруг демонстративно перестали с ними здороваться. Дети этого не почувствовали — они так и не поняли, отчего приветливые дяди и тети в один прекрасный день превратились в молчаливых, угрюмых прохожих. Я же отчетливо ощутил, что испытали семьи “врагов народа” во времена сталинизма. Палачи делали только часть работы, расстреливая и бросая в концлагеря, где люди умирали “естественной смертью”. Остальную часть работы выполняла толпа, создавая своеобразный вакуум вокруг родных заключенного, втихомолку отравляя им жизнь. Эта же самая толпа, когда стало модным говорить о реабилитации, кричала до хри-

поты, что надо бы наказать виновных. (Только я вот что-то не помню ни одного громкого процесса, хотя некоторые из исполнителей всё ещё живы и получают за “добросовестный труд” персональные пенсии).

Те, кто так и не научился мыслить самостоятельно, живут, руководствуются в повседневной жизни так называемым общественным мнением. Другого им, увы, не дано. Пишут в газетах, что человек хороший — значит хороший. Пишут — “плохой” — значит плохой. Хотя человек совершенно не меняется от того, что конкретно скажет о нем (или не скажет) купленный журналист. Я вот смотрю на соседей по камере — общество как общество. Немного колоритнее, но, вместе с тем, ничем не хуже, чем по ту сторону тюремных ворот.

Что за решеткой, что на свободе — толпа не способна самостоятельно думать, как не способны думать люди, её составляющие. Толпа никогда не сможет разумно проанализировать ситуацию и дать ей должную оценку, не говоря уж об объективной характеристике живущего по соседству человека. Толпе нужен хозяин, ей нужен пряник и хлыст. Вот почему толпа всегда презираема мыслящими людьми.

Серенькие среднестатистические граждане сами по себе не представляют ни малейшей опасности. Они становятся опасными, лишь когда как овцы сбиваются в кучу и начинают судорожно метаться из стороны в сторону, пока не появится опытный провокатор, способный, стоя за чужими спинами, как дедушка Ленин, направить безмозглую массу в нужное ему русло. Спустя некоторое время сексапильная дикторша передаст в новостях, что ещё одна революция произошла на планете Земля, а затем (наблюдая со стороны, как разворачиваются события) хочешь — не хочешь, а вспомнишь пословицу: “Пока дураки дерутся, умные зарабатывают деньги”.

Однако мы отвлеклись. Чтобы понять причины, побудившие поступить хорошо знакомого тебе человека именно так, как он поступил, а не так, как тебе бы хотелось, следует прежде всего выяснить: а каковы главные мотивы, лежащие в основе поведения homo sapiens? Может быть, ответ звучит не вполне романтично, но чаще всего поступки людей логически вытекают из их трусости и эгоизма.

Подлинных смельчаков единицы (альтруистов и того меньше), о них пишут книги, на их примерах учатся дети. В реальной жиз-

ни, как только запахнет жареным, окружающие спешат откresтиться от тебя, действуя по принципу: “Чем дальше в лес — тем своя рубашка ближе к телу”. Явление хоть и неприятное, но для человеческого общества весьма заурядное. Так что не советую тебе биться головой о тюремный кафель, переживая, куда делись закадычные друзья, с которыми “столько было выпито”. Никуда они не делись. Как жили себе, так и живут. Главное, правильно сделай выводы. Выйдешь на свободу — разберешься со всеми, а лучше всего — вычеркни это дерьмо раз и навсегда из своей жизни. Лучше жить в одиночестве, чем остаться в таком окружении.

Достаточно часто случается так, что те засранцы, которых ты по каким-то причинам покрываешь, спасая их от тюрьмы, совершенно этого не достойны. Эти твари заботятся исключительно о том, чтобы ты, утопая сам, не утащил их вслед за собой. На всё прочее им глубоко плевать с Эйфелевой башни. Они будут подпрыгивать, словно их усадили на раскаленную сковородку, до тех пор, пока будут верить, что на допросах ты можешь ляпнуть лишнее. При этом им совершенно безразлично, как именно ты замолчишь — то ли оттого, что на твой западный счет благодарственно упадет определенная сумма денег, то ли оттого, что кто-то случайно воткнет тебе заточку под сердце. Им необходим результат, каким путем он будет достигнут — значения не имеет.

В этом отношении мне запомнился один не в меру проворный умник из категории прибалтанных. Ему отчего-то привиделось, что приятели на воле недостаточно заботятся о его скромной персоне. Решил для профилактики пощекотать друзьям нервы — сделал вид, будто бы собирается чистосердечно во всем признаться. Друзья поверили. На следующий день на тюремный счет “знакомая” положила деньги, в оговоренный день передачу царскую передали, а через адвоката — многообещающее письмо. Ликовал, правда, дурачок недолго — спустя пару недель нашли задушенным под одеялом.

Другая история вышла чем-то похожая на первую — вечно угрюмый земляк батьки Махно утвердился в мысли, что о нем забыли на воле. Шантажировать он никого не стал (как-никак воспитание не позволяло), а тупо решил восстановить справедливость. С настойчивостью, достойной восхищения, он своего таки добился — его ближайшего друга и соратника завалили возле подъезда вместе с женой и её несовершеннолетним ребенком. Идиотизм ситуации заключался как раз в том, что убитый уже собрал деньги и

договорился, кому из прокурорских дать взятку, дабы приятелю изменили меру пресечения на подписку о невыезде. Угрюмый этого, естественно, не знал и был прилично озадачен, узнав, что он сам, за свои же деньги, подрезал сук, на котором сидел. На следствии, куда его привели знакомиться с очередным томом уголовного дела, подельники в бешенстве чуть было не разорвали парня на части:

— Ты хоть понимаешь, падло, что ты наделал? Да мы ведь теперь все сгнием из-за тебя. Кто нас теперь вытаскивать станет?

Угрюмый удрученно развел руками:

— Ну ошибся... С кем не бывает?..

Было видно, что его самого сложившаяся ситуация прилично выбила из колеи, и он расстроен не меньше других в связи с тем, что отсидеть свое всё же придется. С какой стороны ни заходи, а будущее ничего хорошего не предвещало. Что же касается гибели “не тех”, то этой проблемы для него, судя по всему, просто-напросто не существовало. Когда разговор затрагивал данную тему, он равнодушно отмахивался, мол: “Дело прошлое,” — и замыкался в себе. Угрюмый относился к числу тех людей, которые привыкли считать — раз прошлого не вернуть, то нечего из-за него и горевать, не говоря уже о том, чтобы портить себе самобичеванием нервы.

К слову сказать, случившееся — яркий пример того, к каким непоправимым последствиям могут привести поспешные выводы, построенные на отрывочных и неверно истолкованных сведениях.

В тюрьме, как и на воле, присутствуют одни и те же законы человеческого общества (или стаи — кому как приятней для слуха). И там, и здесь информация является наивысшим товаром. От нее зависит если не всё, то многое, очень многое... Не понимать этого могут только бараны, послушно бредущие впереди палачей по дороге на бойню.

Для человека действия, готового голыми руками рвать железные прутья, лишь бы выйти на волю, информация сродни воздуху. Мысли и дела таких арестантов направлены не на то, как бы лучше отсидеть и поудобнее устроиться за решеткой, а на то, как побыстрее выйти на волю. Несмотря на то, что подавляющее число арестантов — это опустившиеся homo sapiens и наркоманы, в тюремной среде время от времени встречаются весьма любопытные экземпляры. Так, один пассажир умудрился, сидя на тюрем-

ных нарах, взять кредит в банке. Всю свою неумную энергию он направил на составление всевозможных программ, бизнес-планов, документов и ещё Бог знает чего. На свободе его творения, нелегально переданные через адвокатов, грамотно распечатывали на компьютере, приводя в божеский вид арестантские мысли, и, опять-таки – через адвокатов заносили в тюрьму на подпись, затем ставили печать и пускали бумаги в дело. Кстати, за решетку М. попал как раз за невозврат кредитов, неуплату налогов и финансовые махинации, а его афера с паровозами достойна того, чтобы занять почетное место в учебниках по рыночной экономике в период перехода страны из эпохи развитого социализма в эпоху зарождающегося капитализма.

Все знали, что М. что-то регулярно вывозит за границу и успешно там это что-то продает, но что именно он вывозит и что продает, не знал никто. Когда в очередной раз паровоз с несколькими пустыми вагонами подъезжал к границе, таможенники вместе с представителями всевозможных спецслужб ощупывали каждый винтик, но ровным счетом ничего найти не могли, за что и получали по голове от начальства.

Искали золото, бриллианты, иконы, антиквариат – одним словом, всё, что можно было бы как-то спрятать. Тщетно. Ни в паровозе, ни в болтающихся позади него вагонах ничего не было. Других каналов перевоза чего-то там за границу у гражданина М. в упор не просматривалось. Однако что-то он таки вывозил! Это загадочное *что-то* не давало многим покоя. Ведь за какие-то деньги М. купил роскошную квартиру в центре столицы и новенький “Мерседес”, не говоря уже о том, что поезда(!) за товаром уходили регулярно и достаточно часто. Другое дело, что ни один из этих поездов не вернулся обратно. И только когда количество покинувших Родину паровозов превысило все разумные и неразумные нормы, до таможенников начало доходить, что эти самые паровозы вместе с пустыми вагонами и были предметом купли-продажи. Правда, тут же возник новый вопрос: кому в развитых западных странах нужны эти устаревшие и неудобные во всех отношениях железные советские монстры? Ответ оказался весьма банальным и прозаичным. М. отгонял их на переплавку и продавал как металлолом, не особо переживая по поводу того, что паровозы были вовсе не его, а взятые у государства в аренду. Такой наглости украинская Фемида стерпеть не смогла, и на новоиспеченного предпринимателя надели наручники как раз в тот момент,

когда он со слезами на глазах прощался с Родиной, пробиваясь к трапу самолета в Бориспольском аэропорту.

Вне сомнения, М. выгодно выделялся на фоне опустившихся наркоманов, бесцельно ворочающихся на нарах, тупо уставившись в почернелый от копоти потолок. Я ещё не видел, чтобы кто-либо, сидя в тюрьме, так активно занимался делами на воле. По сути, он продолжал успешно управлять своей маленькой империей, нарезая тасы в тесной тюремной камере.

Вместе с тем, случай с М. во всех отношениях является редчайшим исключением. Находясь на свободе, далеко не всегда удается полноценно и насыщенно жить и работать, а когда ты в тюрьме... Нет, это практически невозможно. М. удалось достичь своей цели, в первую очередь, благодаря тому, что у него была четко налажена связь с партнерами по бизнесу, оставшимися на свободе.

Анализируя поведение сокамерника, у меня время от времени возникало ощущение, что не М. сидит в тюрьме, а тюрьма сидит у него. М. получал необходимую информацию, продукты питания и всевозможные вещи чуть ли не от каждого, с кем сталкивался по дороге от камеры до следственной и обратно. Особенно забавно было наблюдать за тем, как следователи и оперативники (не говоря уже о рядовых надзирателях) пытаются выслужиться(!) перед ним. Наблюдение за этими гуманоидами доставляло невероятное удовольствие, не сравнимое с просмотром любого, пусть даже самого грандиозного, шоу. Они в буквальном смысле извивались вокруг М., как проститутки вокруг щедрого клиента. Он был выгоден им во всех отношениях. Как человек, имеющий деньги и умеющий грамотно ими делиться. Как осведомитель, готовый идти на любой компромисс ради спасения собственной шкуры.

Впервые увидев М., я невольно вспомнил о Юстасе, с которым познакомился в камере предварительного заключения. В чем-то эти парни были похожи. Быть может, активной позицией по отношению к окружающему миру, нежеланием плыть по волнам и быть послушным винтиком в машине, именуемой *государством*?

Вместе с тем сравнивать их друг с другом я бы не стал. Юстас был человеком с большой буквы, а не млекопитающим, как большинство из ныне живущих людей. Что же касается тюремной жизни, то у Юстаса и близко не могло быть таких возможностей, как у М., хотя бы потому, что Юстас ненавидел представителей правоохранительных органов и принципиально не шел с ними ни на какие контакты. Тюремщики относились к нему ничуть не лучше,

стараясь всячески унижить при каждом мало-мальски удобном случае и называли его не иначе как “высокомерным, зажавшимся бизнесменом”. На что Юстас мог рассчитывать – так это только на помощь извне, на связь с внешним миром, налаженную через нанятых им адвокатов.

Кто бы что ни говорил, а адвокаты в тюремной жизни играют далеко не последнюю роль. Они – главное и, как правило, единственное звено, связывающее нас со свободой. В их власти улучшить (или ухудшить) условия твоего содержания под стражей, от их порядочности и профессионализма зависит то, насколько объективная информация будет поступать к тебе и от тебя на свободу. И то, и другое, и третье в совокупности влияют на то, как долго тебе предстоит отсидеть за решеткой. На худой конец, разговор с адвокатом на отвлеченные, не тюремные темы снимает напряжение, которое, накапливаясь в тюремной камере, разрушительно влияет на психику.

Подобрать хорошего адвоката так же тяжело, как откопать останки динозавра где-нибудь в предгорьях Памира. С первых дней заключения следователь и иже с ним пытаются навязать своего, так называемого мусорского адвоката. Адвокат-то он натуральный, с соответствующим свидетельством и дипломом, но вот только задачи его явно не совпадают с твоими. Мусорской адвокат работает в тесной спайке с органами дознания, его цель – выудить максимум полезной для следствия информации и засадить тебя за решетку, руководствуясь принципом: “Чем на дольше – тем лучше”, желательна, на всю оставшуюся жизнь. Собственно говоря, как раз за это он и получает зарплату и прочие льготы, причем независимо от того, возьмет такой деньги у твоих родных или нет.

Все знают о том, что в Украине люди время от времени отправляются за решетку независимо от того, виновны они или нет. Прописная истина, не понимать которую, казалось бы, невозможно в стране, где практически всё население прошло через тюрьмы и лагеря. Вместе с тем, каждый отдельно взятый гражданин почему-то глубоко убежден, что неприятности могут случиться с кем угодно, но именно с ним – никогда. Что как раз его **никогда** не сойдет машина, на голову не упадет случайный кирпич и вообще – он будет жить вечно, а тюрьму построили для кого угодно, но только не для него. Странно, правда? Однако люди думают именно так, и когда с ними или с их близкими случается нечто

подобное, они оказываются совершенно не подготовленными к ударам судьбы. Вместо того, чтобы принять разумное решение, они или впадают в глубокую кому, или мечутся, как угорелые, совершая массу ошибок. Вот и выходит, что зачастую впопыхах нанятый адвокат приносит больше вреда, нежели пользы.

Для того, чтобы подобрать хорошего профессионала, нужно обладать как минимум двумя вещами – связями в определенных слоях общества и деньгами. Услуги хорошего адвоката всегда недешево стоят, поэтому очень маленький процент заключенных может позволить себе такую роскошь. Это во-первых. Во-вторых, наличие хорошего, дорогостоящего адвоката вовсе не гарантирует, что он будет работать на результат, а не заниматься, подобно пылесосу, высасыванием денег из карманов твоих родных.

И, наконец, где гарантия того, что адвокат, в силу обстоятельств узнавший больше того, что ему положено знать, не додумается до какого-нибудь хитроумного шантажа после твоего выхода на свободу? Думаю, ему не составит большого труда подтасовать факты и создать для своего клиента некоторые неудобства опять-таки с одной-единственной целью – снять с него немножечко денег.

В некотором смысле, подобрать подходящую кандидатуру ничуть не легче, чем отыскать иголку в стогу сена, но предположим, тебе повезло – твой адвокат не рвач, а порядочный человек, профессионал, работающий на результат и искренне стремящийся помочь твоей семье. В таком случае его интересы и интересы правоохранительных органов будут прямо противоположны. Вряд ли добросовестное отношение адвоката к своим служебным обязанностям обрадует тех, кто так бесцеремонно вломился в твою жизнь. Им такой адвокат сто лет снился.

Вначале слуги закона проведут с ним профилактическую беседу, стремясь склонить на свою сторону. Если не удастся – приложат максимум усилий для того, чтобы заставить уйти из дела и отказаться от своего подзащитного. На основании анонимного доноса (или без такового) по месту жительства адвоката и его близких будет произведен обыск (дабы потрепать как следует нервы), а затем (если не поймет) его арестуют на суток эдак пятнадцать. К примеру, за препирательство с сотрудниками милиции или за нецензурную брань в общественном месте. Достаточно распространенный, примитивный, но действенный прием. Что характерно для украинского государства – вышесказанное происходит

даже в тех случаях, когда адвокат сам в недалеком прошлом вышел из лона правоохранительных органов, занимая в них далеко не маленький пост. (Из рядов бывших борцов с преступностью чаще всего и появляются трезвомыслящие адвокаты, которые прекрасно понимают, что в стране, где о законности и порядке никто понятия не имеет, можно выиграть дело, только основываясь на сугубо личных связях вне зависимости от того, виновен подзащитный или нет. Что-что, а степень виновности подследственного украинскую Фемиду беспокоит меньше всего).

Я это пишу вовсе не для того, чтобы посеять у тебя в душе уныние и окончательно испортить и без того испорченное настроение. Как раз наоборот. Судьбе было угодно, чтобы ты ввязался в борьбу, в которой слабым нет места. В застенках выживает сильнейший, в тюрьме господствуют законы дикой природы в её самой отвратительной форме. Если хочешь выжить, то, прежде всего, необходимо отчетливо понимать, с чем приходится сталкиваться лицом к лицу и тебе, и всем тем, кто остался рядом с тобой.

Я уже писал, что в так называемой “независимой” Украине правоохранительные органы являются наиболее криминализованной частью общества. Преступления, совершаемые теми, кто по долгу службы обязан защищать Закон, не идут ни в какие сравнения с преступлениями тех, кого принято называть уголовными элементами. Истерия, раздуваемая средствами массовой информации по поводу придуманного ими же разгула преступности на Украине, не отражает истинного положения дел, а служит удобным прикрытием для настоящих преступников в милицейских мундирах, чье место на скамье подсудимых, а не в мягких креслах дворца “Украина”, где они любят принимать поздравления в честь своего профессионального праздника.

Впрочем, если бы пламенные “борцы” с преступностью умели хоть иногда анализировать собственные (а не чужие) поступки, они, быть может, задумались бы над тем, что стало с теми, кто развязал геноцид против собственного народа в тридцатых годах уходящего века. (Помнится, в те годы было немало громких процессов над “врагами народа”). В конечном итоге те, кто расстреливал соотечественников, сами были поставлены к стенке “коллегами по работе”. Я имею в виду не только Ягodu, Берию или Ежова, а всех лакеев Фемиды — разного уровня и калибра. Жаль, что сотрудники правоохранительных органов не любят о таком вспоминать. Может быть, безвинно замученных под пытками во время предварительного следствия было бы значительно меньше...

Собственно говоря, для воспоминаний у них нет времени, они невероятно спешат, пока сверху им ещё потакают и дают возможность прятать собственные преступления за красивыми и лживыми лозунгами борьбы с организованной преступностью взамен на вполне конкретные услуги. Докопаться же до истины человеку со стороны, даже в тех случаях, когда слуги Закона прокололись по полной программе, практически невозможно — истина надежно похоронена под так называемой “тайной следствия”.

Сотрудники правоохранительных органов постоянно жалуются на то, что они “незащищены”(?!), что ходят без охраны (?!), жалуются на слабое техническое оснащение, на отсутствие денег. Журналисты, стремящиеся выслужиться перед режимом, услужливо упаковывают весь этот бред в мозги запуганных среднестатистических граждан. Почему-то никто из них не пишет о том, что **ни одна мало-мальски серьезная преступная группировка не работает без благословения и соответствующего прикрытия со стороны правоохранительных органов**, получающих неслабую долю от прибыли.

Не является секретным и тот факт, что сотрудники правоохранительных органов приложили руку к созданию многих стай, которые потом сами же и разоблачили. Приверженцев уголовной романтики вслепую используют как пушечное мясо, а затем без сожаления убирают, когда они перестают быть нужны, ведь для отчета время от времени нужна раскрываемость, а толпе нужны жертвы.

Интересно, о какой борьбе с преступностью идет речь? Кто станет искать самих себя? А если вдруг и надо кого-то найти, то зачем усложнять себе жизнь погоней за призраками? Значительно проще **заставить** тех, кто уже сидит, взять на себя ответственность за преступления, которых они никогда не совершали.

...Я невероятно устал. Не от тюрьмы, нет. Я всю жизнь прожил в стране, которая сама по себе была тюрьмой, а если я чего-то и достиг, то исключительно вопреки, а не благодаря государству, в котором родился и вырос. Я устал от лжи, которую ежедневно, ежеминутно слышу по радио, вижу по телевизору, читаю в газетах. Вспомните Джорджа Оруэлла! Его роман “1984” написан для нас, а партийный лозунг Старшего Брата “Война — это мир” перекочевал со страниц книги на экраны наших с вами телевизоров! Элементарные человеческие понятия перевернуты с ног на голову, а сознание людей искалечено настолько, что они не в состоянии задуматься над вопросом: с кем и с чем на самом деле соби-

рается бороться многомиллионная армия вооруженных гуманитариев, и почему население Украины только за первые три года правления нынешнего режима, в период с 1995 по 1998 гг., сократилось по официальным данным с 52 миллионов до 50 миллионов (по неофициальным и с учетом выехавших за границу – до 48 миллионов 700 тысяч человек)?

Сознание рядовых граждан уже полностью подготовлено к тому, что диктатура лучше, чем демократия, что смертная казнь, за отмену которой ратуют все страны Европейского Содружества, необходима для Украины, что “дыма без огня не бывает”, и если кого-то вдруг арестовали и он скончался за тюремной решеткой, не дожив до суда, – значит, так нужно. Предварительная работа закончена. Осталось сделать один только шаг...

Слышишь глухое, неторопливое шарканье сапог надзирателя в глубине тюремного коридора? Он проходит мимо нашей камеры. Останавливается. Не исключено, что через мгновение откроется кормушка, и одного из нас закажут с вещами на выход. Мы когда-то слышали эту фразу на воле: “с вещами на выход”, но только здесь, в тюрьме, по-настоящему поняли её скрытый смысл. Что нас ждет впереди? Другая камера, другая тюрьма или (я боюсь вслух произносить это слово), быть может, свобода?

Нервы напряжены до предела.

Взгляд прикован к обитой металлом двери.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*“Неприятность эту мы переживем”
(из песенки кота Леопольда)*

Подобно тому, как заканчивается любой срок заключения, так и мы подходим к последним страницам. Как и в любом ином измерении человеческого бытия, у нас было всё – и грустное, и смешное. На какой-то короткий миг опускались руки и хотелось тупо покончить с собой, но уже через минуту мы смеялись над собственной слабостью и благодарили судьбу за то, что поняли и узнали в тюрьме.

Согласись, бывало по-всякому...

Мы увидели мир в ином свете. Тюрьма заставила нас посмотреть на привычные вещи другими глазами. Мы заглянули в бездну, скрытую внутри нас, и задумались над ценой, казалось бы, простейших вещей – таких, как чистый воздух, солнечный свет, вода. На свободе у нас не было времени подумать о многом.

Посмотри на людей. Не напоминают ли они тебе легкоатлетов, бегущих по замкнутому кругу, по дорожкам вокруг исполинского футбольного поля? Они не знают, как пахнет трава под ногами, не слышат музыки в шелесте листьев, не видят, как содрогается воздух от взмаха крыльев **свободно** парящих птиц над чашей стадиона. Они бегут. Всё быстрее и быстрее, до изнеможения, в погоне за призрачной целью, существующей разве что только в их собственном воображении. У них нет и не будет времени на раздумья до тех пор, пока, задыхаясь от острой боли в груди, не упадут, разбив лицо в кровь о беговую дорожку.

Я вот думаю: неужели обязательно нужно упасть, чтобы задуматься над смыслом и сущностью бега?

Из нас двоих тебе сегодня повезло значительно больше, чем мне. Ты возвращаешься в мир свободных людей. Я остаюсь среди заключенных.

Какая всё-таки жизнь занятная штука! Сколько раз мы бросались друг на друга, готовые биться до смерти, а теперь чуть ли не со слезами на глазах расстаемся, не в состоянии подобрать нужных слов. Смешно.

*“Из нас двоих тебе сегодня повезло значительно больше, чем мне.
Ты возвращаешься в мир свободных людей. Я остаюсь среди заключенных.”*

- Обязательно отпиши.
- Ещё увидимся. Земля круглая.

Я наблюдаю, как ты торопливо пакуешь вещи в спортивную сумку, записываешь адреса на обрывке газеты, что-то съешь нам на память. Интересно, каким тебя встретит мир? Там, за тюремными стенами? Задумывался ли ты над тем, что на свободе встретишь совершенно других, незнакомых людей, только внешне похожих на тех, кого ты знал раньше? Нет, не они изменились. Они остались такими же, как и были. Всё значительно проще – ты стал другим и на мир теперь смотришь совершенно иными глазами.

Увы, тюрьма избавила тебя от многих иллюзий. Наконец-то ты понял, что в реальной жизни дружбы, как таковой, не бывает, а “Три мушкетера” Александра Дюма – не более чем красивая сказка. Вспомни, как много улыбающихся лиц мелькало на пороге твоего дома, пока всё шло хорошо, но как только гром грянул, как все вдруг куда-то пропали, чтобы, не приведи Господи, не запачкать себя, стоя рядом с твоей драгоценной персоной.

Многим из них достаточно было поднять телефонную трубку – и ты на свободе. Ты ждал, ты верил, что по-другому просто не может быть. Другого ты и представить не мог. Однако никто из них не набрал нужный номер. Что поделаешь – апостол Петр и тот отрекся от Иисуса Христа. Ты же далеко не Христос, а твои “друзья” мало похожи на святого Петра.

Не заводись, не трать попусту нервы. Ты сам придумал свой собственный мир, а потому не суди окружающих слишком уж строго. Как правило, в “друзья” набиваются те, кому ты выгоден, которые стремятся жить за чужой счет и рассматривают взаимоотношения с тобой исключительно как ступеньку в карьере, на которую можно без стеснения стать в грязной обуви по дороге наверх.

Да кому ты, в конце концов, нужен, за исключением тех, с кем связан кровными узами? Только они способны пожертвовать собой во имя твоего благополучия, не задумываясь о цене собственной жизни. Впрочем, в тюрьме ты видел и тех, кто бросал в пекло самых дорогих и близких людей. Что поделаешь – люди всегда остаются людьми...

Тебе повезло. О тебе помнили, за тебя ни на миг не прекращали бороться, тебя любили и ждали. Твой отец наконец-то перестанет оббивать пороги прокуратуры, а мама испечет любимый, с орехами, торт. Дети весело защебечут, прыгая вокруг, – им так

надоело слышать, что папа в командировке. Они до сих пор не могут понять, почему ты не позвонил и не приехал на Новый год. Ведь они для тебя приготовили столько подарков! Снова самые красивые женщины в мире повиснут на твоей шее, а ты будешь целовать руки только той, которой однажды навсегда подарил свое сердце. Ты возвращаешься в мир.

Нет, в тюрьме мы лучше не стали. Не для того возводились тюремные стены, чтобы ты стал моложе и здоровее после того, как тебя сознательно калечили и убивали. Ты не только стал старше, ты постарел. Твой организм нуждается в капитальном ремонте. Тебе придется потратить немало усилий на то, чтобы восстановиться и быть готовым вновь броситься в круговорот людей и событий. Врачи не зря утверждают: после двух месяцев заключения человек нуждается в серьезном лечении (мы с тобой отсидели значительно больше), а после пяти лет, проведенных за решеткой, в человеческом организме и особенно в психике наступают необратимые изменения. Подумай об этом, наслаждаясь вкусом свободы.

Проблема многих из тех, кто вышел из мест “не столь отдаленных” и тут же вернулся обратно, состоит в том, что они не смогли адаптироваться к окружающей среде после освобождения. На воле никто, за исключением разве что самого арестанта, не задумается о том, что не мешало бы пройти курс реабилитации. Родным и близким и так есть чем заняться, а государству, как всегда, плевать на своих граждан. Единственное, что оно может сделать, так это с сожалением вздохнуть: жаль, что всё-таки выжил.

Украина – более чем уникальное государство. Воистину, это страна Гоголя и Достоевского. В каком ещё парламенте мира зэк, отсидевший неполные двадцать лет, будет вопить в мегафон: “Пенсионерам – пенсию, бандитам – тюрьмы!”? Хотя нет, есть ещё ЮАР. Там бибизьянки во главе с Манделой (не без помощи родимых спецслужб) прорвались к власти, затопив Южную Африку в большой луже крови.

То, что сегодня происходит в стране, иначе как “демократией в полицейском участке” не назовешь. Так называемое “правосудие” на деле является чрезвычайно удобным орудием для расправы с неудобными. С политическими противниками, например. Что может быть проще? Достаточно подловить на чем-то горячем ранее судимого наркомана, затем более-менее симпатично оформить донос – и дело в шляпе. О какой законности, о каких правах че-

ловека может идти речь, когда в уголовно-процессуальном кодексе ясно сказано, что **любого** гражданина Украины можно засадить в тюрьму на основании “глубокого внутреннего убеждения” следователя, дабы он “не скрылся и не воспрепятствовал установлению истины”. Кричи — не кричи — кто услышит? Главное, засадить, а потом — хоть трава не расти. Следствие обычно тянется долго — до полутора лет, ещё годик-другой идет на ознакомление с делом, судебные заседания займут не один день и даже не месяц. Смотришь — лет пять пролетело. Можно и оправдать, если надо. Если нет — пусть ещё посидит.

Когда человека по каким-то причинам не могут убить открыто и быстро — его бросают умирать в застенки медленной, так сказать, естественной смертью. Нет человека — нет проблемы. Очень удобно. Ответственности никакой. Блюстители правопорядка привычно разведут руками: “Кто бы мог подумать...”. Когда количество погибших “самих по себе” начнет уж слишком сильно бросаться в глаза — кого-то из исполнителей понизят в должности. Вот и всё, что им грозит, но чтобы сам слуга “законности и порядка” уплыл за решетку — ни-ни. Нужно очень уж постараться, чтобы насолить “своим” до такой степени.

Если внимательно посмотреть на статистические данные, то без особого труда всё население Украины можно разделить на две категории — одни сидят, другие охраняют, время от времени меняясь местами. Все остальные катаются либо **ещё** в детских колясках, либо **уже** в инвалидных креслах.

Самое поразительное состоит в том, что мы с тобой, несмотря ни на что, всё ещё продолжаем любить родное жовто-блакитное государство.

Впрочем, где она, Украина? Слушать заумные разговоры о построении “независимого государства” из уст откормленных, словно розовощекие поросята, чиновников, по меньшей мере, смешно. Кому нужна **такая** “независимость”, превратившая уникальный уголок планеты в отсталую колонию, похуже банановой Урурумбы, где добродушные аборигены доедают очередного Кука на праздничный ужин? В то время, когда Европа усиленно объединяется, уничтожая и без того прозрачные границы, славяне по привычке роют окопы в тех местах, где на карте пунктиром обозначена государственная граница.

Не понимаю: какую именно демократию имеют в виду, когда заходит речь о славянских республиках бывшего СССР? Это в

цивилизованных странах возникшие проблемы принято решать путем компромиссов и соглашений под началом законодательства. У нас поступают по старинке — одна противоборствующая сторона уничтожает другую. Мнение о том, что нет лучшего средства от головной боли, чем гильотина, прочно укоренилось в мозговых извилинах наших сограждан. Поэтому в стране или диктатура, или война, или (пока не определились, что лучше) полный бардак и непонятка.

Я смотрю, ты меня совершенно не хочешь слушать. Понимаю — твои мысли уже далеко. Через пару часов тебя начнут отпаивать коньяком, а потом наверняка рванешь куда-нибудь на моря под южным солнцем кости погреть. Только лошадей на радостях не гони, а то снова дров наломаешь и вернешься на до боли знакомые нары. Спешка нужна сам знаешь во время чего и при охоте на блох, а не после выхода на свободу.

...Постояй, ты чего за кипятильник ухватился? Оставь в покое нужный в быту предмет — он нам ещё не раз пригодится. После вечерней проверки сделаем из него электроплитку. Говоришь, существует примета: все вещи с собой забирать, чтобы назад не вернуться? Смотри-ка, какой суеверный! Раньше я за тобой такого не замечал.

Поясняю: раз веришь в приметы — личные вещи, которые прикасались к телу, можешь забрать. Бог с ними. Если хочешь что-то оставить в камере — вынеси вначале свои тряпки на свободу, постирай там по-людски, а затем передай обратно братве. Что же касается предметов общего пользования, то оставь их в покое. В тюрьме каждая мелочь на вес золота, а тебе-то она зачем?

Ты выходишь на волю более свободным, чем был до ареста. Тебя уже не испугаешь тюрьмой, и от слова “расстрел” ты не станешь шараться, словно от паровоза. Мне почему-то кажется, что ты ещё не раз услышишь это малоприятное слово. Из уст контролера в трамвае, к примеру... Шучу. Не смотри на меня исподлобья.

Смею заметить, что долгожданная свобода не всегда бывает легка и приятна. За колючей проволокой тюрьма о многом думала вместо тебя. Когда гулять, когда спать, в какие дни мыться и так до бесконечности. За время пребывания за решеткой ты успел отвыкнуть от простейших вещей. Порой ты будешь напоминать пловца, который много лет не плавал и вдруг внезапно снова очутился в воде. Вместе с тем, в тюрьме ты приобрел уникальный жизненный опыт. Если не будешь глупить, он здорово поможет в

будущей жизни. Так что будем считать, что ты устранил некоторые пробелы в образовании.

Кому-кому, а тебе уже не нужно доказывать прописную истину — мусорам верить нельзя. Ты не будешь спешить открывать дверь, если они снова полезут, как крысы, в твой дом. Ты знаешь, как вести себя во время обыска и никогда добровольно не отдашь им деньги, ценности и, конечно же, документы.

То, что во время обыска украинские милиционеры занимают-ся заурядным воровством, ни для кого не секрет. Вопрос стоит, скорее, не в том — обворуют или не обворуют, а на какую сумму унесут из квартиры вещей. Поэтому ты наверняка постарайся, чтобы ничего ценного на виду не лежало. К слову, очень полезная привычка. Да и домашние будут довольны тем, что ты поддерживаешь в квартире чистоту и порядок.

Если не дай Бог что — ты знаешь, как вести себя во время допросов и во время проведения следственных действий. Тебя не удивить ни ложью, ни провокациями, ни шантажом. За время, проведенное в тюрьме, ты к ним привык, как младенец к женскому молоку. Ты сможешь без труда отличить законопослушного гражданина от захудалого стукача и поставишь в случае необходимости на место разбушевавшегося психопата.

Подумать только — сколько полезных навыков ты приобрел! С твоим умением делать прямой массаж сердца есть шанс быть принятым в Красный Крест. Будешь помогать врачам отличать грипп от сифилиса, а чесотку от гонореи. Твой опыт проживания в одной камере с носителями всевозможных инфекций наверняка пригодится отечественной медицине.

За решеткой тебе посчастливилось выучить ещё один диалект великого русского языка, на котором некогда говаривал Ленин. Ты знаешь, за какие слова следует отбить собеседнику голову, а на какие можно не обращать внимания. Жаль, что ты не филолог по образованию. Такую диссертацию можно было бы накатать на тему: “Речь и мышление” или “Влияние тюремной пищи на литературный русский язык”! Как всё-таки красочно описывал Достоевский тараканов, плавающих в тюремной похлебке! Я каждый раз с теплотой вспоминаю “Преступление и наказание”, когда перед кормушкой разливают в миски баланду.

Где ещё, как не в тюрьме, ты мог бы выучить разработанную учеными гимнастику для космонавтов, плавающих в невесомости по космической рубке размером в твою вонючую камеру? Тебе

пришлось полюбить бег на месте, а нескончаемые приседания уже не кажутся такими скучными и однообразными как в первые дни. Упражнения для глаз и на развитие брюшного пресса как-то незаметно вошли в привычку, а ежедневная постановка удара на опережение стала чем-то само собой разумеющимся, как прием пищи и чтение свежих газет.

Ты научился снимать стресс, занимаясь бытовыми делами — стиркой, штопаньем носков, взбиванием матраса, к примеру. Слегка почерневший юмор стал чем-то наподобие компаса, указывающего на выход из, казалось бы, безвыходной ситуации. Что поделаешь — тюремная жизнь абсурдна и нелепа во всех её проявлениях. Тюремщики даже расстрелять толком-то не сумеют, чтобы во время пальбы не сморозить какую-то хохму.

Никогда не забуду, как однажды, после вечерней проверки, надзиратели забыли запереть камеру. Я тогда сидел в тройнике. Наблюдая за реакцией сокамерников, я получил значительно больше удовольствия, чем в добрые старые времена во время просмотра спектакля в театре сатиры и юмора.

Самый ленивый и флегматичный арестант сказал: “Это мусорская прокладка. Не поддавайтесь на провокации...” — и завалился спать. Другой всю ночь судорожно вспоминал план-схему тюрьмы, увиденную краем глаза в кабинете начальника, активно обсуждая возможность побега, пока под утро сонный надзиратель не задвинул засов. Третий, самый трусливый и законопослушный, со словами: “Надо сказать, чтобы срочно закрыли, а то пришлют попытку к бегству,” — рванул в коридор искать надзирателей. Часа два где-то лазил, пока расстроенный не вернулся обратно, так никого и не обнаружив.

За решеткой ты впервые серьезно задумался над тем, что жизнь без веры бессмысленна и пуста, а река Времени устроена таким образом, что события тысячелетней давности порой протекают значительно ближе к нам, чем те, которые имели место, скажем, несколько дней или месяц назад. Помнишь, как мы всю ночь говорили о судьбе Иоанна Крестителя, об учении Пифагора, о тайном смысле символов, чисел?..

Я рад, что в тюрьме ты нашел время заглянуть в Библию и уже не задаешь дурацкие вопросы, чем, к примеру, Новый Завет отличается от Ветхого. До тебя наконец-то дошло, что Палестину следует искать на Ближнем Востоке, а не в закоулках Юго-Восточной Азии. Вспомнишь ли ты на свободе, как в тесной, прокурен-

ной камере мы десятки раз перечитывали Нагорную проповедь Иисуса Христа и как каждый раз в хорошо знакомых словах открывался нам новый смысл?

Я не знаю, чем встретит тебя твой родной дом, но верю: ты не сломаешься, узнав, как много горя и зла принесли в твой дом нелюди в казенных мундирах. Ты никого из них не забудешь и **никогда** не простишь. Спрячь за улыбкой и пустой болтовней горечь и боль. Окружающим незачем знать, что ты в действительности испытываешь в глубине сердца, какие мысли хранишь на дне глаз. Расплата относится к тому виду блюд, которые принято подавать на стол холодными, когда все будут уверены в том, что ты абсолютно всё позабыл.

Возьми мои четки на память. Помнишь того парня, приговоренного на прошлой неделе к смертной казни? Громкое дело. Ты не раз встречал его, идя на следственку по узким лабиринтам-пещерам, прорытым неизвестными кротами под землей, на которой стоит тюрьма. Так это он когда-то их мне подарил. Сейчас сидит на осужденке, пишет кассационную жалобу.

Ну, да ладно о грустном. Не для того ты столько времени провалялся в бетонной берлоге, чтобы вылезти на свет божий с кислой физиономией. Из тюрьмы обычно выпускают арестантов в конце рабочего дня. На прощание тебе вручат справку об освобождении с колоритной фотографией в фас из уголовного дела. Спрячь её в семейный альбом. Вдруг пригодится, когда в очередной раз станут переписывать историю человечества.

Всё, пора. Держи пять, братуха. Через несколько минут ты выйдешь за тюремные ворота и, надеюсь, никогда не вернешься обратно. Я рад, искренне рад за тебя и, конечно же, немного завидую, вышагивая из одного угла камеры в другой. Чтобы ты даже не сомневался — ты ещё не раз вспомнишь о нас, живя сытой и благоустроенной жизнью. Ты ещё будешь скучать по тюрьме, по этому странному, алогичному и перевернутому миру.

Быть может, когда-то и мне повезет выйти отсюда. Первым делом я соберу в одну кучу тюремные вещи и оболью их бензином. Ты даже не представляешь себе, с каким наслаждением я брошу на них горящую спичку! Словно сжигаю не вещи, а часть собственной жизни...

Чуть не забыл — заberi с собой мою книгу. Бросишь в камин, чтобы побыстрее загорелись дрова. Она была мне нужна, когда я ее писал, чтобы хоть как-то скрасить тюремную жизнь. Теперь же,

после последней страницы, она мне уже ни к чему. Да и тебе, я думаю, тоже.

Киев,

Лукьяновская тюрьма

1997-1998 гг.

*“Жизнь — это улыбка,
даже если из глаз текут слезы”
(последние слова, записанные в дневнике мамы)*

Вот мы и встретились, Мама.

Обычно люди, выходя из тюрьмы, радуются, словно дети, но для меня день освобождения стал самым черным днем в моей жизни. Я ведь так просил: “Дождись меня, Мама!” Почему Ты не послушала? Куда Ты так торопилась? Ведь оставалось совсем немного... Неужели Ты не могла подождать?

Через двадцать два часа после Твоего ухода я вернулся домой и стоял в Твоей комнате.

Видишь, Ма, напрасно ты волновалась. У нас всё в порядке. Меня полностью оправдали. Ты слышишь? У нас дома, как прежде, непрерывно звонит телефон. Звонят из разных стран мира, поздравляют, зовут в гости.

Слышишь, Мама?

Помнишь, как мы говорили о том, что Жизнь бесконечна? Что на самом деле мы не рождаемся и не умираем, а, словно звезды, вспыхиваем на короткое время среди земной суеты, чтобы затем незаметно погаснуть, вернувшись обратно, откуда пришли...

Мама!..

Знаешь, я так хочу воплотить в реальность всё то, о чем мы с Тобой толковали!.. А ещё я бы очень хотел, чтобы Твои внуки получили хорошее образование — самое лучшее в мире и прожили долгую, счастливую жизнь.

Я снова с головой окунусь в работу, невольно ускоряя поток времени, которое и так слишком уж быстро летит! Что такое десятилетия, когда смотришь назад? Увы, всего-навсего незаметная частичка мгновения.

Когда-нибудь придет мой день или, может быть, ночь. Я с тихой грустью оглянусь на пройденный путь, проваливаясь в Бесконечность. Благодаря Тебе, я больше не боюсь неизбежного ухода в небытие, потому что знаю — там я встречу Тебя и Ты меня обнимешь, как раньше.

Мы спокойно, не торопясь, присядем возле Твоих любимых цветов. Я так много хочу Тебе рассказать! Мы снова будем вместе, и никто не посмеет нас разлучить. Я знаю – мы обязательно будем счастливы, Мама!

Мы имеем право на Счастье.

Киев,

Байково кладбище

1998 г.

Об авторе **(послесловие к русскому изданию)**

Жизнь Андрея Кудина настолько богата яркими и неординарными событиями, что она более походит на сюжет детективного романа, чем на судьбу реально существующего человека. В биографии писателя причудливым образом переплелись увлекательные путешествия в малоизученные уголки планеты, головокружительный успех и беспощадные удары Фортуны. Удивительная способность выходить из вихря невзгод ещё более сильным, чем прежде, по праву закрепила за ним репутацию волевого и мужественного человека.

Андрей Вячеславович Кудин родился 23 августа 1965 года в городе Киеве. Рано, в неполные четыре года, научился читать. В школьные годы свободное время посвящал чтению и занятиям спортом, отдавая предпочтение боксу и борьбе самбо, а впоследствии (в четырнадцать лет) с головой окунулся в изучение техники восточных единоборств. Увлечение религиозно-философскими учениями Востока определило дальнейший выбор писателя — в семнадцать лет Андрей Кудин поступает на философский факультет Киевского университета имени Тараса Шевченко. В восемнадцать его призывают в Вооруженные Силы СССР, и следующие два года протекают в Северо-Кавказском Военном Округе.

“У меня всё в порядке. За меня не волнуйтесь,” — пишет Андрей в армейских письмах родным. Однако на деле всё обстояло далеко не так безоблачно, как на бумаге. Уже тогда, в середине восьмидесятых, в обществе отчетливо проявились процессы, приведшие через несколько лет к развалу Советского Союза и военным действиям на Кавказе. Из СКВО, где служил Андрей Кудин, многие возвращались домой раньше срока, запаянные в цинковые гробы.

В армии писатель прошел путь от рядового до старшины роты. Вернувшись после демобилизации к учебе в университете, Андрей Кудин целиком посвятил себя изучению истории религиозных учений Востока. В 1989 году блестяще защитил дипломную, а затем (в 1995 году) диссертационную работы. В стенах университета наряду с дисциплинами философского факультета Андрей с

увлечением изучает экономику и физиологию высшей нервной деятельности. После окончания учебы некоторое время работает преподавателем на кафедре философии Национального педагогического университета им. М. П. Драгоманова. Однако перспектива превратиться в кабинетного ученого, всю жизнь просидевшего в одних и тех же стенах, не прельщает двадцатипятилетнего парня, и он без сожаления пишет заявление об увольнении.

Ещё раньше Андрей Кудин вместе с единомышленниками создал спортивную школу WU SHU — китайских боевых искусств, в те годы лучшую на Украине. Его ученики успешно выступают на соревнованиях, становятся чемпионами и призерами юношеского чемпионата СССР (Туркменистан, 1990 г.) Стремясь достичь совершенства в китайских WU SHU, Андрей заканчивает двухгодичные государственные курсы иностранных языков (отделение китайского языка) и отправляется изучать боевые искусства в Китай, настойчиво тренируется у известных мастеров Востока в Пекине, в Академии боевых искусств при монастыре Шаолинь, а позже — на юге Китая.

На Украину Андрей Кудин возвращается известным и зрелым мастером, работает старшим преподавателем на кафедре борьбы в Украинском государственном университете физического воспитания и спорта, пишет статьи, издает (в соавторстве) книги “Техника школы сань да” и “Когти сокола”, освещающие различные аспекты китайских боевых искусств.

Создав при кафедре борьбы отделение китайских WU SHU и подготовив замену, Андрей Кудин уходит в научную работу, издает монографию по философии, пишет киносценарий “Черная масть”, выпускает в свет сборник стихотворений. Пожалуй, с этого момента наступает наиболее бурный и насыщенный событиями период в жизни писателя.

Внимание Андрея Кудина вновь приковано к Юго-Восточной Азии. Его можно встретить в древних монастырях Китая, Малайзии, Таиланда... Андрей тщательно готовит экспедицию вглубь Тибета со стороны Индии и Непала, однако внезапно откладывает её на неопределенный срок и уезжает в Африку, а затем на Ближний Восток. Посещает древние святыни Израиля, Иордании, Ливана, некоторое время живет в Греции на берегу Коринфского залива.

Несмотря на то, что значительная часть времени протекает за пределами Родины, жизнь писателя неразрывно связана с Украиной. Работа в коммерческих структурах позволяет ему чувствовать

себя материально независимым и дает возможность самостоятельно финансировать научные проекты и поездки.

Неудивительно, что у такого неординарного человека всегда были не только многочисленные друзья и сторонники, но и завистники и недоброжелатели. Андрея Кудина нередко пытались оклеветать, а в сентябре 1997 года на основании грязного доноса его бросают в тюрьму. Газетчики, подхватив сенсацию, взхлеб обвиняют Андрея Кудина в “бандитизме и организации заказных убийств”, по телевидению в новостях объявляют, что участь писателя решена, и он, сидя в камере смертников, ждет смертной казни.

Абсурдность обвинений была очевидна. Подкупленные сотрудники правоохранительных органов настолько торопились, фабрикуя уголовное дело, что даже не удосужились поинтересоваться — находился ли Андрей в то время в стране или нет. А ведь для этого вполне достаточно было открыть заграничный паспорт и посмотреть отметки таможи. Очевидно, сотрудники милиции рассчитывали на то, что писатель, испугавшись издевательств и пыток, сразу же напишет под диктовку, так называемое “чистосердечное признание”. Однако Андрей Кудин наотрез отказался оболгать себя и друзей, а на все вопросы у него был один ответ — презрение и молчание.

Все обвинения рассыпались, словно карточный домик. Андрей выходит на свободу, но время, проведенное в застенках, не могло не отразиться на здоровье. Во время одного из допросов закованный в наручники писатель был жестоко избит, и только сложнейшая операция, проведенная впоследствии в стенах института нейрохирургии, спасла Андрею Кудину жизнь.

Многие люди, узнав, что они теперь инвалиды второй группы и им предстоит долгие месяцы, а может быть, годы провести в больничной палате, наверняка бы сникли и смирились с судьбой. Писатель с честью выдержал и это испытание. “Что бы ни случилось, какая бы ни выпала карта, мы не имеем права утратить присутствие духа,” — пишет Андрей Кудин в книге “Как выжить в тюрьме”. Он много и упорно работает над собой, ежедневно по много часов проводит в спортзале и уже через полтора года после операции возвращается к активной жизни.

Мир Андрея Кудина — это мир сильных и красивых людей для которых “...слова **любить** и **ненавидеть** уже не просто слова, а

смысл оставшейся жизни”. Где бы и в каких бы условиях не оказался человек, он всегда остается прежде всего Человеком, возвышающимся над грязью земной суеты. По мнению Андрея Кудина, все люди изначально созданы совершенными. Обладая свободой выбора, каждый из нас может как развиваться до бесконечности, так и деградировать до самоуничтожения.

После развала Советского Союза многие верили, что вот теперь-то наступит долгожданное “светлое будущее”. Однако иллюзии так и остались иллюзиями, а вместо них пришли ещё более тяжкие времена. Для многих современных авторов окружающий мир представляется ни чем иным, как мрачным, тюремным подземельем, в котором всё плохо и из которого выхода нет.

Подход Андрея Кудина принципиально иной. Его книги несут очищение и дарят надежду — каждый человек может достойно пройти предначертанный путь, каким бы трудным он ни был.

Александр Назаровский

Президент Института Буддизма

“Дхарма Ваджра”

ОГЛАВЛЕНИЕ

А. Кудин

Как выжить в тюрьме

Вступление	5
Гл. I <i>Первые дни</i>	15
Гл. II <i>Как вести себя во время допроса</i>	29
Гл. III <i>Камера предварительного заключения</i>	44
Гл. IV <i>Введение в тюремную лексику</i>	58
Гл. V <i>Кое-что из тюремного быта</i>	68
Гл. VI <i>Сотрудники мест “не столь отдаленных”</i>	79
Гл. VII <i>Как работает опер. часть</i>	86
Гл. VIII <i>Что такое тюремная медицина</i>	93
Гл. IX <i>Физические упражнения и тюремная камера</i>	108
Гл. X <i>Тюремная кулинария</i>	122
Гл. XI <i>Интеллект и тюрьма</i>	136
Гл. XII <i>Как относиться к сокамерникам</i>	150
Гл. XIII <i>Тюремные игры и развлечения</i>	166
Гл. XIV <i>Секс и тюрьма</i>	180
Гл. XV <i>Жизнь за пределами “Я”</i>	197
Гл. XVI <i>О тех, кто остался на воле</i>	213
Заключение	229
Вместо эпилога	239
А. Назаровский <i>Об авторе</i> (послесловие к русскому изданию)	242

